

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**«ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ»:
общество и власть в Среднем Поволжье
(вторая половина XVI – начало XX в.)**

Часть 2

Заселение региона и этнодемографическая ситуация

*Утверждено редакционно-издательским советом университета
в качестве монографии*

Под редакцией П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой

Самара
Издательство «Самарский университет»
2014

УДК 947.072:083.72
ББК 63.3(2)45–52
О24

Р е ц е н з е н т ы :

д-р ист. наук, проф. В.В. Кондрашин,
д-р ист. наук, проф. В.Н. Данилов

Научный руководитель проекта д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов

А в т о р ы :

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева, Л.М. Аргамонова,
Т.И. Ведерникова, Л.Н. Гончаренко, Н.Н. Кабытова,
З.М. Кобозева, Ю.Н. Смирнов, Ю.И. Смыков

О24

«Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. – 254 с.

ISBN 978-5-86465-631-0

Настоящая книга является второй частью коллективной монографии «“Обретение родины”: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.)», изданной в 2013 г. В монографии предпринята попытка определить существенные характеристики процессов заселения лесостепных районов Среднего Поволжья и Заволжья как особой составной части Юго-Востока Европейской России. Анализируются ключевые особенности складывания в регионе различных систем расселения, направление и интенсивность миграционных процессов на разных этапах его колонизации, состав и численность населения.

Предназначена для преподавателей высших и средних специальных учебных заведений, студентов, краеведов и всех, кто интересуется историей Отечества.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Грант Ученого совета Самарского государственного университета № 2013-11-20 «Формирование населения и социальные конфликты на Юго-Востоке Европейской России в конце XVI – начале XX в.».

УДК 947.072:083.72
ББК 63.3(2)45–52

ISBN 978-5-86465-631-0

© Авторы, 2014
© Самарский государственный университет, 2014
© Оформление. Издательство «Самарский университет», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава I. Складывание населения Южного Средневолжья во второй половине XVI – начале XVIII в.	7
1. Особенности освоения региона и его население во второй половине XVI – середине XVII в.	7
2. Население региона во второй половине XVII – начале XVIII в.: численность, состав, размещение	22
Глава II. Формирование и состав населения Самарского Поволжья и Заволжья в XVIII – первой половине XIX в.	76
1. Начало массового заселения в 1730–1740-е гг. и освоение края в третьей четверти XVIII века	76
2. Заселение и освоение земель Среднего Поволжья в конце XVIII – начале XIX в.	87
3. Население Самарского Заволжья, его этнический и конфессиональный состав в первой половине XIX века	100
Глава III. Демографические процессы и этноконфессиональный состав населения Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.	114
1. Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии	114
2. Особенности демографического развития и социальный состав населения Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.	142
3. Национальный состав населения Поволжья в конце XIX века	162
4. Национальный состав населения Самарской губернии во второй половине XIX в.	172
5. Этнокультурные процессы в среде полиэтничного населения Самарского Заволжья во второй половине XIX – начале XX в.	181
Заключение	234

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Вашему вниманию предлагается вторая часть коллективной монографии «“Обретение родины”: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.)». Новая книга «Заселение региона и этнодемографическая ситуация» продолжает цикл монографических публикаций, посвященных месту и роли лесостепных и степных территорий Средневолжского региона в контексте формирования российской государственности и социума в московский и имперский периоды отечественной истории. В ней отражены результаты научно-исследовательской работы историков Самарского государственного университета в рамках выполнения Федеральной целевой программы «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)»¹.

В первой книге разрабатывались теоретические проблемы освоения пограничных территорий, их историографические и источниковедческие аспекты; исследовались особенности государственного строительства и специфика систем местного управления и самоуправления на Юго-Востоке Европейской России. Во второй книге рассматриваются система расселения, миграционные процессы в пространстве лесостепных и степных районов Среднего Поволжья и Заволжья; особенности складывания населения региона, его этнического, конфессионального, социального состава и численности; а также диффузия различных национальных культур, аккультурация и ассимиляция, формирование особых этнотерриториальных групп, характерных именно для Среднего Поволжья и Заволжья. В избранный регион как особую составную часть Юго-Востока Европейской России в границах современного административно-территориального деления входят территории Самарской и Ульяновской областей, а также пограничные с ними районы Саратовской, Пензенской, Оренбургской областей, Республики Татарстан, Республики Башкортостан и Казахстана.

Как и при подготовке первой книги, авторы придерживаются концептуального положения, что на протяжении всего изучаемого периода происходило постепенное эволюционное изменение статуса региона в составе Московского государства – Российской империи. Территории юго-востока, и в частности лесостепного Среднего Поволжья и Заволжья, из пограничной области, облада-

ющей основными признаками фронта, превратились во «внутреннюю окраину» страны, органично войдя в сложившуюся систему политических, социально-экономических и социокультурных отношений, характерных для «ядра» Российского государства.

В определенной степени к изучаемому пространству можно приложить известные слова С.М. Соловьева о том, что это «...была обширная, девственная страна, ожидавшая населения, ожидавшая истории»². Высказанное историком базовое положение о «стране, ожидавшей населения», на наш взгляд, отражает суть процессов, происходивших в рассматриваемом регионе. Ставшие «ничейными» и лишь в некоторой степени включенные в состав Российского государства лесостепные пространства европейского юго-востока как бы «затягивали» в себя разнообразные в этноконфессиональном отношении потоки переселенцев, способствовали их расселению, а при определенном насыщении выталкивали лишних все дальше на просторы юга и востока.

После завоевания Казанского и Астраханского ханств регион в силу исторических обстоятельств оказался в зоне пограничья, фронта между различными государственными образованиями и этноконфессиональными сообществами и практически не имел постоянного населения. Поэтому в течение второй половины XVI – начала XX в. на данной территории происходил процесс так называемого «обретения родины». Он заключался в складывании своеобразного социума из различных в этническом и конфессиональном отношении групп переселенцев: русских, украинцев, немцев; автохтонного населения Среднего Поволжья – татар, чувашей, мордвы, башкир; кочевого населения юго-восточных степей. Для представителей всех этих народов, заселявших новые, фактически пустынные территории, практически не существовало деления на автохтонное коренное и пришлое население³.

Совместная колонизация средневолжской лесостепи, протекавшая на различных уровнях и в многообразных формах, постоянное взаимодействие в этом процессе способствовали межэтнической и межконфессиональной консолидации, диффузии материальной и духовной культуры. Происходило медленное, постепенное формирование нового поликомпонентного социума, который обретал свое историческое бытие как единая общность. Анализу этих сложных неоднозначных процессов и посвящена настоящая книга.

Как и первая часть, книга представляет собой цикл очерков. Очерковый характер исследования выражен не только в разнооб-

разии сюжетов, избранных авторами при рассмотрении проблем заселения пространства региона, формирования его населения, но и в выборе для изучения отдельных локальных территорий, которые в тот или иной период являлись центрами колонизационных процессов. В различных главах и параграфах настоящей монографии взгляд исследователя то охватывает все губернии Среднего и Нижнего Поволжья, то фокусируется на южной части Среднего Поволжья и Заволжья. Такой подход позволяет оценить своеобразие процессов, протекавших в выделенном нами регионе, в более широком историческом контексте. Разделы монографии различаются и по характеру исследовательских задач, и по инструментарию анализа: здесь представлен и классический историко-генетический подход, и историографический анализ, и статистические методы исследования, и изучение этнокультурных процессов.

В работе над настоящим изданием участвовал авторский коллектив, основную часть которого составляют преподаватели и научные сотрудники Самарского государственного университета. Предисловие: П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева. Глава 1: параграфы 1, 2 - Э.Л. Дубман. Глава 2: параграф 1, 2 – Ю.Н. Смирнов; параграф 3 - Л.М. Артамонова. Глава 3: параграф 1 – О.Б. Леонтьева; параграф 2 – П.С. Кабытов, Н.Н. Кабытова, З.М. Кобозева; параграф 3 – Ю.И. Смыков (Казанский государственный Приволжский (федеральный) университет), Л.Н. Гончаренко (Санкт-Петербургский государственный экономический университет); параграф 4 – О.Б. Леонтьева; параграф 5 – Т.И. Ведерникова (Самарская государственная академия культуры и искусств). Заключение: П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева

Примечания

¹ Комплекс научно-исследовательских работ выполнен в 2012–2013 гг. при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)».

² Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С.631.

³ Впервые это положение было высказано П.С. Кабытовым и Э.Л. Дубманом. См.: Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Среднее Поволжье и проблемы национальных отношений // Регионоведение. 1993. № 2. С. 86.

ГЛАВА I.

СКЛАДЫВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII В.

1. ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ РЕГИОНА И ЕГО НАСЕЛЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – СЕРЕДИНЕ XVII В.

Для российских общества и государственности период второй половины XVI – XVII вв. явился одним из самых противоречивых и сложных. Никогда ранее в истории страны не наблюдалось столь значительного расширения ее территории за счет слабообжитых, полупустынных земель и столь мощных миграционных потоков, направленных на их хозяйственное освоение. Новые пространства на европейском юго-востоке входили в состав Московского государства со своим автохтонным разнообразным в этноконфессиональном отношении населением: оседлым (народы, населявшие бывшее Казанское ханство); полукочевыми жителями Башкирии и кочевниками (ногаями, калмыками и т. д.). Все это порождало неравномерность в развитии отдельных районов и придавало процессам, происходившим там, особый противоречивый характер.

После присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к России земледельческая колонизация затронула только территорию собственно Казанского края и почти на столетие – до середины XVII в. – остановилась на южных границах бывшего ханства: в Правобережье – на линии Темников – Алатырь – Тетюши; в Заволжье – по нижнему и среднему течению Камы¹. Все лесостепное пространство к югу и юго-востоку, оставаясь вне ареала массового оседлого расселения, являлось своеобразной буферной зоной; фронтиром, где соседствовали орды кочевых и полукочевых сообществ, представители автохтонных народов Среднего Поволжья, осваивавших эти территории «наездом»; станицы вольного казачества, ватаги русских рыболовов, военизированное население первых русских городов на Волге.

Важнейшей особенностью региона, который мы условно называем Южным Средневожьем², был процесс его массовой колонизации, начавшийся в середине XVII в. Интенсивные миграционные потоки, складывание системы устойчивого расселения, нового хозяйственного и культурного облика; взаимодействие и взаимовлияние различных народов «леса и степи» в ходе «обретения родины» и формирования нового социума являлись основными сущностными характеристиками развития Южного Средневожья, превращения его из территории фронта в «внутреннюю окраину» Российской империи.

В этом сложном процессе принимали участие различные этноконфессиональные сообщества и социальные группы. Несмотря на противоречия и нередкие конфликты между его участниками, их объединяли общие цели и задачи. С.Ф. Платонов в конце XIX в. писал, что в процессе колонизации новых территорий народ и государство «...взаимною поддержкою умножают свои силы и энергию»³. К этому же выводу, но после почти столетнего перерыва, приходят авторы обобщающей работы по истории российского крестьянства: «В настоящее время противопоставлению правительственной и вольной колонизации все чаще приходит на смену мнение об их органической связи; в целом для практики освоения “украин” в XVI – XVII в.в. характерно тесное переплетение различных колонизационных форм, их постоянное взаимодействие»⁴.

Вместе с тем необходимо особо отметить, по образному выражению Л.В. Милова, «необычайную активность Русского государства в области создания так называемых “всеобщих условий производства”»⁵. Именно государство могло обеспечить в лесостепной зоне фронта сравнительно безопасные условия для его новых жителей, оно выступало верховным судьей в урегулировании различных социальных, хозяйственных, этнических и конфессиональных конфликтов.

Кочевое и полукочевое население. Для оседлых земледельцев все пространство, лежащее к югу и юго-востоку от ареала их расселения, считалось пустынной «порозжей» землей, «Диким полем». Понятие «Дикое поле» как обозначение определенного региона историки обычно относят к южной лесостепи и степи, расположенной к западу от Дона⁶. Но, судя по источникам позднего Средневековья, этим термином в более узком смысле – для обозначения пустынных земель – пользовались жители пограничных районов и на юго-востоке⁷. В конце XV – первой половине XVI в.

территория Южного Средневожья являлась окраинной, пограничной между несколькими этническими сообществами, которые после распада Золотой Орды образовали Казанское ханство, Ногайскую Орду и находившийся в зависимости от последней союз башкирских племен.

Если жители Казанского ханства и башкиры появлялись в Южном Средневожье лишь sporadически, время от времени, или занимали сравнительно небольшие локальные зоны на севере и северо-востоке региона, то для ногаев вплоть до начала XVII в. это пространство являлось важнейшей составляющей годового цикла кочевания – летними северными пастбищами⁸. Ногайская Орда, занимавшая огромные территории от Аральского моря до Дона, была непрочным образованием, состоявшим из почти двух десятков различных тюркских и монгольских племен (орд) – мангытов, найманов, кипчаков, киятов и т. д.⁹ Систему кочевания отдельных ногайских улусов в середине – второй половине XVI в., распределения между ними летних пастбищ, в том числе и в южной лесостепи Среднего Поволжья, удалось в настоящее время в общих чертах реконструировать¹⁰. Суровое время года приволжские улусы Орды проводили в низовьях Волги, Яика (Урала), в Прикаспии; с наступлением весны поднимаясь по волго-уральскому водоразделу, они выходили в район Общего Сырта, откуда брало свое начало большинство притоков Волги, Камы и Яика, а затем расходились «летовать» на север и запад по рекам Ику, Самаре, Большому Кинелю и Большому Иргизу. Все пространство пастбищ, жестко распределенное между отдельными улусами, было «освоенным» кочевыми сообществами. Из всех народов, входивших в Золотую Орду, ногаи более других остались верны завету Чингисхана «езде кочевать, никогда не сделаться оседлыми». За исключением столицы – Сарайчика – они практически не имели ни городов, ни постоянных жилищ, жили в открытых степях. Это был пастушеский народ, богатство которого составлял скот и пастбища.

К середине XVI в. численность ногаев достигала от 700 тыс. до 1 млн человек, но затем вследствие кризисных явлений стала неуклонно сокращаться. Во второй половине XVI в. в результате системного кризиса, охватившего ногайское общество, Ногайская Орда распалась на несколько государственных образований. Ее преемницей стала Большая Ногайская Орда, занявшая в Заволжье пространство междуречья Волги и Яика. К концу XVI в. насе-

ление Большой Ногайской Орды составляло немногим более 300 тысяч чел., а к концу 1620-х гг. оно насчитывало уже от 80 до 120 тыс. чел.¹¹

В первой трети следующего столетия ногаи уступили волго-уральское междуречье, в том числе и лесостепное Заволжье, пришедшим из западной Монголии калмыкам (ойратам), которые в середине XVII в. создали Калмыцкое ханство. Калмыки в этническом отношении были наиболее близки к тем монголам, которые завоевали в середине XIII в. русские земли. Численность новых хозяев Поволжья и Приуралья составляла около 280 тыс. человек, из них до 80 000 воинов¹².

Все калмыцкое общество делилось на улусы, а улусы – на аймаки¹³. Каждый аймак имел общее кочевье. Как и у ногаев, хозяйство калмыков основывалось на кочевом скотоводстве. Калмыки заняли практически всю территорию кочевий ногаев и со второй трети XVII в. являлись основным степным соседом России на юго-востоке. В Заволжье северная граница их кочевий доходила до р. Самары и Б. Кинеля; на Правобережье – до южной оконечности Самарской Луки.

Несмотря на этноконфессиональные различия, в основных чертах образ жизни ногаев и заменивших их в междуречье Волги и Урала калмыков был близок. Эти два сообщества являлись типичными представителями кочевой цивилизации¹⁴ и основывались на едином способе хозяйствования – кочевом скотоводстве, совпадении или значительной близости видового и количественного состава стад, способов получения основных продуктов жизнеобеспечения. Характерные особенности такого кочевого образа жизни, эксплуатации окружающего пространства получили подробное описание в русских средневековых документах, сообщениях европейцев и восточных купцов, научных записках академических экспедиций XVIII в.

С ослаблением ногаев на юго-запад в Заволжье стали расширяться охотничьи и кочевые угодья башкир. По рекам Ику, Мензеле, Заю располагались их крайние юго-восточные селения, а по Соку, Самаре, Б. Черемшану, верховьям Кондурчи и Кичуя охотничьи угодья. Тюркоязычные башкиры были сравнительно немногочисленны. В конце XVII в. все мужское население у них составляло 25–30 тысяч человек¹⁵. У башкир полукочевое скотоводство сочеталось с охотой, бортничеством, другими лесными промыслами; земледелие имело слабое распространение¹⁶.

Изменения в составе населения после присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к России. В течение длительного периода, вплоть до второй четверти XVII в., изменения, происходившие в формировании населения Южного Средневожья, особенностях его расселения и хозяйствования, были незначительными и практически не меняли облик, сложившийся в предшествующий период истории региона. К новым явлениям следует отнести строительство городов-крепостей на Волге (Самара и Саратов), р. Белой (Уфа); промышленное освоение акватории Волги и Камы и складывание на берегах рек сезонных рыболовецких предприятий, принадлежавших различным группам промышленников. В сравнительно безопасных лесных и лесостепных районах волжского Правобережья и Заволжья широкое развитие получили сезонные промыслы («наездом») мордовского, чувашского и татарского населения.

Волжское казачество. События середины XVI в., запустение кочевий степных народов способствовали возникновению на обширном лесостепном пространстве свободных неконтролируемых районов. В них скапливались, по образному выражению Л.Н. Гумилева, «люди длинной воли», уходившие от крепостничества, жесткой государственной регламентации.

Первоначально вольные казаки были в основном выходцами из кочевых сообществ. Казаками называли отряды татарской вольницы и даже мурз с улусами, ушедших из-под власти своих правителей¹⁷. Термины «казак», «есаул», «атаман», «кош» и другие возникли в татарской (тюркской) среде. В Москве так писали о казаках Дикого Поля в первой половине XVI в.: «...на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаков, а и наших украин казаки с ними ж, смешався, ходят, и те люди как вам тати и разбойники, и на лихо их никто не учит, а учинив которое лихо, разъезжаются по своим землям»¹⁸. В русских источниках того времени упоминаются, как правило, «мещерские» казаки, являвшиеся перешедшими на службу Москвы татарами¹⁹.

Только с середины XVI в. упоминания о казачьей вольнице на Волге становятся постоянными. Поток беглых с севера начинает преобладать, и вскоре подавляющее большинство казаков оказалось выходцами из России и Украины. На территориях фронта — пограничья — возникает и интенсивно развивается своеобразная «речная», а не степная, как раньше, вольница. Местами ее обитания становятся крупнейшие реки юго-востока — Дон, Волга, Яик (Урал), Терек. Казачьи станицы прятались на островах, в залесен-

ных поймах рек и мысах. Заниматься привычным по прошлой жизни земледелием в открытой для нападений кочевников местности казаки не могли. Рыболовство, охота и другие промыслы, служба на «перевозах», выполнение отдельных военных поручений московского правительства, набеги на кочевых (да и оседлых) соседей, торговые караваны являлись основой хозяйственной жизни вольницы, способом выживания в чрезвычайных условиях фронта. В 1604 г. бий Большой Ногайской Орды Иштерек писал Борису Годунову: «Токо бы казаки на улусы приходили сухим путем, и он бы над казаками умел промышляти. А то де казаки приходят на них водяным путем, в розни многими людьми... а на воде над ними промыслу никоторого не умеет учинить... И быть им (ногаям. — Э. Д.) от казаков в великом разоренье. А уберечись от казаков никоим обычаем нельзя, потому что казаки многие. А приходят разными протоками и многими людьми, по двести и по триста и более человек»²⁰.

Во второй половине XVI в., когда крупные казачьи сообщества на Волге, Дону и Яике только начали складываться, деления на донское, волжское, яицкое казачество не существовало²¹. Соединенные сетью волоков-переволок, эти три речные системы в пределах степи оказались колыбелью для возникновения единого ареала вольных казачьих общин. До конца XVI в. московские приказные люди путались в терминологии, чаще всего употребляя такие названия для казаков, как волжские и донские. Да и сами казаки считали все обширное лесостепное пространство от Яика до Дона своей единой родиной. Только в самом конце века, когда правительство, обеспокоенное столкновениями и грабежами на Волге, поставило в ее среднем и нижнем течении города-крепости, эта целостная казачья область оказалась насильно разорванной. Формирование крайних ее крыльев на Дону и Яике пошло обособленно; на Волге вольное казачество вскоре прекратило свое существование²². Но еще долгое время Волга оставалась общим излюбленным местом вольницы для поиска добычи. Нередко сюда забредали даже отряды черкас — украинских казаков.

Своеобразие так и не сложившейся в отдельную казачью область волжской вольницы заключалось в том, что она формировалась в пространстве, каждый летний сезон привлекавшем десятки тысяч людей. Казачья вольница представляла собой вершину своеобразного социального «айсберга», состоящего из многочисленных категорий работных людей, занятых в волжском судоходстве

и промыслах. В сезон навигации они стекались на Волгу из самых различных районов страны. Многие из них могли спокойно переходить от мирной трудовой деятельности к грабежам и разбоям и так же легко возвращаться в прежнее состояние²³. Своеобразными «ядрами кристаллизации» для всей этой разношерстной массы были отряды яицких и донских казаков, постоянно появлявшиеся на Волге.

Одним из центров складывания волжского казачества являлась территория Самаро-Саратовского Поволжья. Этому способствовало наличие двух речных систем – Самары и Большого Иргица, по которым через волоки можно было легко добраться с Волги на Яик и обратно. Казачество редко пыталось основать на волжских берегах постоянные поселения и городки. Правительство не позволяло ему установить действенный контроль над волжским путем. Даже в годы наивысшего разгула по волжским просторам свои зимовья казаки устраивали все-таки на Дону и Яике. Волга была прежде всего летним пристанищем, местом для государевой службы и разбоев.

Строительство городов-крепостей на Волге лишило всякой перспективы возможность формирования в Среднем и Нижнем Поволжье казачьей области. Отряды волжской вольницы перешли на Яик и Дон. Однако появление городов не смогло в полной мере обезопасить волжскую акваторию.

Благоприятные условия для возрождения волжского казачества сложились в годы Смуты. По данным А.А. Гераклитова, в 1613 г. по всей Волге от Самары до Царицына (точнее до Вязовки, лежащей в 150 км ниже Царицына) находилось 8 казачьих городков, в которых в совокупности насчитывалось до 600 казаков²⁴. Неясно, были ли эти городки зимовьями или временными летними стоянками.

События начала XVII в. буквально перевернули представления в русском и западноевропейском обществах о казачьей вольнице. В сочинениях И. Массы, П. Петрея, Ж. Маржерета и других авторов эта социальная группа выходит на авансцену российской истории, становится одним из главных акторов Смутного времени. По свидетельству француза Ж. Маржерета, число служилых казаков по всей стране составляло от пяти до шести тысяч человек, в то время как «настоящие казаки, которые держатся в татарских полях вдоль таких рек, как Волга, Дон, Днепр и другие», насчитывали никак не менее восьми – десяти тысяч человек²⁵.

Правительственный контроль над Средним Поволжьем был установлен только во второй половине 1610-х гг. В результате возможности для второго рождения волжской вольницы были утрачены – на этот раз уже навсегда.

Промысловое освоение «наездом». Распад Золотой Орды привел к запустению лесостепного пространства Южного Средневожья. Только после присоединения к России начинается его новое промысловое освоение. Вся лесостепь до Самарской Луки и южнее становится зоной активного промыслового предпринимательства²⁶. Если богатейшие природные ресурсы волжской акватории эксплуатировались, как правило, русскими предпринимателями, то одновременно протекавшая хозяйственная деятельность в лесостепном пространстве Предволжья и Заволжья осуществлялась татарами, чувашами, мордвой и представителями других средневожжских этносов.

Прежде всего, это касается Правобережья с его обилием крупных лесных массивов. Кочевья ногаев и сменивших их калмыков здесь находились значительно южнее и не получили широкого развития. Так, промысловые угодья жителей Алатырского уезда в первой четверти XVII в. простирались на юго-восток вплоть до устья р. Терешки (чуть выше современного Саратова)²⁷. По соседству, вдоль волжских берегов до Самарской Луки, включая и этот полуостров, тянулись промысловые владения мордвы, татар и чувашей Казанского уезда. Начальные данные о таких угодьях относятся еще к временам Казанского ханства и правления Бориса Годунова²⁸.

На Самарской Луке мордва появляется, по крайней мере, с середины XVI в. в качестве пользователя бортными урожаями, а в первой половине XVII в. она не только расширяет свою промысловую деятельность, но и оседает здесь²⁹. Подобные промыслы были постоянными, существовавшими на протяжении десятков лет. Промысловые угодья распределялись и фиксировались в делопроизводстве местных съезжих изб. Они требовали длительной сезонной деятельности промысловиков – вотчинников, оброчников, наемных работников. В крае, граничащем с летними пастбищами кочевников, находилось промысловое население, приходившее сюда «изгоном» и делавшее все возможное, чтобы не обнаружить своего присутствия. Вплоть до крайних границ лесостепи на юге (реки Сызранка, Крымза, Терешка на Правобережье; Самара и Кинель в Заволжье³⁰) регион был населен. Пример такого «засе-

ления» дает промысловая деятельность казанских феодалов Асановых, получивших бортные, бобровые и рыбные угодья на левобережье от р. Майны вниз по Волге по р. Уреню и до будущего с. Красный Яр (выше Симбирского городища) ранее 1581/82 г. Эта крупная промысловая вотчина была закреплена за семьей Асановых вплоть до конца XVII в.³¹ В их угодьях, как и у других вотчинников и оброчников, в течение промыслового сезона постоянно находились промышленники. Они устраивали временные жилища, хранилища, рыболовецкие и охотничьи станы, укрывались от отрядов кочевников. Если на южной границе, по словам С.Ф. Платонова, «недоступный конному степняку-грабителю, лес для русского поселенца был и убежищем и кормильцем. Рыболовство в лесных озерах и реках, охота и бортничество привлекало поселенцев именно в леса»³², то на юго-востоке такими «поселенцами» выступали, прежде всего, представители местного автохтонного населения Среднего Поволжья.

В конце XVI – начале XVII в. земледельческая колонизация перешагнула границу засек по линии Алатырь – Тетюши. В первую очередь она шла в рамках двух уездов – Алатырского и Свияжского (хотя между Алатырским и Свияжским вклинивались земли Чебоксарского и, возможно, других уездов, а по правобережью Волги узкой полосой тянулись от Тетюшей земли Казанского уезда). Исследователи считают, что и к югу от упомянутой линии шли интенсивные процессы освоения, протекавшие в весьма своеобразной форме³³. На рубеже XVI – XVII вв. отдельные чувашские деревни возникают по широте Самары и южнее, на территории будущего Симбирского уезда³⁴. Эти селения были небольшими, существовали недолго, могли изменять свое местоположение. Подобные же процессы происходили и в Закамье³⁵.

Таким образом, вся территория вдоль волжских берегов отнюдь не была пустынна. Здесь кипела жизнь; но жизнь, скрытая от постороннего глаза, основанная не на постоянном оседлом поселении, а на временном укромном стане – убежище, сезонном промысле. Роль государства в этом освоении можно свести только к созданию определенных предпосылок заселения, к контролю за общей ситуацией в крае, не более того. Подсчитать количество таких сезонных промысловиков вряд ли возможно, но их было немало.

Иначе происходило хозяйственное освоение природных ресурсов акватории Волги и Камы. Здесь уже с конца XVI в. появились

крупные сезонные предприятия дворца, церковных корпораций, привилегированного купечества; мелкие оброчные – посадских и приборных людей, даже крестьян. Все эти предприниматели фактически выступали в роли организаторов и участников своеобразного промыслового освоения региона, способствовали формированию в районах промыслов значительных групп пришлого сезонного населения. В этническом отношении владельцы и организаторы промыслов, работники, арендаторы были в основном русскими, выходцами из средневожских и центральных районов страны.

На Волге от устья Камы до впадения Б. Иргиза выделялось несколько крупных промысловых районов, окончательно сложившихся во второй половине XVII в.: казанско-камский, симбирский, самарский. Казанско-камский район принадлежал к наиболее ранним очагам формирования крупного промыслового предпринимательства в Понизовом Поволжье. Он охватывал водную акваторию среднего и нижнего течения Камы, воды Волги от камского устья и до впадения Черемшана. Пожалования и сдачи в оброчное владение начались здесь сразу же после присоединения Казанского ханства к России. Это был район стабильного промыслового предпринимательства, где уже к началу XVII в. сформировалась собственность на рыболовные угодья и получили развитие сравнительно небольшие предприятия. В основном организаторами промысловых предприятий в казанско-камских промысловых водах были дворцовое ведомство и местные церковные корпорации. Наиболее значимое место среди последних занимала казанская епархия. Из центральных монастырей крупнейшими предпринимателями являлись в конце XVI – первой трети XVII вв. Троице-Сергиев, а во второй половине XVII в. – Савво-Сторожевский и Донской³⁶. В середине 1660-х гг. из казанско-камского выделился симбирский промысловый район³⁷. Его акватория на севере граничила с тетюшскими водами казанско-камского района (устье р. Чертык), на юге – тянулась до устья р. Усы. Симбирский район делился на несколько крупных участков: Гороховские воды, Синбирские, Вольские, Чувиченские, Арбугинские, Белоярские и Атрубские³⁸. Для него был характерен интенсивный процесс формирования крупного казенно-дворцового промыслового хозяйства со значительным количеством работных людей.

Самарский промысловый район охватывал акваторию Волги примерно от устья Усы до Елань-Иргизских вод (устье М. Иргиза). Он делился на крупные промысловые участки – Соковские,

Тушинские, Васильчиковские, Печерские, Лопатинские, Деревянные, Чагринские, Сосновские воды и т. д. Фиксированные рыболовные угодья начали раздаваться здесь только в самом конце XVI – начале XVII в. В отличие от других районов волжской акватории, в самарском практически не получили сколько-нибудь заметного распространения дворцовые промыслы. Важнейшей тенденцией в истории этого района явилось последовательное неуклонное формирование собственности на промысловые воды крупнейших монастырей центра страны: Савво-Сторожевского, московских Чудова и Вознесенского, нижегородского Благовещенского. Каждый из владельцев промысла организовывал здесь временные рыбные дворы и ватаги, нанимал и привозил рабочую силу, строил временные поселения и жилища. В таком промысловом сезонном освоении участвовало несколько тысяч человек, определенная часть которых оставалась зимовать в волжских городах и постепенно оседала на территории Южного Средневолжья³⁹.

У истоков формирования постоянного населения Южного Средневолжья в конце XVI – первой половине XVII вв.

Служилые люди и посадские жители первых городов. Первым постоянным населением региона становятся служилые люди Самары (1586 г.) и Саратова (1590 г.). Начальными их жителями были по 300–400 ратных людей, так называемых «годовальщиков», переводимых погодно из городов Нижегородского и Казанского Поволжья. В основном это были служилые люди по прибору (стрельцы), небольшие группы дворян и детей боярских, «иноземцев» и т. д.⁴⁰ К концу XVI в. это военизированное население становится постоянным.

Первые достоверные сводные сведения о городских гарнизонах сохранились от второй четверти XVII в. Численность их составляла от 350 до 500 чел. с полным преобладанием приборных людей (конной и пеших стрелецких сотен)⁴¹. Группы дворян и детей боярских были незначительными и не превышали 20 чел. Местные служилые люди обжились в городах, большинство из них имели свои дома, семьи. Они занимались промыслами и торговлей, их общая численность с женами и детьми составляла около 3 000–3 500 чел. В Саратов, как и в другие города Нижнего Поволжья, в отличие от Самары нередко посылали дополнительные контингенты ратных людей для временной службы⁴².

Только после завершения Смуты в городах региона начинают складываться немногочисленные общины посадских жителей⁴³.

Кроме посадов, дворы городских жителей размещались по слободам. В Самаре сложились слободы Рыбная, Болдырская, позднее возникла Вознесенская. В Саратове, судя по данным пятины 1634 г., насчитывалось всего 32 посадских чел. Самара имела более значительный посад – 69 дв.⁴⁴, а по переписи 1646–1647 гг. – более 100 посадских дворов (около 700 чел. обоего пола)⁴⁵. Большое количество соседей и подсоседников (51 чел.) указывает на незавершенный процесс складывания посадского населения и интенсивные миграционные процессы⁴⁶.

Таким образом, Самара и Саратов в конце XVI – первой половине XVII в. представляли собой типичные российские пограничные города-крепости, основу населения которых составляли служилые люди и их семьи. Свообразие волжским городам придавало то, что им приходилось защищать не складывающиеся вокруг них районы сельского расселения, а важнейший транзитный речной путь по Волге и совокупность рыболовецких промыслов⁴⁷.

Верхушку местного общества в городах составляли приказные люди во главе с воеводой, до 20 семей детей боярских и дворян, да несколько семей священнослужителей. Между воинскими людьми, несшими ратную службу, и посадскими, платившими тягло, не было непроходимой границы. Основные хозяйственные занятия и тех, и других были одинаковы: рыболовство и другие промыслы, ремесло, извоз, обслуживание волжского судоходства. В экономическом отношении Самара и Саратов в основном являлись перевалочными транзитными пунктами на волжском пути, центрами промысловых районов.

Локальные районы сельского расселения во второй четверти XVII в. Первые сравнительно небольшие населенные владения в рассматриваемом регионе начали складываться уже во второй половине XVI в. Например, в это время рядом с устьем Камы получил владения и поселил своих крестьян казанский Спасо-Преображенский монастырь. Позднее, в 1630-х гг., рядом с его селениями на р. Чертык был основан Троицкий монастырь⁴⁸. Но по-настоящему крупные локальные районы сельского расселения на территории Южного Средневолжья появляются только со второй четверти XVII в. К ним относились Самарский уезд и Надеинское Усолье, а также дворцовая Чалнинская волость в Закамье на границе Казанского и Уфимского уездов.

Самарский уезд. В отличие от Саратова, не имевшего сельской округи, рядом с Самарой на Самарской Луке, занимая ее восточ-

ную и центральную части, складывается свой уезд⁴⁹. Видимо, заселение низменности под отрогами Жигулевских гор началось в конце 1610-х – начале 1620-х гг. Здесь на землях домового патриаршего самарского Спасо-Преображенского монастыря возникли начальные селения Рождествено и Подгоры (Ильинское). Первое упоминание о деревне «под Лысой горой» – Подгорах – относится к концу 20-х гг. XVII в.⁵⁰

Для защиты жителей этих селений от внезапного прихода «воинских людей» к западу были устроены караулы, под защитой которых возникло еще одно селение – деревня Ново-Подкараульная. Жители Подгор, переселившись через овраг, основали д. Выползово. Так сложилось начальное ядро старейших русских селений уезда, располагавшихся на открытой равнине, рядом с пашнями. Появившиеся почти одновременно малодворные деревни мордвы и чувашей – Шелехметь, Борковка, Терновое, Чуракаево – возникали в укромных местах за лесами и буераками, среди гор, занимали неудобья. Система сельского расселения в целом отражала этническое разнообразие населения уезда. В конце 30-х – начале 40-х гг. во всех этих селениях насчитывалось 210 дворов, около 900 человек⁵¹. По переписи 1646 г. только русское население восточной части Луки составило более 300 дворов⁵². В большинстве своем это были беглые, пришедшие сюда из уездов Среднего Поволжья – Казанского, Алатырского, Симбирского и других. Как образно заявили сами о себе жители с. Рождествено – «всякий сброд и наволока».

Для защиты жителей в крупнейших селах при владельческих дворах и храмах обустроивались примитивные оборонительные сооружения.

Самарские дети боярские приступили к освоению Самарской Луки с 1640-х гг. Все ближние к городу лучшие земли к этому времени были разобраны, и им пришлось довольствоваться выходящими к Волге межгорными долинами в центральной части полуострова. Там и возникали небольшие деревушки Ширяев Буерак (Ширяево), Моркваши, Осиновый Буерак и другие. И, наконец, пришедшие чуть позднее мордва и чуваша облюбовали центральную часть Самарской Луки, «за лесом», где появились д. Аскулы, Сосновый и Березовый Солонцы, Кармалы, Севрюкаево⁵³.

Надеинское Усолье. В 1631/32 г. на западе Самарской Луки вокруг соленосных источников сложилось крупное промысловое владение гостя Надеи Светешникова. Работные люди и крестьяне

предпринимателя выстроили укрепленный городок-крепость, основали солеваренный и рыболовецкий промыслы, поселили несколько слобод⁵⁴. Рядом с соляными источниками возникли Верхне-усольская, Нижнеусольская и Усольская слободы, в которых обосновались работные люди из Соли Камской, Костромского уезда; крепостные крестьяне, слуги и прислужники Светешникова. Большинство жителей слобод составили беглые, «гулящие» люди, пришедшие в Усолье «своей охотой». По данным 1646 г., общее количество взрослых мужчин (без духовенства и приказчиков) составило 108 человек, из них 33 несли вооруженную охрану промысла, 28 являлись крестьянами, 30 – бобылями, 17 относились к наемным людям, временно проживающим на территории Усолья. 88 человек являлись дворовладельцами⁵⁵. Из них около 40 % (37 человек) – «гулящие», 17 человек – из крепостных крестьян, 5 – из посадов, 4 – бобылей и т. д. За исключением двух новокрещен, все переселенцы были русскими. 64 дворохозяина указали место своего прежнего проживания; из них 24 человека вышли из уездов, где особое развитие получило солеварение: из Балахны – 10 чел. и Соли Камского – 4. Казанское и Нижегородское Поволжье представлено соответственно 17 и 8 переселенцами. Всего же было указано 11 уездов выхода. Из них наибольшее количество дали Алатырский (7 человек), Нижегородский (5 человек) и Казанский (4 человека) уезды. Из 10 центральных уездов страны, представленных в Надеинском Усолье 14 переселенцами, выделяются Ярославский – 3 человека, Пошехонский и Устюжский уезды – по 2. Очевидно, приказчики Светешникова вели целенаправленную «пропагандистскую» работу на крупнейших солеваренных промыслах, и это обстоятельство обусловило столь высокий процент миграций именно из этих районов.

Кроме того, на промысле постоянно работали полтора десятка наемных людей, тех, кто нанимался на сезон или на более длительный срок. Видимо, уже в это время в Надеинском Усолье появились чувашские переселенцы⁵⁶.

Чалнинский район расселения в Закамье. В освоении районов Западного Закамья важную роль сыграли прикамские селения, располагавшиеся на правом «казанском» берегу Камы – Рыбная слобода, с. Анатош и другие⁵⁷. Население этих пограничных дворцовых волостей являлось поставщиком переселенцев для новых сел и деревень в Западном Закамье и Симбирском Поволжье.

Примером инициативы самих крестьян, санкционированной местными властями, явилось возникновение Чалнинской дворцовой волости на левобережье Камы. В 1626 г. группе крестьян из закамского дворцового с. Елабуги разрешили основать небольшой починок, затем разросшийся в село – Чалны (у р. Чалны). Приток переселенцев был настолько интенсивным, что уже в начале 1640-х гг. здесь возникла целая дворцовая волость, в которой по данным 1643 г. насчитывалось 449 душ м.п. Тенденция к дальнейшему быстрому росту Чалнинской волости сохранилась в середине 1640-х – первой половине 1650-х гг. По переписной книге 1647–1648 гг. в 349 дворах (кроме 25 пустых) насчитывалось уже 683 души м. п. (прирост составил 52 %). Число крестьянских дворов составило 296, бобыльских – 53. Кроме самого с. Чалны (Чалнинский починок, с. Мыс), в дворцовой вотчине насчитывалось 8 деревень и 2 починка⁵⁸.

Появление столь крупной дворцовой волости, а также ряда более мелких селений чувашей, мордвы, татар в Закамье заставило правительство приступить к сооружению в этих местах в начале 1640-х гг. острожков⁵⁹. К 1651 году в одном из таких городков были поселены 100 конных белопащенных казаков⁶⁰. Первоначально волость числилась в Уфимском уезде, а затем была переведена в Казанский. Писцовое описание Казанского уезда, проведенное в 1649–1656 гг. С.В. Вольнским, подтверждает тенденцию быстрого роста ее населения. В 14 селениях (из них 2 деревни и 1 починок принадлежали местному монастырю) насчитывалось 853 душ м. п.⁶¹. Крупнейшим селением волости оставалось с. Чалны-Мыс, которое не только выделяло из своего состава переселенцев для новых починок и деревень, но и разрасталось само. В нем насчитывалось 143 двора с 255 мужчинами, среди которых были 123 крестьянских (219 душ м. п.), 1 крестьянский льготный двор, 16 дворов бобыльских (30 душ м. п. бобылей и захребетников)⁶².

Чалнинская волость представляет собой яркий пример развития земледельческой дворцовой вотчины на окраинной территории⁶³. Сведений об организованных переводах крестьян не сохранилось. Скорее всего, рост населения происходил стихийно. Важнейшим занятием населения являлось, прежде всего, сельское хозяйство – земледелие.

Таким образом, накануне начала массового освоения Южного Среднево́лжья на его территории уже сложились отдельные локальные центры расселения в виде отдельных городов, уездов,

крупных дворцовых и купеческих владений, сел и деревень. Мнение о том, что уже в первой половине XVII в. пространство региона было в определенной степени заселено, наиболее четко высказанное Р.Г. Букановой⁶⁴, является вполне обоснованным и подтверждается большим количеством данных.

С.М. Соловьев считал Россию страной «колонизирующей», «колонирующей самую себя». Он писал: «То была обширная, девственная страна, ожидавшая населения, ожидавшая истории; отсюда древняя русская история есть история страны, которая колонизируется»⁶⁵. Это базовое положение о «стране, ожидавшей населения», на наш взгляд, отражает суть процессов, происходивших в рассматриваемом регионе. Кризис Ногайской Орды, нестабильность других кочевых сообществ привели к сокращению территории их летних кочевий. Ставшие «ничейными» и в некоторой степени включенные в состав Российского государства лесостепные пространства европейского юго-востока как бы «затягивали» в себя разнообразные в этноконфессиональном отношении потоки переселенцев, способствовали их расселению, а при определенном насыщении выталкивали лишних все дальше на просторы юга и востока. Используемое А. Эткиндоном понятие «внутренней колонизации» достаточно хорошо объясняет процессы, начало которым положила в середине XVI в. экспансия Москвы против государств — наследников Золотой Орды на европейском юго-востоке⁶⁶.

2. НАСЕЛЕНИЕ РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, РАЗМЕЩЕНИЕ

Массовая колонизация южных территорий Среднего Поволжья началась только с середины XVII в. Она стала следствием строительства системы оборонительных линий, протянувшихся от западных границ региона через Волгу до Камы, и расселения вдоль них гарнизонов служилых людей⁶⁷. Военно-государственные мероприятия этого времени позволили обезопасить пространство юго-восточной лесостепи от нападений кочевников, создали условия для формирования постоянного сельского и городского населения. На территории Предволжья, в междуречье Волги и Суры, в середине XVII в. складывается Симбирский уезд. За Сурой, далее к западу, с ним граничил появившийся в это же время Саран-

ский. Еще одной административно-территориальной единицей, занимавшей восточную и центральную части Самарской Луки, являлся возникший во второй четверти XVII в. Самарский уезд. В Заволжье вновь осваиваемые территории, за засечной линией, входили в основном в закамскую часть Казанского уезда, пограничную с расположенным восточнее Уфимским. В начальные десятилетия складывания территорий новых уездов южным пределом ареала расселения в них являлись укрепления засечных черт. Границы этих административно-территориальных образований не были устоявшимися и нередко менялись. Так, одно время Корсун с чертой и с прилегающими к ней землями состояли в Саранском уезде. Западная приволжская часть Закамской черты с Белым Яром и Ерыклинском относилась до начала 1660-х гг. к Казанскому, а затем вошла в состав Симбирского уезда. Меняли свою «уездную» юрисдикцию промысловое оброчное владение гостей Светешниковых, а с начала 1660-х гг. звенигородского Савво-Сторожевского монастыря Надеинское Усолье и дворцовая Чалнинская вотчина.

На протяжении всей второй половины XVII в. территория Южного Средневожья оставалась опасным пограничьем, фронтиром, защищаемым, прежде всего, местным военизированным населением. Поэтому каждое новое масштабное «сползание» ареала сельского расселения далее к югу было возможно только при активном участии государства, после строительства новых засечных линий, городов и острогов (Пензенская линия; пригороды Сызрань, Кашпир, Петровский, Сергиевский, Алексеевский и др.).

Важнейшей особенностью массового переселенческого движения на новые плодородные земли являлась его этноконфессиональная неоднородность. Эта характеристика была свойственна как служилым, так и тяглым категориям переселенцев. Этническое и конфессиональное разнообразие новоселов предполагало складывание относительно замкнутых сообществ уже на уровне отдельных поселений. В регионе формируется сложная система повседневных взаимоотношений внутри различных групп переселенцев и между ними; их взаимодействия с центральной и местной администрацией, православной церковью.

Территории, на которых протекали массовые миграции и происходило становление новой системы расселения, являлись пустынными, как тогда писали – «порозжими» землями. При их заселении различные этнические составляющие потока переселенцев

находились, как правило, в равных условиях. Вместе с тем это пространство было уже относительно освоенным в ходе сезонных кочевий степняков, промысловой деятельности «наездом» автохтонного средневолжского населения и русских рыболовов на Волге, постоянных перемещений сторожей, станиц и других военизированных отрядов и т. д.

О складывании в конце XVI – XVII вв. достаточно развитой системы промысловых владений свидетельствуют писцовые и межевые книги, другие документы, подтверждающие права оброчников на бортные ужогаи, бобровые гоны, рыбные ловли и т. д. В развернувшемся с середины XVII в. процессе массового расселения, испомещения и распределения земель новой администрации края постоянно приходилось учитывать исторически и даже юридически закрепленные места таких промысловых угодий⁶⁸.

В истории формирования постоянного населения Южного Средневолжья можно выделить несколько этапов.

Начальное военизированное расселение. Во второй половине 1640-х – середине 1650-х гг. основными акторами расселения становятся ратные люди, мобилизованные для несения службы на новых оборонительных линиях. В основном это были переведенцы из гарнизонов Среднего и Нижегородского Поволжья – Нижнего Новгорода, Курмыша, Арзамаса, Свияжска, Чебоксар, Алатыря и других городов⁶⁹. Их перевод и испомещение сыграли важнейшую роль в формировании устойчивой системы расселения на ранее пустынных территориях. Южной границей этого расселения в Предволжье являлись Корсунская и Симбирская линии. Под их защитой складывается начальное пространство Симбирского уезда. В Заволжье интенсивно осваивается территория закамских земель Казанского уезда, защищенная оборонительными сооружениями Закамской черты.

Введенная в научный оборот совокупность источников, содержащих сведения о переводах служилых людей на строительство линий и формировании начального военизированного населения, крайне невелика. Результаты ее изучения Г.И. Перетятковичем, В.А. Гуркиным, Р.Г. Букановой и другими исследователями достаточно хорошо известны⁷⁰. Поэтому мы рассмотрим только отдельные, самые общие аспекты данного процесса, основываясь, прежде всего, на материалах общероссийских смет вооруженных сил 1651 и 1661–1663 гг.

По данным «Сметного списка» вооруженных сил России 1651 г., на Корсунскую и Симбирскую линии перевели соответственно 2 589 (1 801 служилых и 788 – «дети их, братья и племянники») и 3 775 (1 776 служилых и 1 999 – «дети их, братья и племянники») ратных людей⁷¹. Несколько меньшей в количественном отношении была группа ратных людей, поселенных на располагавшейся западнее, за Сурой, «Атемарской линии» (Атемаро-Саранской или Саранской. Последнее название употреблялось гораздо чаще) – 2 148 (1 535 чел. и 613 их детей, братьев, племянников и захребетников, «которые в службу поспели»)⁷². Можно высчитать своеобразный «показатель насыщенности» («защищенности») военными людьми этих оборонительных линий. Протяженность каждой из них составляла около 100 км⁷³. Таким образом, на каждый километр их укреплений приходилось от 15 до 18 служилых людей. Причем, как это ни странно, наиболее «военизированной» оказалась Корсунская черта. И это – несмотря на то, что до половины ее протяженности приходилось на зону сплошных лесов, для защиты засек, в которых требовалось гораздо меньше военных сил⁷⁴. Возможно, подобная ситуация объясняется тем, что около 60 % численности ее гарнизонов составляли представители автохтонного населения Среднего Поволжья.

Примером складывания гарнизонов по новым линиям может быть формирование населения Тагая на Симбирской черте. Сюда в 1649–1650-х гг. в слободы перевели в казаки 200 человек из заволжского С. Ключищи (Казанский уезд) и к ним пеших стрельцов – 50 чел. из Цивильска и по 20 чел. из Ядрина и Кокшайска⁷⁵.

Следует отметить, что сбор ратных людей для строительства черты и последующего расселения по ней происходил с большими трудностями. Об этом, например, свидетельствует отписка от 19 мая 1648 г. арзамасского воеводы Л. Травина, доносившего: «...И арзамасцы дворяне и дети боярские твоему государеву указу не слушают, чинятся сильны, вскоре на твою государеву службу не едут, пушкарей, и затинщиков, и стрельцов бьют [посланных приставами для их сбора. – Э. Д.], а иные отбывать твоей государевы службы избегают, дома не сказываются, а люди их и крестьяне пушкарям, и затинщикам и стрельцам отказывают, будто пошли на твою государеву службу; и о том мне как ты, государь, укажешь, чтобы мне в том их послушаньи от тебя, государя, в опале не быть»⁷⁶.

Помимо ратных людей на новые черты переводили в основном тех, кто «...в нашу службу поспели, а живут у отцов своих и у

родимцов и в соседях и в захребетниках, а никакие службы не служат...»⁷⁷. Подобный принцип набора в приборные люди было обыденным и получил отражение в наказах стрелецким головам⁷⁸. Однако, в городах, откуда были новоселы, местные власти указанное правило толковали по-разному. Об этом свидетельствует сравнение удельного веса «детей, братьев, племянников» в общем количестве ратных людей. Очевидно, что семьи переселенцев были значительно меньшими по составу по сравнению с их средней численностью в местах прежнего проживания, установленной для XVII в.⁷⁹ Еще одной характерной особенностью являлся национальный состав служилых людей. По Симбирской и Саранской чертам указаны русские, на Корсунской линии около 60 % являлись «мурзами и татарами», а также новокрещенами. Такие различия были обусловлены ситуацией, складывающейся при комплектовании новых гарнизонов. Вряд ли Корсун, пригороды и остроги его черты находились ближе к районам, откуда переселялось автохтонное население для службы, чем, например, Атемар или Саранск.

Подавляющее большинство поселенных на Симбирской черте составляли русские приборные люди – стрельцы и казаки. На Корсунской линии их количество было значительно меньшим – около 40 % (из них более 60 % новоприборных). Большая численность вновь записанных в службу из самых разных категорий населения – приборных людей, крестьян, коренных жителей региона и т. д. – являлась характерным признаком формирования служилого населения Южного Средневожья⁸⁰.

По данным сметного списка 1651 г. наиболее значительным удельный вес дворян и детей боярских (около 15 % приписанных исключительно к Саранску) был по Саранской линии. Сравнительно небольшое количество (26 чел.) указано по Симбирску⁸¹ и ни одного по Корсунской линии. Очевидно, что наличие этой категории служилых людей являлось важным признаком создания новых уездных городов на вновь заселяемых местностях⁸². Возможно, первоначально именно Саранск рассматривался в качестве главного центра вновь осваиваемых территорий в Предволжье. Об этом свидетельствуют численность его «служилого города», интенсивное развитие и больший удельный вес помещного землевладения на территории Саранского уезда в 1650–1670-е гг. по сравнению с другими соседними уездами.

В Заволжье заселение Закамской линии шло также одновременно с ее строительством⁸³. Большинство служилых людей, поселенных на черте, было размещено в слободах⁸⁴. По данным 1655 г., для службы в ее гарнизонах были переведены 1 271 чел. Основным конструктивным «полевым» элементом Закамской линии, большей частью шедшей через лесные массивы, являлись засеки. Для их защиты требовалось гораздо меньше служилых людей. Однако при весьма значительной протяженности черты (исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению, предлагая варианты от 250 до 450 км), указанного выше количества ратных людей явно не хватало⁸⁵.

Основу переселенцев, достаточно разнородных по своему составу, составляли смоленская шляхта, оказавшаяся здесь в результате русско-польской войны (37,1 %); русские служилые люди по прибору (стрельцы – 21,5 %, конные казаки – 8 %), крестьяне Чалнинской дворцовой волости, записанные в конные казаки (24,0 %), ссыльные и т. д.⁸⁶ Например, для заселения Белого Яра воеводе Лаишева было велено в сентябре 1553 г. выбрать 100 конных казаков «добрых и семьянистых... с женами и с детьми перевести на Белой Яр... на вечное житье»⁸⁷. Интересна сама практика такого переселения. Переводить их должны были после того, как казаки вспашут земли под озимые на старом месте жительства, а уже яровые они должны были сеять на новом. Первоначально следовало переселить «детей, братьев и племянников»⁸⁸. Помимо казаков, в город на конную службу в том же году перевели из Тетюшей 29 «полоников» и 9 чел. ссыльных. Для заселения в Ерыклинск в 1653 г. были определены в конную «казачью службу» сто пятьдесят чалнинских дворцовых крестьян⁸⁹. Писцовое описание населения Казанского уезда 1647–1656 гг., на своем заключительном этапе проводившееся почти одновременно со строительством Закамской линии, весьма фрагментарно отразило процессы формирования нового служилого населения⁹⁰. Отметим, что правительство не собиралось создавать в Закамье новый уезд, о чем свидетельствует отсутствие дворян и детей боярских среди испомещаемых.

Начальный этап строительства городов и засечных линий, расселения по ним служилых людей наиболее полно отражают стрелецкие книги⁹¹, большинство которых по Южному Средневожью не уцелело⁹². Судя по данным стрелецкой книги по Симбирску и Симбирской линии за 1652/53–1654 гг.⁹³, в расселении по черте

произошли существенные изменения. По сравнению со сведениями на 1651 г. количество русских приборных людей, казаков и стрельцов выросло почти на треть. Земли в поместье получили 165 детей боярских⁹⁴. В связи с тем, что к слободам были выделены дополнительные участки для испомещения новоприборных, этот рост должен был продолжаться и далее⁹⁵.

Расселение и воетав жителей в Южном Средневожье в конце 1650-х – первой половине 1660-х гг. Последующие изменения в составе и количестве служилых людей региона, получившие отражение в источниках начала 1660-х гг., нельзя назвать однозначными. Резкий рост военизированного населения был характерен, прежде всего, для территорий, защищенных Саранской, Корсунской и Симбирской линиями. Я.Е. Водарский, рассматривая численность однодворцев (приборных людей и мелкопоместных детей боярских) по южным и юго-восточным пограничным регионам Европейской России на 1662–1665 гг., отмечает, что Симбирский (4 944 чел.), Казанский (4 435) и Саранский (3 479) уезды резко выделялись по этому показателю не только среди других пограничных уездов юго-востока, но и всей европейской части страны⁹⁶. При этом следует отметить, что, в отличие от южных пограничных уездов⁹⁷, среди однодворцев юго-востока было сравнительно немного детей боярских, не имевших крепостного населения.

Смета военных сил России 1661–1663 гг. также показывает резкий рост военизированного населения. По Симбирску и черте его численность составила 3 353 чел. (113 дворян и детей боярских, 2 796 казаков и стрельцов, 444 служилых татар, чувашей и мордвы), по Саранской черте (Атемаро-Саранской) – 3 479 чел. Лишь по Корсуну и Корсунской линии (2 091 чел. – казаков, стрельцов; татар, чувашей и морды, а также пушкарей) ситуация практически не изменилась. Среди ратных людей, по сравнению с данными сметы 1651 г. по Симбирской и Саранской линиям, резко выросло количество служилых татар и мордвы⁹⁸.

Приборные люди, составлявшие основной контингент ратных сил по Симбирской черте, были размещены в слободах, «прикрепленных» к ее городам и пригородам (Симбирск – стрельцы в Свяжской и еще одной, неустановленной, слободах, конные казаки – в Шумовской, Ишеевской, Свяжской, Мостовой, Сельдинской, Каменской, Карлинской, Лаишевской; Юшанск – стрельцы в Погребовской, Юшанской, Уржумской и Царевосанчурской слободах; конные казаки – в Арской, Тетюшской, Подгородной и

Царской; Тагай – стрельцы в Подгородной, Цивильской, Ядринской и Кокшайской; конные казаки в Подлесной и Подгорной слободах; Уренск – стрельцы в Царевококшайской, Ядринской, Кузьмодемьянской, Холмогоровской, Теньковских Подгородной и Подлесной; конные казаки в Карлинской, Усть-Уренской Барышской и Белозерской). Количество служилых людей⁹⁹, расселенных в них, колебалось от 10–20 до 200.

В отличие от Предволжья, в Закамье значительных изменений не наблюдалось. В смете военных сил 1661–1663 гг. сведения о служилых людях, расселенных по Закамской черте, указаны вместе с подобным населением других пригородов Казанского уезда. Их численность, на наш взгляд, оставалась стабильной¹⁰⁰. Для того чтобы защитить столь протяженное пограничье от Волги до Камы (до устья р. Ик) и обеспечить массовое заселение региона указанного контингента, ратных людей, как уже говорилось выше, явно было недостаточно. На факт слабой защищенности закамских границ Казанского уезда указывают Г.И. Перетяткович и другие исследователи.

Можно сделать вывод, что к концу 1650-х – началу 1660-х гг. система гарнизонов по засечным линиям в Среднем Поволжье сложилась окончательно. Массовое испомещение здесь служилых людей способствовало заселению широкой лесостепной полосы и складыванию новых уездов – Симбирского, Саранского и других. Гарнизоны, размещенные на их территории, становятся к началу 1660-х гг. источником для перевода крупных контингентов ратных людей в города, находившиеся в более «опасных» и стратегически важных районах юго-востока. По данным Сметы 1661–1663 гг., ко времени ее составления военное значение системы укрепленных линий в Предволжье стало снижаться. Со всех засечных черт, кроме Закамской, было снято более половины служилых людей и отправлено на Дон, в Царицын и т. д. Видимо, этот перевод произошел незадолго до составления Сметы.

Судя по прихода-расходной книге Симбирска и уезда 1665–1667 гг., охватывающей, помимо Симбирска и его пригородов, также Корсун и заволжские пригороды Белый Яр и Ерыклинск¹⁰¹, несмотря на «донскую посылку», у местных воевод осталось достаточно военных сил, чтобы отправить крупную экспедицию в 400 стрельцов и казаков против восставших башкир¹⁰². Вместе с тем раздачи жалованья стрельцам Тагаева, Юшанска и Уренска охватывают значительно меньшее количество людей, чем должно было

состоять на службе в этих пригородах¹⁰³. И без того полиэтничную группу служилых людей Симбирского уезда пополняют шляхта (26 чел.)¹⁰⁴, «немцы и ляхи» (14 чел.)¹⁰⁵.

Можно сделать вывод, что количество ратных людей, определенных к службе на начало 1650-х гг. по Симбирской и Атемаро-Саранской линиям, было достаточным для обеспечения безопасности региона. Именно поэтому стал возможен перевод «лишних людей», появившихся к концу 1650-х гг., на более опасные рубежи страны. Видимо, ранее была переоценена стратегическая значимость Корсунской черты, значительной частью состоявшей из засеки, шедшей по лесным массивам. Переводы конца 1650-х – начала 1660-х гг. отражали своеобразный процесс «оптимизации» численности вооруженных сил на территории Южного Средневожья. Однако, судя по выплатам денежного и продовольственного жалованья, ратные люди, посланные на Дон, были так называемыми «годовальщиками». Они не утратили своих связей с Симбирском и должны были вернуться обратно (или хотя бы часть из них)¹⁰⁶.

Материалы приходо-расходной книги позволяют уточнить специфику формирования жителей нового региона, а именно, осветить процесс складывания здесь местного автохтонного служилого и ясачного населения. По всей видимости, среди служилых жителей в междуречье Волги и Барыша преобладали «татары и мурзы». В 12 селениях, основанных ими, насчитывалось 308 дворов (в среднем по 25,7 на одно селение). О количестве деревень служилых мордвы и чувашей говорить сложно¹⁰⁷. Также неясно, имели ли какое-то отношение эти переселенцы к данному региону ранее, до начала массового его освоения.

Гораздо больше сведений мы имеем о расселении в Симбирском уезде ясачного населения. Создание безопасных условий для колонизации Южного Средневожья привлекло этих людей на земли, которые ранее эксплуатировались ими «наездом». Сведения о наличии в укромных местах региона отдельных поселений уже в первой половине XVII в. достаточно многочисленны (татарские селения Азанова, Алшеева, Акса, Баишева, Каракота, Маклауши, Шатрашаны; мордовские – Аркаева, Паркаева, Помаева, Семенова, Тюбя-Кермень; чувашская – Маклаушка; черемисская – Чилим¹⁰⁸).

В перечне деревень, с жителей которых собирались ясачные деньги, приведено 59 селений¹⁰⁹. Среди них только в 2 не указано

национальной принадлежности населения. Наиболее активными при заселении края оказались чувашаи. Они расселились в 32 отдельных деревнях и в 11 совместно с татарами (причем в одной из них вместе и со служилыми татарами). Татары проживали в 8 отдельных селениях и в 11 вместе с чувашами (в том числе в одном из них вместе со служилыми людьми). И, наконец, мордва заселила 7 деревень.

Даже этот, очевидно неполный, перечень селений ясачного населения по количеству дворов (871 дв., средняя дворность поселения 14,8) свидетельствует о важнейшей роли автохтонных народов Среднего Поволжья в заселении новых территорий. По своей численности крестьянство ясачных селений лишь немного уступало населению помещичьих владений. Более половины из них составляли чувашаи (425 дворов). Именно у них да в совместных селениях с татарами были самые значительные по дворности деревни (18,5 и 17,8 дворов соответственно). Наличие значительного числа совместных селений ясачных чувашей и татар (7 деревень) также является важной особенностью освоения региона.

По мнению историков, переселение представителей коренных народов Среднего Поволжья на новые земли в большинстве случаев происходило самовольно; это была «вольная» колонизация. Так, В.Д. Димитриев пишет о чувашах-переселенцах: «Основание многих селений юго-восточной и южной частей Чувашии связано с самовольным переселением, а также оседанием беглых крестьян»¹¹⁰. Но в любом случае, чтобы закрепить за собой новые земли, было необходимо их размежевать и, следовательно, начать платить ясак и другие платежи¹¹¹. В противном случае новоселов заставляли вернуться на прежние места проживания. Такой случай произошел с чувашами «Крымкой Ивашковым с товарищи», самовольно поселившимися на левобережье р. Бирюча в д. Шланге на «государеве порозжей земле» ориентировочно в 1664–1665 гг. Всего в деревне было переписано 17 дворов, хотя первоначально при «обыске» речь шла о 8–10 семьях переселенцев. Характерно, что своеобразным «накопителем» для будущих переселенцев в Шлангу стала чувашская д. «Дрождяной Куст». Именно в ней скапливались выходцы из Цивильского, Казанского, Свияжского, Кокшайского и других уездов. Такое «временное проживание» могло длиться до 10 и более лет, но чаще продолжалось от двух до четырех лет, как правило, в «захребетниках».

Значительно реже чуваша переходили непосредственно в д. Шлангу. Кажется весьма странным, что население деревни, возникшей в достаточно заселенном регионе, в течение пяти лет ухитрилось не платить ясачные и другие платежи в государственную казну. В итоге розыска деревня была ликвидирована, а ее жителей отправили в места прежнего до «Дрождяного Куста» проживания¹¹².

Для деревень с ясачным населением вообще были характерны большая неустойчивость, мобильность. В лесостепной зоне Южного Средневолжья эта традиция была заложена еще во второй половине XVI – начале XVII вв., в период промыслового сезонного ее освоения. И в более поздний период нередкими были случаи так называемых «ползучих» селений, жители которых в течение нескольких лет «перевозили» свои деревни с одного места на другое. Такие ситуации наблюдались при заселении центральной части Самарской Луки, территории Симбирского уезда и т. д.¹¹³

Дворянское расселение в междуречье Волги и Барыша в конце 1670-х гг. Здесь на сложившийся в конце 1640 – 1660-х гг. массив владений симбирских помещиков накладывается новая волна переселенцев. Исследователи считают, что после завершения событий Разинщины «...началось усиленное испомещение... служилых людей, которые приходили в Симбирск отовсюду». Такие раздачи происходили в основном на свободных землях под защитой черты, а также на «Крымской стороне», «за валом». Состав новых землевладельцев был достаточно пестрым. Среди них представлены служилые люди по отчеству и прибору, солдаты выборного полка А.А. Шепелева (деревни и села Кадыковка – 1670 г., Грязнуха и Крестникова – 1672 г., Волосниковка и Солдатская Ташла – 1675 г. и др.¹¹⁴). Новых помещиков записывали в «симбирскую десятню», они становились «симбирянами», хотя и могли иметь поместья в других уездах¹¹⁵. В этом отношении интересы самих служилых людей и царской администрации совпадали.

Важнейшим источником для изучения населения Симбирского уезда в эти годы является переписная книга 1678 г.¹¹⁶ В ней содержится роспись селений с крестьянами, задворными людьми и бобылями, принадлежащими дворянам и детям боярским; перепись так называемых Арбугинских слобод, заведенных дворцовым ведомством; а также посадских людей, бобылей, подьячих и других групп жителей г. Симбирска и его пригорода Тагая. В целом материалы книги по указанным в ней категориям населения уезда являются достаточно репрезентативными. Об этом свидетельствует

совпадение ее итоговых данных с большинством сводных ведомостей по Симбирскому уезду¹¹⁷.

Переписью были охвачены территории, прилегающие к Симбирской черте, т. е. пространство между реками Волга и Барыш. Оно являлось базовым для испомещения служилых людей по отечеству, именно здесь происходила «помещичья» колонизация Симбирского уезда. Западнее р. Барыш, вплоть до Суры, владельческих селений почти не было. Несмотря на то что земли к югу от черты «за валом» начали заселяться уже в 1660-х гг., симбирское дворянство не слишком охотно заводило там новые поселения (менее 10 % от общей совокупности).

Всего в 90 селениях, принадлежащих дворянам и детям боярским (а также протопопу соборной церкви и мордовскому муззе), числилось 928 дворов (3 033 душ м. п.)¹¹⁸. Зачастую в одном селении, особенно в более-менее крупных, насчитывалось по несколько помещичьих владений. По количеству дворов, принадлежавших мелко- и среднепоместным местным служилым людям по отечеству, Симбирский уезд отставал от ряда «старых» средневожских уездов (Казанского, Алатырского, Свияжского, Курмышского и др.), уступал сложившемуся одновременно с ним Саранскому (по разным данным от 2 600 до 3 400 дв.), но значительно превосходил многие уезды, лежащие западнее (Инсарский, Керенский и т. д.)¹¹⁹. Но, учитывая возможности освоения большого массива земель «за валом», на Крымской стороне, он имел хорошие перспективы – вырасти в один из крупнейших регионов помещного землевладения (табл. 1).

Таблица 1

**Количество и дворность помещичьих селений
Симбирского уезда по переписи 1678 г.**

Число дворов	Селения	
	Количество	% к итогу
1-5	36	40,00
6-10	23	25,55
11-20	23	25,55
21-30	5	5,60
31-40	3	3,30
Всего	90	100

Представленные в переписной книге владельческие селения, как правило, были малодворными. Среди них 13 имели статус сел,

4 – сельца, остальные являлись деревнями. В среднем на одно поселение приходилось немногим более 10 дворов, из них более половины (примерно 5,6 дв.) крестьянских¹²⁰. По такому показателю, как дворность, можно выделить несколько групп сельских поселений. Только 8 селений находилось «за валом», к югу от укрепленной линии: 7 деревень и 1 сельцо. В среднем на 1 поселение приходилось 10 дворов (на половину селений – менее 6). Несмотря на опасность нападения кочевников, приобретать «порозжие» земли на Крымской стороне было выгодно. По Соборному Уложению в «украинных городах», например, при окладе в 300 четвертей (2) полагалось 60 четвертей и далее соответственно¹²¹. Так, симбирянам Тарханову и Алашеву при окладе в 350 четв. было выделено за валом «в дальних местах» по 65 четв. пахотной земли¹²².

Во многих помещичьих селениях крестьяне и угоды делились между несколькими владельцами. Всего в переписной книге указаны 203 владельца (считая владение, принадлежавшее двум или трем братьям, племянникам и т. д., за одно). Среди них были 24 вдовы и 4 «девки», 4 недоросля (из них 1 курмышенин), а также протопоп, мордовский мурза, стольник, подьячий местной приказной избы.

Иногородних дворян и детей боярских, владевших населенными поместьями в Симбирском уезде, насчитывалось 17, из них 7 арзамасцев, 3 казанца, по 2 атемарца и курмышанина, по одному самарцу и цивильцу. 6 человек не указали, к какому городу приписаны.

В среднем на 1 владельца приходилось немногим более 4 с половиной дворов (4,6 дв.) – количество крайне небольшое. Учитывая неравномерность распределения дворов по владельцам (свыше трети помещиков имели всего по 1 двору), подавляющая масса местных служилых людей по отечеству была способна нести только городовую осадную службу. И все же на одного дворянина и сына боярского юго-востока приходилось в среднем почти вдвое больше дворов, чем на юге, по Севской и Белгородской чертам (2,4 дв.)¹²³.

Практически не сохранилось сведений о переводах населения в эти поместья. Скорее всего, большинство поселенцев составляли беглые. Для соседнего с Симбирским Саранского уезда сыщики сообщали «...за дворяны и за детьми боярскими живут многие беглые люди и крестьяне» или «...многих беглых людей и крестьян у себя укрывают и таят»¹²⁴.

Большинство селений, указанных в переписной книге 1678 г., удалось локализовать П.Л. Мартынову¹²⁵, хотя до начала XX вв. из 90 сохранилось всего 62. Местонахождение ряда из них, даже таких крупных, как с. Кокорево, выявить не удалось¹²⁶.

Расселение и еоегав поееленцев на территории «Кореунекоего уезда»¹²⁷ (междуречье Суры и Барыша) в еередине – конце 1680-х гг. О расселении в западной (между реками Барыш и Сура) части Симбирского уезда, составе и численности ее жителей позволяет судить «Книга писцовая стольника Ивана Вельяминова да подьячего Афанасья Андреева 193, 194 и 195 годов» по Корсунскому и Симбирскому уездам¹²⁸. Значительная часть этого района была покрыта лесами и осваивалась гораздо медленнее прилегающих к нему с запада Саранского, а с востока – приволжских земель Симбирского уездов. Судя по данным писцовой книги, к середине 1680-х гг. здесь сложилось в основном военизированное население: совокупность казачьих (6) и стрелецких (1) слобод, селений служилых татар, чувашей и мордвы (14); сел и слобод солдат выборного полка А.А. Шепелева (7)¹²⁹. Трудно говорить об основаниях, по которым был определен район проведения писцового описания. Его двойственность указана уже в самом названии «Книги писцовой...». Очевидно, что за пределами внимания писцов оказался ряд пригородов и других оборонительных пунктов Корсунской черты, при которых были свои слободы. О пробелах описания указывают и материалы по Корсунской и Симбирской десятинам Патриаршей области, собранные В.И. Холмогоровым, а также ряд других источников¹³⁰.

В самом Корсуне и прилегающей к нему стрелецкой слободе числились 15 пушкарей, 2 воротника и 180 стрельцов (земли были отмежеваны и еще на 320 «впредь прибранных»)¹³¹. В 6 слободах Вельдиватской, Вешкаймской, Казачьей, Кандаратской, Станишной, Киватцкой (последние 3 были селами) насчитывалось 395 конных казаков и предполагалось набрать еще 61.

Расселение солдат выборного полка А.А. Шепелева на свободных землях Симбирского уезда началось сразу же после подавления Разинщины¹³². Как считает А.В. Малов, «...после каждой серьезной кампании, ...следовало верстание за безупречную службу новых, еще не верстанных солдат. За походы, бои и службы против разинцев, всех неверстанных участников должны были поверстать поместными и денежными окладами. Таким образом, все солдаты, которые добросовестно прошли через горнило Разинщины,

должны были переместиться из списка вольных людей в единый список с детьми боярскими»¹³³. Расселение их на территории Симбирского уезда происходило на свободных и «примерных» землях. Как правило, слободы выборных солдат были менее населенными, чем стрелецкие и казачьи – Майнская (13 солдат), Труслейская (20), Таволжанская (26), Потминская (40), с. Козмодемьянская (46), Воздвиженская (49), Сызганская (50).

Все эти военизированные поселения, как и немногочисленные владения симбирских помещиков, располагались в основном по западному берегу Барыша и другим небольшим рекам его бассейна. Ряд из них – Вешкаймская, Труслейская, Сызганская слободы и другие были основаны «за валом» на территории Завального стана по р. Вешкайме, Сызгану, Труслейке и т. д. На покрытой лесами территории региона располагались также немногочисленные деревни автохтонного населения региона. В писцовой книге указано 14 селений, основанных служилыми людьми из коренных народов Среднего Поволжья; среди них преобладали мордовские (10), совсем немного было чувашских (2), татарских (1) и новокрещен (1). В них числилось соответственно 212, 13, 65 и 5 служилых людей. Из ясачных автохтонных народов Среднего Поволжья между Барышом и Сурой селилась только мордва (всего 5 селений с 89 дворами плюс 6 пустых). По всей видимости, первоначально коренным жителям региона здесь принадлежало значительно больше земельных угодий. Об этом свидетельствуют материалы писцового описания с постоянно встречающимися сведениями о выделении земель для новых поселенцев из бывших владений мордвы, чувашей и т. д.

Симбирское дворянство в освоении сурско-барышского междуречья по данным писцовой книги делало только первые шаги. Из 10 помещиков, приобретших здесь земли, только у 6 имелось по 2–3 бобыльских и крестьянских двора¹³⁴.

Рассматривая уже окончательно сложившееся к середине 1680-х гг. пространство «большого» Симбирского уезда (за исключением его южного пограничья), следует отметить значительную неравномерность в его заселении. В отличие от западных «корсунских» земель, наиболее удобными и плотно освоенными были земли приволжской части уезда.

Результаты переписи 1678 г. и писцового описания 1685–1687 гг. отражают важнейший период в освоении и формировании населения волжского Правобережья. Именно в это время колонизаци-

онные потоки окончательно «перехлестывают» «за вал». В зоне массового расселения оказалось все пространство до широты Сызрани (Кашпира) – Пензы и даже верховья р. Терешки. Этот момент получил выразительное отражение в российском законодательстве, когда начинают утрачивать свою силу нормы о «заказных городах».

Система расселения и формирование населения в Западном Закамье (конец 1650 – 1690-х гг.). Одновременно со строительством Закамской линии¹³⁵ начинается интенсивное заселение земель, находящихся под ее защитой. В основном будут рассмотрены процессы, происходившие в Западном Закамье, границей которого на востоке традиционно считается течение р. Шешмы¹³⁶.

Наиболее привлекательными для переселенцев оказались территории, прилегающие к Волге. По р. Утке и Майне в 1655/56 г. возникла крупная вотчина Патриаршего Дома¹³⁷. О том, как действовали его приказчики, заселяя новые земли в Закамье (только пахотной земли здесь насчитали до 15 000 десятин), свидетельствуют материалы сыска 1658 г., проведенного по челобитным казанских, свияжских и тетюшских помещиков. Сыщики обнаружили в совсем недавно возникших 4-х селах (Майне, Утке, Полянках и Федоровском) и 2-х деревнях (Балымеры и Застенная) около 1 000 беглых. Только из с. Майны было возвращено прежним владельцам более 340 чел. Помимо русских в Свияжский уезд отправили 145 «безьясашной» и «ясашной» мордвы и чувашей, в Казанский – 101 чел. По мнению А.А. Новосельского, эти цифры не отражают всего количества беглых. Появление крупных владений «сильных» людей (или церковных корпораций) буквально опустошало мелкие владения местных дворян и детей боярских. Об этом, в частности, свидетельствуют челобитные казанцев и свияжан, жаловавшихся на то, что их владения запустели из-за действий патриарших слуг. Сыск 1658 г. оказался эффективным, видимо, и потому, что Никон в этом году покинул кафедру, а в 1659 г. вотчина была выведена из-под Патриаршего Дома¹³⁸.

Еще одно крупное владение появилось «на Волге реке, на Казанской стороне против Синбирска города» в 1661 г. (немного выше устья р. Калмаюр). Здесь получил земли костромской Богоявленский монастырь¹³⁹. По переписи 1678 г. в нем насчитывалось 32 крестьянских дворов, а в 1700 г. в с. Красный Яр и д. Городище состояло уже 189 дворов¹⁴⁰.

В 1670-х гг. на р. Утке появились владения боярина и стольника И.Ю. и Ю.Ю. Трубецких (с. Утка, Зеленовка тож), стольника С.Ф. Нарышкина (с. Волосниковка). Но просуществовали они только до конца 1690-х гг., когда крестьяне были «взяты на государя»¹⁴¹. Таким образом, попыток создать крупные земельные владения под защитой Закамской линии было немного.

Раздача земель в Закамье (прежде всего, Восточном), его заселение вызвали ожесточенное сопротивление башкир. В зоне их действий оказалось и Западное Закамье. В сентябре 1666 г. башкирские отряды дошли до устья Камы, где разорили д. Чертык казанского Преображенского монастыря. Характерно, что главной целью нападения был не только разгром поселений, но и захват крестьян «в полон». Следствием башкирских выступлений явилось практически полное исчезновение русских селений в междуречье Утки и Майны¹⁴².

Помимо гарнизонов Закамской линии, основным контингентом, испомещенным в этом районе и призванным защитить прилегающие к Волге земли Закамья, являлись полоцкие шляхтичи. Вместе с ранее переведенной на черту смоленской шляхтой они составили многочисленную группу своеобразного и нового для региона населения. Их переселение проходило в несколько этапов. Первый значительный перевод произошел в 1668–1670 гг., когда было решено поселить по р. Утке и Майне в бывших патриарших владениях 532 чел. «полоцкой шляхты» полка Г. Гаславского. Они пожелали остаться в России после того, как Полоцк вернули Польше по Андрусовскому перемирию. Однако основная часть шляхты предпочла поселиться не в беспокойном Закамье, а в окрестностях Казани и ее пригородов¹⁴³. Большинству новоселов выделили лишь земли, и только командному составу (всего 31 чел.) были пожалованы поместья с переведенными на них крестьянами (их набирали по 1 из 20 дворов дворцовых сел Казанского, Свяжского, Царевококшайского и Яранского уездов)¹⁴⁴. Полковнику в поместье полагалось 12 дворов, 8 ротмистрам – по 10, прочим – по 6. Очевидно, новые помещики были православными, так как в местах, где их расселили, устраивались храмы. Для защиты нового района расселения построили 2 острога¹⁴⁵. Видимо, в 1680-х гг. в верховья р. Майны была поселена еще одна небольшая группа служилых иноземцев¹⁴⁶.

Предпринятые действия позволили в определенной степени защитить Западное Прикамье от новых башкирских выступлений,

среди которых особенно разрушительным был так называемый «Севитовский бунт» 1681–1684 гг., когда восстание охватило всю Башкирию и распространилось вплоть до Волги. В 1682 г. башкир поддержали калмыки, прорвавшие во главе с тайшой Аюкой укрепления Закамской линии.

И позднее, в отличие от Симбирского Правобережья, при заселении и обеспечении безопасности прилегающих к Волге закамских земель правительство пыталось опереться, прежде всего, на служилых иноземцев. Новый пик их массового испомещения приходится на рубеж XVII – XVIII вв. Основная масса «иноземцев полковой службы и рейтар» численностью более 300 чел. (из Казани и ее пригородов, Царевосанчюрска, Яранска и Уржума) подали челобитные с просьбами перевести их в Закамье в самом конце XVII в.¹⁴⁷ По мере расселения по р. Утке, Майне, Уреню, Бездне появлялись все новые группы «иноземцев», стремившиеся обосноваться за Волгой. Чтобы их испоместить, власти должны были переселить в Закамье ряд селений, жители которых заняли предназначавшиеся для иноземцев земли. В результате были поселены 141 казанский и 82 уржумских иноземцев, 147 (?)¹⁴⁸ – симбирских. Однако вплоть до 1701 г. в Закамье продолжали прибывать новые партии переселенцев (еще около 200 чел.). Среди них, помимо выходцев из уездов Среднего Поволжья, было даже 2 киевлянина. Все это значительное по численности (почти 600 чел.) военизированное население подселяли к ранее испомещенным здесь иноземцам, а также расселяли на новых местах.

Строительство Закамской черты создало условия для интенсивного переселения в Закамье служилых татар. По мнению Р.Г. Насырова, это была государственная колонизация, так как происходила с разрешения и одобрения центральных и местных властей. Многие из служилых татар, переселившихся в Западное Закамье во второй половине XVII в., были выходцами из Темниковского, Алатырского и Симбирского уездов. Некоторые служилые селения были основаны выходцами из города Казани и центральных частей Казанского уезда.

Миграция служилых татар не внесла существенных изменений в сложившуюся к середине XVII в. структуру расселения региона. Татарские помещики в основном предпочитали селиться в существующих деревнях. Из выявленных 29 фактов переселения только в 7 случаях служилыми людьми были основаны новые поселе-

ния. Объясняется это тем, что в существовавших к тому периоду деревнях населения было мало и пустующих земель для обзаведения поместьями имелось в достаточном количестве¹⁴⁹.

Переселение тяглых слоев населения имело в основном характер вольной колонизации. Здесь селилось преимущественно автохтонное население Среднего Поволжья¹⁵⁰. Большинство ясачных поселений, равномерно распределявшихся по всей территории региона, основали татарские крестьяне (около 20 селений). Русские «ясачные» селения (всего выявлено 7), как правило, располагались по побережью Камы. Земли между Малым Черемшаном и истоками рек Бездны и Актая были заселены чувашами. Их первые деревни возникли в 1680-х гг. по р. Малая Сульча. В.Д. Димитриев считает, что количество чувашских ясачных селений в Закамье было достаточно велико¹⁵¹. Ряд деревень мордва основала в верховьях р. Утка, за владениями иноземцев.

К 1690-м гг. в Западном Закамье существовало более 100 населенных пунктов. Основная часть территории между Камой и засечной чертой была освоена. Исключение составляли только земли верховий р. Малый Черемшан и бассейна р. Шешмы. Оставалась слабо заселенной юго-восточная, относящаяся к бассейну р. Большой Черемшан, окраина района. На ее территории сложилось несколько ясачных деревень, в непосредственной близости к засечной черте. Как правило, эти селения не выходили «за вал», к югу от Закамской линии¹⁵².

Преобладающим по численности населением Западного Закамья во второй половине XVII в. являлись татары¹⁵³. По подсчетам Д.М. Исхакова к рубежу XVII–XVIII вв. на территории региона насчитывалось «...до 70 служило-татарских (мишарских), ясачных и крещено-татарских деревень»¹⁵⁴.

В последнем десятилетии XVII в. «роль главного действующего субъекта помещичьей колонизации переходит от служилых татар к русским помещикам». Резко возрастает к этому времени крестьянская колонизация края¹⁵⁵.

Сложилось мнение, что к началу XVIII в. «Западное Закамье уже было полностью освоено переселенцами»¹⁵⁶. Однако это не означает, что в регионе был исчерпан фонд свободных земель и процесс его колонизации был близок к полному завершению.

Заселение и демография Сызранского Правобережья. Пространство нового района массового расселения Правобережья «за валом» должна была защищать Сызранская черта. Однако, приняв

решение о строительстве в 1685 г., правительство весной следующего года, буквально накануне начала работ, внезапно отказалось от ее возведения¹⁵⁷. Непрерывная система укреплений была заменена совокупностью военизированных поселений, вытянувшихся полосой между Волгой и Сурой.

В начале 1680-х гг., осматривая Пензенскую черту, приказные люди писали: «А за рекою Сурою большой Сурский лес, а в нем черты и деревянных и земляных крепостей... не бывало, и ныне нет...»¹⁵⁸. Но уже в 1681 г. в Сурский лес на р. Луевку «на проходное место для обережения от приходу воинских людей» было направлено для поселения 50 людей из Саранска (Налуевская слобода). В том же году «саранским засечным сторожам и казакам Ваське Холопову с товарищи» были отведены земли для расселения¹⁵⁹. Позднее в 1,5 верстах от Налуевской слободы появилась еще одна, заселенная стрельцами и казаками, переведенными с Симбирской черты. Вскоре оба поселения слились в одну Налуевскую слободу, числившуюся то в Пензенском, то в Симбирском уездах¹⁶⁰. Основание этой слободы фактически стало продолжением Пензенской черты.

На противоположном фланге, у Волги, в построенной в 1683 г. Сызрани был размещен гарнизон из 236 казанских и тетюшских, 239 чебоксарских солдат «с женами и с детьми для переведения на вечное житье». При подведении общего итога в документе среди переведенцев указали сначала 515, а затем 525 солдат¹⁶¹. Однако пахотные земли и угодья получили в 1684 г. 418 переселенцев «против синбирских валовых казаков»¹⁶².

Между строительством Сызрани и указом 1685 г. о возведении одноименной черты прошло немногим более двух лет. В этот небольшой срок уместился ряд событий, свидетельствующих о начале массовой колонизации Сызранского Правобережья. Среди военизированных поселений наиболее крупными были слободы русских служилых людей: Печерская, Усинская, Подвалье, Жемковская, Суринская и др. Их основали станичные казаки (Печерская и Жемковская слободы), солдаты выборного полка А.А. Шепелева (Усинская и Суринская слободы, д. Подвалье – с. Ильинские горы, Елаур и др.). Казачьи слободы, как правило, были рассчитаны на 50 человек, как, например, сл. Печерская, основанная в 1684 г. переведенными станичными сызранскими казаками Саввой Богомоловым «с товарищи»¹⁶³. Появление таких слобод (или пожало-

вание земель казакам) могло происходить и до строительства Сызрани, как это случилось с казаками сл. Жемковской в 1682 г.¹⁶⁴

С возведением Сызрани начинается новый этап испомещения выборных солдат, селившихся значительно южнее пожалований предшествующих лет, в более опасных местах. Так, в 1683–1684 гг. Л.И. Неклюдов и П. Поляков «с товарищи» «осели» под Ильинскими горами (д. Подвалье)¹⁶⁵; чуть севернее на р. Елаур обосновался выборный солдат «новокрещен» С. Жоин с «товарищи» (1683/84 г. – Елаур) и т. д.¹⁶⁶ В 1684 г. «против челобитья выборного генерала думного Агеева полку Алексеевича Шепелева солдатом Федору Алферову сыну Галке с товарищи пятидесяти человекам» были на р. Усе отмежеваны «по дватцети четьи в поле а в дву потому ж»¹⁶⁷. Так возникла сл. Усинская. Выше по р. Усе выборные солдаты основали Суринскую слободу (позднее с. Суринское «Троицкое тож»).

Как правило, выборные солдаты селились у волжского побережья. Но бывали и другие примеры, как, например, со сл. Архангельская Бекшанка тож, основанной в тех же 1683–84 гг. солдатом А. Ходыковым с товарищами на притоке Сызрани р. Б. Бекшанке¹⁶⁸. Жители этой слободы вместе со служилыми татарами и чувашами рядом лежащих селений (Сайман, Чувашская Бекшанка и другие) должны были перекрыть наиболее опасное направление проходов отрядов кочевников по водоразделу между Волгой и Сурой вглубь Симбирского, Алатырского и других уездов.

Закрывать от нападений кочевников волжско-сурское междуречье силами только русских казаков и солдат было невозможно. Государство всячески способствовало расселению в этом районе служилых татар, чувашей и мордвы. Им позволяли селиться на новых территориях в обмен на сторожевую станичную службу. Еще чаще их специально переводили в сызранское пограничье. Такая служба между Волгой и Сурой по р. Сызранке, Канадею и их притокам, по другим рекам понадобилась с начала 1680-х гг., после строительства Пензенской линии¹⁶⁹. Далеко не всегда известно, когда и каким образом их испомещали. Например, в 1684 г., когда при впадении р. Тишерек в Усу отводили землю солдатам выборного полка Ф. Галке «с товарищи» (будущее с. Усинское), часть своих «поместных» земель им отдали служилые татары и чувашаи из расположенной неподалеку на р. Усе д. Ногайский Брод. Свидетелями этого межевания были служилые татары и чувашаи дере-

вель Теренгул, Алшевое, Тукшум, Янтуганов Тукшум¹⁷⁰, которые находились севернее, по Правобережью, по притокам Усы (Теренгульке, Тукшуму) и речкам, впадающим в Волгу¹⁷¹. Например, д. Тукшум основали служилые мурзы, татары и чувашаи¹⁷².

Редко селение основывали представители различных этносов и социальных групп. Например, в 1685/86 г. в верховьях р. Сызранки по челобитью служилого «чувашина» Ч. Якшитова «с товарищи» (9 чел.) и 5 ясашных крестьян возникла д. Сайман. Рядом, «особо» в д. Ахметлей поселились вышедшие из разных уездов служилые татары (27 человек)¹⁷³.

При таком расселении могли происходить не совсем объяснимые изменения в статусе жителей селений. Например, по данным начала XVIII в. жителями дд. Байдеряково и Малячкино являлись ясашные чувашаи¹⁷⁴. Однако сами они позднее, в конце столетия, утверждали, что их предки (д. Байдеряково) вышли из служилых сенгилеевских казаков, а первые жители д. Малячкино появились здесь вскоре после взятия Казани¹⁷⁵. В пользу начальной служилой принадлежности жителей д. Малячкина (Казынбаевка) имеется ряд данных и более раннего времени (конца XVII в.)¹⁷⁶.

В восточной части волжско-сурского междуречья деревни служилых татар, мордвы и чувашей по Усе, Тишереку и другим рекам, скорее всего, появились ранее строительства Сызрани. Они возникали вдоль берега Волги под защитой Надеинского Усолья с его городком и совокупности слобод с русским служилым населением «за валом» на Арбугинских горах.

Наиболее уязвимым для прорыва кочевников в глубинные районы Предволжья являлся водораздел Волги и Суры, между верховьями Сызранки, Канадея и речек, впадающих в Суру с востока. Возможно, он заселялся служилыми татарами, мордвой и чувашами целенаправленно, во время обследования маршрута будущей черты симбирским воеводой М.А. Головиным¹⁷⁷. Об этом свидетельствует единовременное появление всех этих селений (Сайман, Евлеево, Ахметлей, Бекшанка «Салтанова тож», Торувеские Вершины и, возможно, других) в 1685/86 г. Так, выпись с отводных книг М.А. Головина на землю получили служилые чувашаи «Чинайка Ешкитов с товарищи» 20 чел. по притоку Сызрани р. Бекшанке (д. Бекшанка «Салтанова тож»)¹⁷⁸. Видимо, тогда же темниковские служилые татары основали д. Торувеские Вершины у истока р. Евлей (вариант названия – Уразлей), впадающей в Суру¹⁷⁹.

Итак, в первой половине – середине 1680-х гг., как раз ко времени принятия решения о строительстве Сызрани и Сызранской линии, возникает система поселений служилых татар, чувашей и мордвы: Торуевские Вершины (видимо, в это время), Чувашская Бекшанка, Еделево, Сайман, Ахметлей в верховьях р. Сызрань, в западном районе предполагаемой черты; Ногайский Брод (Уса), Малячкино (Казанбаевки) и, видимо, ряд других – в восточной части. Традиционно эти селения жмутся к кромке леса, возникают на лесных полянах. Право селиться в новых местах и землю для поселения симбирские власти давали, как правило, по челобитьям. Жители этих селений должны были нести сторожевую службу и вместе с русскими казаками и солдатами защищать все пространство между Сурой и Волгой.

Таким образом, принятое правительством решение об отмене строительства Сызранской линии не повлияло существенным образом на набиравший силу процесс освоения нового региона. Особую роль в этом освоении сыграла военно-государственная колонизация края, «насытившая» его служилыми людьми, позволившая обезопасить от нападений кочевников. До середины 80-х – начала 90-х годов XVII в. основными акторами освоения Южного Средневожья являлись русские ратные люди, представители автохтонного служилого населения Среднего Поволжья, ясачные и русские крестьяне. Регион в этом отношении (за исключением сложного этноконфессионального состава своего населения) был похож на другие территории южного и юго-восточного пограничья европейской части страны. Важнейшую роль в формировании его территории и населения играли государственная и вольная колонизации. Слой местных мелко- и среднепоместных землевладельцев, во владениях которых сложилось местное крестьянское население, формировался из служилых людей по отчеству, в основном переведенных из городов Нижегородского и Среднего Поволжья.

Церковные корпорации, дворец и московская знать в колонизации Южного Средневожья в 1680-х гг. – начале XVIII в. Появление привилегированных собственников на территории края, складывание здесь владений со значительным населением до начала 1680-х гг. было достаточно редким явлением. Таковыми владели Патриарший Дом на р. Утке и Майне при Никоне (1655/56 – 1659 гг.) и его домовая самарский Спасо-Преображенский монастырь на Самарской Луке; крупные монастыри (Надеинское Усолжье звени-

городского Савво-Сторожевского и владения на левобережье Волги (выше устья р. Калмаюр) костромского Богоявленского); дворцовое ведомство (Чалнинская волость в Закамье, Арбугинская и самарская Рождественская (бывшая патриаршая) в Предвожье). При всей значимости и размерах своих владений церковь и дворец, за редким исключением, не играли сколько-нибудь определяющей роли в процессе массового освоения Южного Средневожья¹⁸⁰.

Положение меняется только с 1680-х гг., когда на территории Симбирского и отчасти закамских земель Казанского уездов появляются вотчины московских Чудова, Новодевичьего, Новоспасского и Вознесенского монастырей, подмосковного Воскресенского Новоиерусалимского, костромского Ипатьева и ряда других¹⁸¹. Их владения стали крупнейшими в регионе как по территории, так и по населению и в основном занимали наиболее удобные, прилегающие к Волге местности. Их владельцы в конце XVII в. играют одну из определяющих ролей в освоении Правобережья и переселении сюда крупных групп крестьян.

«Внезапное» появление крупных владений в условиях пограничного региона объясняется тем, что с конца 1680-х гг., по мере снижения военной опасности на юге и юго-востоке, правительство постепенно перестает соблюдать нормы политики «заказных городов»¹⁸².

Вслед за приобретением земель церковные власти предпринимают энергичные меры по их заселению. По приблизительным подсчетам, в монастырских вотчинах Южного Средневожья в этот период насчитывалось более 2000 дворов; причем во владениях Новодевичьего монастыря – около 500 (возможно и более), Савво-Сторожевского и московского Вознесенского – до 300 в каждом, костромского Богоявленского – около 200¹⁸³. Исходя из принятой классификации монастырей по количеству имеющихся у них дворов крепостных крестьян, понизовые владения этих собственников вполне можно отнести к числу крупных и крупнейших¹⁸⁴. По данным первой ревизии, жители бывших и оставшихся за церковью владений составляли не менее 18–20 % всего населения Симбирского и Самарского уездов¹⁸⁵. Несомненно, что в конце XVII – начале XVIII в. это соотношение было значительно выше. Можно сделать предположение о постепенном переносе центра тяжести населенных владений ряда крупнейших монастырей Не-

черноземного центра на юго-восток, в пределы Южного Средневожья. В вотчинах Новодевичьего и Богоявленского монастырей в начале XVIII в. насчитывалось около 20 % крестьян от всех принадлежащих им; Савво-Сторожевского и московского Вознесенского – более 15 %¹⁸⁶.

Материалы по демографии в монастырских владениях позволяют в определенной степени представить подобные процессы в целом для всего региона Южного Средневожья.

В конце XVII в. изменились взгляды церковных собственников на принципы формирования населения их владений. Ранее оно в основном росло стихийно за счет неуправляемого потока беглых. Роль местных приказчиков и строителей сводилась к созданию льготных условий для вновь пришедших. В 1680–1690-х гг. большинство владельцев предпринимало активные усилия по переводу крестьян в новые вотчины. Прежний принцип формирования населения сохранялся с известными оговорками как основной только во владениях Савво-Сторожевского и кашпирского Вознесенского монастырей. Велика его роль была в вотчине Новодевичьего монастыря.

Пополнение людских ресурсов в большинстве владений осуществлялось, как правило, путем перевода крестьян из перенаселенного малоземельного центра страны. Властями Воскресенского Новоиерусалимского монастыря были «...перевезены (на Волгу. — Э. Д.) крестьяне из монастырских вотчин, пятьдесят пять дворов»¹⁸⁷. В 1731 г. архимандрит Чудова монастыря доносил, что в конце XVII в. из Владимирского уезда переселили в вотчины Пензенского, Казанского и Симбирского уездов 93 крестьянских двора¹⁸⁸. Стряпчий Новодевичьего монастыря Н. Бурнашов сообщал, что «...из монастырских старинных вотчин... вывезены в Симбирский уезд в монастырскую Пречистенскую слободу к рыбному промыслу... многие крестьяне»¹⁸⁹. По словам игуменьи монастыря Олимпиады, жители вотчины были «...частью переведенными, частью бежавшими из других вотчин того же монастыря»¹⁹⁰. Сами крестьяне позднее рассказывали: «...напрядь сего деды и отцы их, также из них некоторые, но самые престарелые уже имели жительство во Владимирском, Верейском и Углицком уездах, в разных того Новодевичьего монастыря селах и деревнях а потом, в прошлых давних годах... несколько числом душ переведены и поселены... в Ново-Пречистенской волости»¹⁹¹. Перевод населе-

ния в крупных масштабах производился и во владениях Богоявленского и Савво-Сторожевского монастырей¹⁹².

Примером управляемого массового перевода жителей из центра страны в приволжскую вотчину могут служить действия московского Вознесенского монастыря¹⁹³. Подготовка к переселению людей началась во владениях Владимирского уезда зимой – в начале весны 1692 г., а еще до начала распутицы они прибыли на Самарскую Луку. Первой партии переселенцев на новом месте пришлось временно устраиваться в шалашах и землянках. Подавляющее большинство уходивших (60 дворов из 76) продали свои дворы и «дворовое хозяйство», скот, хлеб (озимые), тягло односельчанам или «пришлым» людям. Меньшая часть (10 семей) продала или сдала все родственникам – братьям, отцам за «подмогу». И, наконец, 6 семей ушли из дворов родителей, оставив им тягло. Происходило переселение, в первую очередь, самостоятельных дворохозяев. Практически не отмечается стремление убрать из вотчины «лишнее» население путем перевода «брата от брата, сына от отца». Как правило, переселенцы полностью продавали свое имущество, что свидетельствует о перенаселенности монастырских владений центра. Средства, вырученные от продажи хозяйства, составляли от 2 до 35 рублей. Из 76 семей 54 получили средства для обзаведения на новом месте (до 10 рублей). Перевод крестьян осуществлялся «по властину указу», равномерными группами из ряда сел и деревень. Новоселам выдавалась ссуда на приобретение посевного зерна, и сразу же определялось тягло. Практически никаких особых льгот на новом месте жительства крестьяне не получали.

В последующие годы переселение крестьян также шло из Владимирского уезда, и к концу XVII в. они составили подавляющее большинство жителей вотчины. Количество принятых беглых было незначительным. В новых вотчинах монастыря мы наблюдаем только одну категорию населения – крестьян. Нет бобылей, очень мало подсоседников, захребетников, соседей. Новоселы сразу же основывали свои дворы. Происходило как бы «чистое переселение», при котором не было подселенцев, не нужно было прятать беглых по дворам.

Еще один вариант переселения показывают действия костромского Ипатьева монастыря. В конце 1690-х гг. его старцы обнаружили в «низовых разных городах» около 550 чел., бежавших из их вотчин во Владимирском и Костромском уездах «от хлебных не-

дородов». Монастырь не стал возвращать их назад и расселил на приобретенных землях Симбирского уезда¹⁹⁴. Довольно часто беглые крестьяне сами приходили к старым хозяевам в их новые вотчины в Южном Средневолжье. Так происходило во владениях Савво-Сторожевского, Новодевичьего, московского Вознесенского монастырей¹⁹⁵.

Как и раньше, приток беглых был весьма интенсивен. Только часть населения Новопречистенской вотчины была переведена, остальные переселились самовольно. Несколько селений в вотчине основали беглые чуваша и мордва. Когда у игуменьи монастыря потребовали представить документы на этих людей, она смогла объяснить отсутствие грамоты только тем, что та «сгорела»¹⁹⁶.

В 80–90 гг. XVII в. значительно ужесточилась правительственная политика, направленная против бегства¹⁹⁷. Ее проведение существенно подорвало старые традиции формирования населения. Если, например, в 1660-х – середине 1680-х гг. власти Савво-Сторожевского монастыря практически игнорировали жалобы светских феодалов на незаконный прием беглых, то в конце 1680 – 1690-х гг. они не могли противостоять усилившемуся напору многочисленных сыщиков, наездам дворянских отрядов. В 1699 г. власти обители жаловались, что от сыска «...промысел разорился вконец...», «...а крестьяне и бобыли... разбредаются...». Только за 1690-е гг. в Надеинском Усолье было проведено три сыска беглых¹⁹⁸.

Для приволжских монастырских вотчин структура населения практически не отличалась от их владений в центре страны. Большие различия в средней населенности двора по отдельным владениям – от 2–2,5 до 8 душ м. п. – объясняются интенсивными миграционными процессами. Характерно, что на всем протяжении изучаемого периода бегство населения из приволжских вотчин духовенства было незначительным.

Иначе обстояло дело в дворцовых владениях. В конце XVII в. в Рождественской волости на Самарской Луке случилась настоящая демографическая катастрофа. Результаты переписей первого десятилетия 1700-х гг. (крайне неточные, о чем говорят все специалисты) показали настоящее запустение селений Рождественской волости. Например в с. Рождествено в 1678 г. насчитывалось 200 дворов, а в 1708 г. – только 41, из них 38 старых, существовавших в 1678 году; в д. Выползово вообще произошел уникальный случай, когда никого из старожилов в 1708 г. в деревне не оказалось¹⁹⁹. Наиболее значительным был отток населения на Яик,

к вольному казачеству. Сами крестьяне утверждали, что «от той тягости (работа на новодесятинной пашне. — Э. Д.) и от хлебного недорода многие их братья разбежались»²⁰⁰. Похожей была ситуация и в Чалнинской волости. По мнению Г.И. Перетятковича, дворцовые владения во второй половине XVII в. переживали сложные времена²⁰¹. К ней в Закамье в это время не прибавилось ни одного крупного комплекса дворцовых селений. Население самой волости резко уменьшилось в результате массового перевода крестьян в крепости Закамской черты. Переводы местных жителей, но в значительно меньших масштабах, продолжались и в последующие годы. Характерно, что после этих переселений население вотчины смогло полностью восстановиться. В конце 1670-х гг. в с. Чалнах насчитывалось 143 крестьянских двора, т. е. столько же, сколько было по описанию с. Волынского. Положение ухудшали и башкирские набеги²⁰².

Например, в результате набега 1682 г. только в Чалнах остались пустыми 35 дворов. Затем последовали новые переводы «на Камышенку», «в Чигиринскую службу» и т. д. Прежние размеры повинностей оставшееся население уже не могло выдержать, увеличилось количество беглых, нищих. В результате к началу XVIII в. в селении в числе «пустых» оказалось 82 двора.

О кризисе дворцовых волостей Казанского уезда свидетельствует правительственное распоряжение 1701 г., где большие недоимки объяснялись тем, что «многих дворцовых сел крестьяне разошлись»²⁰³.

Однако дворцовые владения в регионе продолжали расширяться. В начале XVIII в. в пограничных районах Закамья возникла еще одна дворцовая волость — Черемшанская. Казанский (или же уфимский) комиссар А. Сергеев переселил в нее крестьян к «государевым казенным заводам». Волость была основана в нижнем течении р. Черемшана и охватывала оба берега реки. Из 5 ее селений 2 села — Богородское (Грязнуха) и Архангельское (Городище) — находились на левой стороне реки. По переписи 1719 г. в ней состояло 6 поселений с 704 дворами, в которых насчитывалось 903 души м. п.²⁰⁴

Массовое появление в Симбирском Правобережье землевладения представителей московской знати началось в самом конце XVII в. Им раздавали «по челобитьям» земли, освободившиеся после переводов крупных контингентов приборных людей в Азов.

В итоге такой раздачи по данным 1702 г. свободные участки оказались: за 10 боярами, одним генералом, одним «адмиралтецом», одним думным дворянином, одним думным дьяком и одним монастырем, двумя постельничими, одним стряпчим с ключом, 25 стольниками, пятью дьяками и подьячими и две вотчины – за Новоспасским монастырем²⁰⁵.

Так в Симбирском уезде появились населенные вотчины А.С. Шеина, М.Я. Черкасского, Б.А. Голицына, А.Ф. Нарышкина, Н.И. Репнина, Ф.Ю. Ромодановского, Я.П. Салтыкова, И.Ю. Трубцкого, Н.М. Зотова, И.И. Бутурлина и других представителей светской знати²⁰⁶. О возникновении крупного светского землевладения на территории региона свидетельствуют также материалы Генерального Двора в с. Преображенском²⁰⁷. «Описание оброчных статей» Симбирского уезда, проведенное в 1704 г. для Ингерманландской канцелярии, позволяет достаточно точно локализовать такие владения²⁰⁸. Правительственная политика начала XVIII в. остановила рост крупной собственности церкви на территорию края и способствовала новому ее перераспределению. Апофеозом такого перераспределения стало оформление к 1710 г. огромных владений А.Д. Меншикова, куда вошли приволжские владения московских Новодевичьего и Новоспасского, звенигородского Савво-Сторожевского монастырей²⁰⁹.

Южное Средневожье на рубеже XVII – XVIII вв.: еиетемы раееления и еоегав жигелей. В конце XVII – начале XVIII вв. происходят значительные изменения в условиях освоения Южного Средневожья, в протекании миграционных процессов и формировании систем расселения. Иной становится стратегическая ситуация в Предвожье. Удачное завершение азовских походов, попытка строительства канала между Волгой и Доном, возведение городов-крепостей по Хопру, Медведице и другим притокам Дона (Петровск и др.), концентрация там значительных контингентов военных сил способствовали дальнейшему расширению к югу ареала постоянного расселения.

Так, в конце 1690-х – начале 1700-х гг. южнее Сызрани, в верховьях р. Терешки и ее притоков, возникает куст селений, жителями которых являлись, прежде всего, служилые татары д. Терешевские Вершины, Татарская Кулатка и др. Рядом с ними появляются деревни ясашных чувашей и представителей других народов Среднего Поволжья²¹⁰. Выше уже говорилось о формировании поселений во владениях Чудова и Новоспасского монастырей

(с. Сосновый Остров, Терса и др.), протянувшихся почти до широты Саратова. Под Хвалынском и Саратовом сложился ряд раскольничьих селений²¹¹.

Существенные изменения в составе населения в последние годы XVII в. произошли в уже, казалось, обжитых уездах по Симбирской и другим засечным чертам Правобережья. Этому способствовал начавшийся с 1696/97 г. перевод крупных контингентов приборных людей в Азов. Из Симбирского уезда отправили на «вечное житье» жителей 25 казачьих слобод²¹², из Пензенского – казаков с семьями из 14 слобод, из Инсарского – из 5 слобод и из Саранского – также из 5 слобод²¹³. Несколько позднее последовал еще один перевод: «А которые в тех слободах жили третники и половинщики, бобыли и захребетники и те в 206 году переведены на вечное ж житье с женами и детьми, в новопостроенные города на Медведицу и на Хопер для укрепления черты»²¹⁴. Помимо Азова, правительство пыталось таким образом заселить построенный на р. Медведице г. Новопетровский и на р. Вороне – Новопавловский. В результате оказались свободными около 40 000 четвертей пахотной земли (2)²¹⁵.

Столь значительные переводы крупных групп жителей и распределение освободившихся земель между новыми владельцами должны были серьезно изменить сложившуюся в рассматриваемом регионе, прежде всего на территории Симбирского уезда, систему расселения. Выявить ее на начало XVIII в. по указанному уезду позволяет перепись «оброчных статей» 1704 г. Этот документ с дополняющими его материалами содержит перечень поселений и основных категорий жителей, их населяющих (без указания их численности), практически для всей территории уезда. Он позволяет реконструировать сложившуюся систему расселения, ее границы, плотность поселений по отдельным локальным территориям; этнический, конфессиональный, владельческий, служилый или тяглый состав их жителей²¹⁶. Имеющиеся лакуны в описании уезда, например, по участку, прилегающему к Сызрани и Кашпиру, отчасти позволяют заполнить другие материалы делопроизводства Ингерманландской (именовавшейся также Семеновской или Ижорской) канцелярии, проводившей эту перепись²¹⁷.

Всего в ходе описания было собрано более 300 сказок по населенным пунктам и 5 промысловым владениям. Последние принадлежали дворцовому ведомству, Новодевичьему монастырю, крупным светским промышленникам. Территория уезда была опи-

сана достаточно полно, о чем свидетельствует проведенная нами картографическая сверка списка селений. В качестве источников для локализации селений и проверки их полноты использовались, прежде всего, материалы XVIII в., а также карты XVIII – начала XX вв.²¹⁸ Под досмотр попали поселения самых различных категорий населения, а также предпринимателей (или их групп), проживавших вне территории уезда, но владевших здесь рыболовецкими промыслами.

По данным переписных книг, территория Симбирского уезда на севере доходила примерно до линии Алатырь – Буинск – Тетюши. На западе его границей была р. Сура. При этом странным выглядит включение в перепись сведений о Поттишском остроге и Новопоттишской слободе, располагавшихся значительно западнее Суры²¹⁹. На юге переписчики осмотрели поселения по р. Сызранке и ее притокам, хотя сельское расселение ушло уже значительно южнее. Видимо, неподвластными симбирской администрации оказались селения, возникшие в вотчинах московских Чудова, Новоспасского и других монастырей по правому берегу Волги почти до Саратова. Восточные границы уезда по большей части ограничивались Волгой. Однако Самарская Лука (ее центральная и восточная части вошли в состав Самарского уезда), вотчины звенигородского Савво-Сторожевского и московского Вознесенского монастырей находились за его пределами. И, наконец, заволжский участок Симбирского уезда включал в себя восточную часть Закамской черты с пригородами Белый Яр и Ерыклинск и прилегающие к ней районы сельского расселения, в том числе и левобережные земли Новопречистенской волости (вотчина Новодевичьего монастыря).

Кратко рассмотрим основные локальные районы расселения Симбирского уезда на начало XVIII в.

Из указанных 5 крупных предпринимателей на территории уезда своей населенной вотчиной владел только Новодевичий монастырь. Переписчики не обратили внимания на совокупность поселений в его владениях, так как рассматривали как промышленников лишь его приказчиков. Данные о монастырских селениях имеются только за 1710 г. Можно с большой долей вероятности предположить, что они возникли не позднее проведения описания. На правом берегу располагались 2 русских села и 2 деревни (жителями одной были чуваша, второй – мордва и чуваша); на Левобережье – ниже устья Б. Черемшана состояло 5 селений

(1 село и 4 деревни), среди них 2 русских (село и деревня), 2 чувашские деревни и 1 – с мордовско-чувашским населением²²⁰.

В Заволжском участке базовыми являлись пригороды Белый Яр и Ерыклинск с их гарнизонами казаков и стрельцов. К Белому Яру была приписана и Сенгилеевская слобода, находившаяся на противоположном берегу Волги, но заселенная станичными казаками, из него переведенными. Кроме того, под защитой черты сложился комплекс из 4 сел и 11 деревень, в миниатюре отразивший разнообразный состав жителей основной части уезда²²¹. Кроме того, указано 1 владение без селения²²².

Еще одной окраинной и в определенной степени автономной частью Симбирского уезда являлась его северо-западная часть, занимавшая междуречье Суры и Барыша. Продолжая традицию писцовой книги 1685–1687 гг., переписчики «оброчных статей» продолжали называть это пространство «Корсунским уездом» в составе «большого» Симбирского уезда. Ключевыми пунктами «Корсунского уезда» являлись «города» Корсун и Аргаш; Малый Корсунский, Тальский и Сурский остроги, располагавшиеся по Корсунской линии. В связи с тем, что текст переписной книги сохранился с многочисленными лакунами, нет возможности точно подсчитать количество сложившихся здесь селений. Они в основном располагались в степных участках сильно залесенной местности и шли вдоль укреплений черты, не поднимаясь выше изгиба Суры и междуречья Суры и Барыша (доходя примерно до широты Промзина городища).

Всего в этом районе переписчики насчитали до 18 (хотя, возможно, их было более) селений. Среди них было 3 пригорода и 2 острога, а также 11 слобод и 2 деревни, населенных казаками, стрельцами и «жителями» (4), солдатами «служилыми» (1), служилыми мордовскими «мурзами» (1), крестьянами московской знати (2) и помещиков (1), крестьянами (3), ясашной мордвой (1). Можно говорить об определенном запустении этих местностей по сравнению с данными писцовой книги «Корсунского уезда»; но, возможно, мы сталкиваемся со значительными лакунами при описании оброчных статей²²³.

Обратимся теперь к основной территории Симбирского уезда, той, которая находилась в междуречье Волги и Барыша и в основном складывалась под защитой Симбирской линии. Первая, прилегающая к черте группа поселений, основывалась при городах и

пригородах черты – Симбирске, Юшанске (представлен только слободами), Тагае и Урене с военизированным и отчасти посадским населением. В их состав, помимо 1 города и 3 пригородов, вошли 20 слобод (4 казачьих, 9 стрелецких, 7 населенных крестьянами, принадлежащими представителям столичной знати) и 1 деревня (выборные солдаты). Если учесть, что владельческие селения несколько лет назад были казачьими, это был ранее район формирования исключительно военизированного населения²²⁴.

Еще один крупный район расселения, прежде всего помещичьего, сложился вверх от Симбирска по Свияге (примерно до устья р. Бирюча). Здесь были переписаны 40 селений (5 сел, 6 слобод и 29 деревень). Из них владельческих насчитывалось 28. В том числе местным помещикам принадлежало 22 (4 села и 18 деревень), столичной знати – 4 (1 село, 2 слободы и 1 деревня), центральному монастырю – 1 слобода и местному симбирскому собору – 1 деревня. В 3-х слободах были расселены казаки, в 1 деревне служилые татарские мурзы и в 8 – ясачные татары и мордва.

Совокупность из 37 селений располагалась к западу от Свияги и к северу от городков и слобод по Симбирской черте по рекам Бирючу, Якле и Чилиму, то есть немного не доходя Барыша. За исключением 2 сел солдат выборного полка, все эти поселения являлись владельческими. Из них только 1 село принадлежало представителям московской знати и соответственно 34 (12 сел и 22 деревни) местным помещикам²²⁵.

Самую крайнюю северную часть Симбирского уезда, примыкавшую к линии Алатырь – Буинск – Тетюши по рекам Карле, Бездне, Буле и другим, занимали в основном селения, основанные местным коренным населением Среднего Поволжья. Помимо 2 сел и 1 деревни, принадлежавших помещикам, здесь обосновались ясачные (24 д.) и служилые чуваша (1 д.), служилые (6) и ясачные (1) татары; а также служилые мурзы и татары (1)²²⁶.

Следующие группы селений относятся к району, который начал складываться значительно позднее, не ранее 1660-х гг.; к югу от Симбирской черты, «за валом». По рекам Свияге и ее притокам Гуше и Ташле расселились в основном симбирские помещики (6 сел и 9 деревень) и выборные солдаты (8 сел и 1 дер.). Рядом с ними в 1690-х гг. получили земли и завели свои села симбирские воеводы – стольники И.О. Щербатов и С. А. Сабакин²²⁷. Единичными здесь оказались селения служилых мурз, татар и чувашей (2); новокрещен (1 село), крестьян (1 село, но чье, непонятно) и

ясачной мордвы (1). Переписчики насчитали в этом районе 31 поселение, а также указали на жителей окрестных селений, имевших здесь свои промыслы²²⁸.

К востоку от Свияги и Ташлы к Волге лежала Арбугинская волость, состоящая из 6 слобод, населенных дворцовыми крестьянами²²⁹.

К западу от владений Новодевичьего и Савво-Сторожевского монастырей в междуречье Усы и Тукшума располагался район из 19 поселений (4 села и 15 деревень). Из них большинство принадлежало различным группам местных народов Среднего Поволжья – ясачным чувашам и мордве (9), служилым чувашам (4) и татарам (2), помещикам (3), столичной знати (1) и солдатам выборного полка (2)²³⁰.

К югу от Корсуна и одноименной линии вверх по Барышу и впадающей в него Туарме (архаичное Туварме), там, где позднее П.С. Паллас описывал холмистую «страну», поросшую редким березняком, сложилось, по подсчетам переписчиков, 25 селений. Здесь обосновывались помещики (2 села и 7 деревень и, кроме того, еще 6 владений без поселений), а также возникли слобода, село и деревня солдат выборного полка. Коренное население было представлено, прежде всего, чувашами (7 деревень служилых чувашей), мордвой ясачной (2 дер.) и служилой (4 дер. служилой мордвы и мурз)²³¹.

Еще далее на запад, к югу от центральной и западной частей Корсунской черты (юго-запад территории Симбирского уезда), располагался еще один район расселения с очень значительным перевесом крупных поселений (9 сел и 5 деревень). Среди них преобладали русские помещицы (6 сел и 3 деревни) и солдат выборных полков (3 села). Только 2 деревни были мордовскими (скорее всего, ясачными)²³².

Крайние южные территории, обследованные составителями описания «оброчных статей», начали заселяться с 1680-х гг. Они укладывались в основном в долину р. Сызранки. В ее верхнем течении, а также по притокам Сызранки Темрязану и Бекшанке, притоку Суры Кададе к началу XVIII в. были указаны 18 поселений (7 сел и 11 деревень) и 1 поместье. Почти половину из них составляли помещицы – 8 (4 села и 4 деревни), 3 села – солдат выборных полков, 3 – служилых татар, чувашей и мурз, 4 – ясачных мордвы и чувашей²³³.

Территории вокруг Сызрани и Кашпира, в том числе и к югу от р. Сызранки, составители переписи уже традиционно называли Сызранским уездом²³⁴. Они насчитали там 15 поселений. Среди них – 2 пригорода (Сызрань и Кашпир), 2 (село и сельцо), принадлежавшие столичной знати, 4 помещичьих села и 2 казачьи слободы. Треть поселений (5) принадлежала служилым татарам и мурзам (3), ясачным чувашам (1) и ясачным крестьянам (1)²³⁵.

Несмотря на всю полноту описания, переписчики допустили ряд пропусков. Так, в «Сызранском уезде» были пропущены солдатская д. Коптевка, помещицье сельцо Голодяевка, поместье А.Т. Шахматова, указанные в иных материалах описания «оброчных статей»²³⁶. Можно назвать ряд других поселений, по непонятно каким причинам не попавших в описание. Но в целом следует говорить об уникальной полноте совокупности населенных пунктов Симбирского уезда, попавших в сферу внимания составителей описания.

Подведем некоторые итоги переписи «оброчных статей» по Симбирскому уезду. Всего были учтены 311 поселений (среди них 9 – в вотчине Новодевичьего монастыря) и 8 поместий без крестьян. Из них 211 (67,9 %) были населены русскими крестьянами и служилыми людьми, 100 (32,1 %) – служилыми и ясачными представителями местного коренного населения (служилых – 38 и ясачных – 62). Характерно, что подобное соотношение по этноконфессиональному признаку было весьма типичным как для северной, так и для южной частей уезда. Однако основная часть поселений ясачного коренного населения размещалась на северных территориях (40 деревень против 17 «за валом»). Формирование системы расселения «за валом» началось только с 1660-х гг., но к началу XVIII в. количество поселений здесь почти догнало «старые», защищенные укрепленными линиями территории уезда (соотношение 44,7 к 55,3 %).

Почти половина селений принадлежала светским и церковным частным собственникам (149 из 311 или 47,9 %). Среди них наиболее многочисленным был слой мелких и средних местных (в подавляющем большинстве, симбирских) помещиков, владевших 115 селениями (37 % от общего количества или 77,2 % от общего количества владельческих). К началу XVIII в. помещики Симбирского уезда – дворяне и дети боярские – уже утрачивают свою роль в системе местных вооруженных сил. Резко уменьшилось и количество приборных людей (всего 22 слободы, а также

гарнизоны городов, пригородов и острогов), что явилось, прежде всего, следствием перевода в предшествующие годы в Азов, Петровск и т. д. Возросло значение солдат (26 поселений солдат выборных полков. К ним следует прибавить солдат гарнизонов Сызрани и других гарнизонов уезда). Характерно, что в северной части уезда размещались в основном поселения стрельцов и казаков, а в южной – солдат. Значительная часть поселений с военизированным населением принадлежала коренным народам Среднего Поволжья (38 поселений). По их количеству лидировала южная часть уезда (26 против 12). Таким образом, к началу XVIII в. южные территории, по крайней мере, были не менее военизированными, чем северные.

Система городов, пригородов и острогов (всего 10) по Корсунской, Симбирской и западной части Закамской линии как бы делила уезд на две части – северную и южную. На юге правительство как в 1680-х, так и в конце 1690-х – начале 1700-х, ограничилось строительством отдельных пригородов, отказавшись от создания оборонительных линий. Среди сельских поселений преобладали деревни (всего 174 (58,2 %), из них с русским населением было 46 %); количество сел составляло 25,1 %, слобод – 16,1 %, селец – 0,6 %. Характерно, что для русского населения уезда количество сел и деревень было примерно равным. В этом отношении иерархическая структура русских сельских поселений в уезде была совершенно иной, чем, например, в Тверском уезде (села и сельца на 1678 г. – 29,4 % от общего количества сельских поселений), входящем в центральный район страны²³⁷.

Данные о сложившемся в начале XVIII в. этническом составе населения **Западного Закамья** приведены в переписи 1716–1717 гг. Судя по ней, татары составляли немногим более 45 % от всего населения региона, русские – 35 %, чувашаи – около 16 %, замыкала этот ряд мордва²³⁹. Как считает Р.Г. Насыров, плотность населения к этому времени «оставалась довольно низкой, что является характерным признаком колонизируемой территории»²⁴⁰.

Новые локальные районы сельского расселения появляются «за валом» Закамской линии, в устьях рек Б. Черемшана (селения Новодевичьего монастыря и др.) и Сока (табл. 2). Например, в заволжских землях Новопречистенской волости Новодевичьего монастыря возникли с. Егорьевское (Хрящевка), деревни чувашские Сускан и Бирля, мордовская – Табурная, Кондакова. Рядом были основаны помещицья деревня Резанова и д. Золотаревка²⁴¹. В начале

Система расселения в Симбирском уезде по данным переписи «оброчных статей» 1704 г.²³⁸

I. Русские и «иноземцы»

№	Тип поселения	Города, пригор., остроги	Привилегированные владельцы			Местные служилые люди				Местные монастыри и соборы	Дворяне и д. боярские без поместий	Ясачн. крестьяне	Крестьяне?	Итого
			Светская знать	Центр. монаст.	Дворен	Дворяне и дети боярск.	Выбор. солдаты	Стрельцы и казаки	Иноземцы					
А. Поселения северной части уезда. Территории под защитой Корсунской, Симбирской и Закамской линий														
Всего	10	14	1	–	64	5	20	2	1	1	–	3	121	
города...	10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	10	
села	–	2	–	–	19	2	–	2	–	–	–	–	25	
слободы	–	11	1	–	1	1	20	–	–	–	–	3	37	
деревни	–	1	–	–	44	2	–	–	1	–	–	–	48	
без поместий	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	
Б. Поселения южной части уезда («за валом»)														
Всего	2	3	9***	6	51	21	2	–	–	7	1	1	103***	
Города...	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	
села	–	2	3	–	26	19	–	–	–	–	–	–	50	
слободы	–	–	–	6	–	1	2	–	–	–	1	1	11	
деревни	–	–	6***	–	25	1	–	–	–	–	–	–	32***	
сельцо	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	
поместья	–	–	–	–	–	–	–	–	–	7	–	–	7	
В. Населенные пункты Симбирского уезда														
Всего	12	17	10***	6	115	26	22	2	1	8	1	4	224***	
города...	12	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	12	
села	–	4	3	–	45	21	–	2	–	–	–	–	75	
слободы	–	11	1	6	1	2	22	–	–	–	1	4	48	
деревни	–	1	6***	–	69	3	–	–	1	–	–	–	80***	
сельцо	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	
поместья	–	–	–	–	–	–	–	–	–	8	–	–	8	

II. Автохтонное население Среднего Поволжья

№	Служилое автохтонное население					Ясачное нерусское население				Итого	ВСЕГО
	Татары	Чуваши	Мордва	Татары, мордва, чуваши	Новокрещены	Татары	Чуваши	Мордва	Смешанное население		
А.	Поселения северной части уезда. Территории под защитой Корсунской, Симбирской и Закамской линий										
	8	1	1	2	-	1	27	3	9	52	173
Б.	Поселения южной части уезда («за валом»)										
	2	12	2	9	1**	-	5	9	3	43****	146
В.	Населенные пункты Симбирского уезда										
	10	13	3	11	1**	1	32	12	12	95	319*

Примечание.

* 311 поселений и 8 поместных владений без жителей.

** Автохтонное население уезда жило деревнями, а у новокрещенов уже было село с храмом.

*** минус 5 деревень чувашей и мордвы в вотчине Новодевичьего монастыря.

**** плюс 5 деревень чувашей и мордвы в вотчине Новодевичьего монастыря.

XVIII в. в устье р. Сок возникла русская деревня Царевщина, принадлежавшая «касимовскому царевичу» (татарскому князю на русской службе) Ивану Васильевичу²⁴². Но и более восточные территории Заволжья, располагавшиеся в междуречье Сока, Б. Черемшана и выше вплоть до старой Закамской черты, уже имели свое постоянное население. Проведенный в 1737 г. осмотр вышеуказанной территории полковником Пальчиковым позволил подготовить «Опись деревням...». Из 51 селений, указанных в «Описи», более половины – 27 возникло за 35-60 лет до проведения обследования²⁴³.

Для защиты новых поселений в 1703 г. был построен пригород Сергиевский (рядом с которым устроены серные заводы и поселены крестьяне и работные люди), от него по р. Сок до Волги протянулась линия рудутов.

К рубежу XVII – XVIII вв. можно говорить о том, что на территории Южного Средневолжья в целом сложилась система сельского и городского расселения. Интенсивные колонизационные процессы и миграционные потоки в значительной степени смещаются к его южным рубежам. В основном это коснулось Правобережья на пространстве между Сызранью – Пензой и более южными районами. В Заволжье освоение новых территорий шло медленнее. Но и там начинают постепенно заселяться земли к югу от Закамской линии. Уже в процессе начального освоения мы наблюдаем, по словам американской исследовательницы В. Кивельсон, «...отпечаток русского подхода к “человеческой географии”, для которого ни искоренение, ни обращение [имеется в виду местного населения. – Э. Д.] не были характерны»²⁴⁴.

Известный специалист в области исторической демографии В.М. Кабузан писал, что «...уже в XVIII в. Среднее Поволжье не являлось районом интенсивного заселения»²⁴⁵. Р.Г. Кузеев, анализируя демографические процессы в Средневолжском регионе на протяжении второй половины XVI – середины XIX вв., также приходит к выводу, что наиболее активное заселение региона происходило в первой половине этого периода, то есть до начала XVIII в.²⁴⁶ С этим положением согласны и авторы современных обобщающих исследований²⁴⁷.

При этом необходимо отметить, что если до середины XVII в. базовыми для такого освоения являлись центральные районы Среднего Поволжья, то в середине – второй половине XVII столетия пространство миграционных процессов смещается в Южное Средневолжье.

Примечания

¹ Южные границы Казанского ханства в Предволжье и Заволжье вопрос довольно спорный. См.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 18–19; Исаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009. С. 36–37; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 469 и др. работы. Мы имеем в виду прежде всего границы оседлого постоянного расселения.

² В широтном измерении мы ограничиваемся территорией до р. Суры на западе (примерно в рамках Симбирского уезда XVII в.) и закамскими землями Казанского уезда. Этот термин был апробирован в ряде предшествующих работ и не вызвал возражений у исследователей.

³ Платонов С.Ф. К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 316. Март-апрель. С. 93–94.

⁴ История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 5 т. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М., 1990. Т. 2. С. 405.

⁵ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 561.

⁶ См., например: История Отечества: Энциклопедический словарь. М., 1999. С. 189.

⁷ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 188; Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903. С. 5.

⁸ Трепавлов В.А. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 469.

⁹ Наиболее глубоко история средневековых ногаев рассмотрена в монографии В.В. Трепавлова. См.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды.

¹⁰ Поноженко Е.А., Асанов А.М. Регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // Половецкая луна. Черкесск, 1993. № 1–2/5–6. С. 116–125; Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России. Часть 1. Поволжский фронт в середине XVI–XVII в. Очерки истории. Самара, 2012. С. 12–42.

¹¹ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 497–499.

¹² Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1939. № 5; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967 и др.

¹³ Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 282.

¹⁴ Н.Н. Крадин, считая, что кочевничество – это «особый мир, оппозиционный миру земледельцев», вполне обоснованно заявляет, что определение «кочевая цивилизация» является скорее метафорой, чем научным понятием. См.: Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007. С. 357.

¹⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 796. Отметим, что все приведенные выше данные по численности различных кочевых и полукочевых народов носят чрезвычайно приближенный характер. Мы полностью согласны с мнением Р.Г. Кузеева о крайней сложности проведения таких подсчетов. См. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 150–151.

¹⁶ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 93–105; Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. С. 25–40; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956.

¹⁷ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 277; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 316–316 об., 342–342 об.

¹⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 230–231.

¹⁹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 286–291; Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005. С. 38, 43, 47, 50; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. С. 92; и др.

²⁰ Цит по: Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. С. 130.

²¹ Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом страны. 1967. С. 168, 172.

²² Приведенное в недавно вышедшей обобщающей работе мнение, что численность волжского казачества в конце XVI – начале XVII вв. составляла около 3 тыс. человек, является, на наш взгляд, только предположением. См.: Петров Ю.А. и др. Российское государство от истоков до XIX в.: территория и власть. М., 2012. С. 190.

²³ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995. С. 77.

²⁴ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов; М., 1923. С. 198.

²⁵ Маржерет Жак. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 151–152; С этими подсчетами в целом согласен и Р.Г. Скрынников. См.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 124–125.

²⁶ История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары, 1966. С. 66.

²⁷ Гераклитов А. Алатырская мордва по переписям 1624–1721 г. Саранск, 1936. С. 11 и др.; Козлов В.И. Расселение мордвы (Исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды мор-

довской этнографической экспедиции. Вып. 1. Труды института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LXIII. М., 1960. С. 12. (Автор рассматривает границу бортных ухажав для середины XVI в. и доводит ее на юго-востоке до Самарской Луки); Биленко М.В. Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII веке (по писцовым и переписным книгам): дис. ...канд. ист. наук. Саранск, 1980. С. 113, 120, 370.

²⁸ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. Публикация текста. Казань, 1978. С. 61, 62, 67; Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159; Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 111–112.

²⁹ Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы. С. 112–113.

³⁰ См, например: Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005.

³¹ Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского Дворца. Т. IV. Архив Александра Петровича Языкова. Симбирск, 1904. Т. IV. № 90. С. 226–255.

³² Платонов С.Ф. К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI в. С. 93.

³³ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края); Исааков Д.М. Динамика численность и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI – начале XX в. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 262–280; др. работы.

³⁴ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 321–322.

³⁵ Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1980. С. 28–29 и др.; Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005. С. 19–22.

³⁶ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56.

³⁷ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (приходо-расходная книга Симбирской приказной избы). 1665–1667 гг. Симбирск, 1896. С. 264.

³⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л.5об., 20, 32 об. и др.

³⁹ Более подробно этот процесс рассмотрен в работах: Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории юго-востока Европейской России. Самара, 2004. С. 11–31; Дубман Э.Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII вв. Самара, 1999. С. 26–45.

⁴⁰ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. С. 189–190; Дубман Э.Л. Князь Григорий Засекин – строитель волжских городов. Самара, 2002. С. 56.

- ⁴¹ См., например: Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 192–197.
- ⁴² Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. С. 215–216.
- ⁴³ Там же. С. 182.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41162.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 1–22об.
- ⁴⁶ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв., 1923. С. 225; Окладная роспись пятины 142 года по городу Саратову // Труды Саратовской ученой архивной комиссии (Далее Труды СУАК). Вып. 33. С. VI.
- ⁴⁷ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв.; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века М., 2000. С. 73–76, 128–131.
- ⁴⁸ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки истории колонизации края). С. 128–130, 183 и др.
- ⁴⁹ Там же. С. 89–92.
- ⁵⁰ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 303 I. Д. 562. Л. 114–116 об.
- ⁵¹ Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего Синода (далее ОДДАС). СПб., 1907. Т. 15. Стб. 955–959.
- ⁵² РГАДА. Ф. 1209. Кн. 6468. Л. 25–67.
- ⁵³ Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XVIII вв. Самара, 1995. С. 25–26.
- ⁵⁴ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954 Т. 2. С. 228–247.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XVIII вв. С. 23–51.
- ⁵⁷ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки истории колонизации края). С. 3, 22–23, 83–84 и др.
- ⁵⁸ Там же. С. 118–123; Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1980. С. 44–45.
- ⁵⁹ Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1980. С. 48–51.
- ⁶⁰ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 131–135.
- ⁶¹ Буканова Р.Г. Заселение крепостей Закамской черты в XVII в. // Проблемы исторической демографии СССР: сб. ст. Томск, 1982. Вып. 2. С. 16.
- ⁶² Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 135–139.
- ⁶³ Мустафина Д.А. Социальное положение крестьян Казанского уезда во второй половине XVII века // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С. 41.

- ⁶⁴ Буканова Р.Г. Заселение крепостей Закамской черты в XVII в. С. 16.
- ⁶⁵ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 631.
- ⁶⁶ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. С. 17–18.
- ⁶⁷ Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных линий. Пенза, 2006. С. 18; Буканова Р.Г. Закамская черта в XVII веке. Уфа, 1999; другие работы.
- ⁶⁸ См., например: Гераклитов А.А. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII – XVIII вв. // Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1; Его же. Алатырская мордва. По переписям 1624–1721 гг. // Там же; Биленко М.В. Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII веке (по писцовым и переписным книгам). С. 113; 120; 370.
- ⁶⁹ Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края. XVII-го и XVIII-го вв. Симбирск, 1900. С. 17–20, 28 и др.; Мартынов П. Стрельная книга города Симбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). Симбирск, 1897.
- ⁷⁰ Перегяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края) С. 75–80, 151–166 и др.; Гуркин В.А. Симбирская черта. М., 2000. С. 25–33; Буканова Р.Г. Заселение крепостей Закамской черты в XVII в. С. 13–20.
- ⁷¹ «Сметный список» вооруженных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 30–31. Пересчет суммарных данных списка, предпринятый Я.Е. Водарским и нами, показал небольшие погрешности, не влияющие существенно на конечные результаты.
- ⁷² «Сметный список» вооруженных сил России 1651 г. С. 30.
- ⁷³ Кадерова Т.Н. Организация обороны юго-восточных границ Российского государства в XVII в. (на примере Мордовского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 1 (15); в 2-х ч. Ч. II. С. 75; Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза, 2006. С. 31–39; Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 48, 74.
- ⁷⁴ Хотя значительная часть Саранской линии также проходила лесами.
- ⁷⁵ Мартынов П. Тагай, упраздненный город Симбирского уезда (историко-статистический очерк). Симбирск, 1898. С. 4; 22–25.
- ⁷⁶ № 335-й. Отписка арзамасского воеводы об ослушании дворян и детей боярских идти на службу на новую Симбирскую засеку // Акты Московского государства (далее – АМГ). Т. II. СПб, 1894. С. 214.
- ⁷⁷ Государственный архив Ульяновской области (далее ГАУО). Р-3632. Оп. 1. Д. 74. Л. 35; Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края. XVII-го и XVIII-го вв. Симбирск, 1900. С. 22.
- ⁷⁸ См., например: Писцовый наказ [стрелецкому голове Макарию Балавинскому. 1677 г.] / Сообщ. А.П. Балавенский // Русский архив. 1895. Кн. 1. Вып. 1. С. 17; Наказ стрелецкому голове // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1997. № 3/4. С. 52.

⁷⁹ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 48; Дубман Э.Л. Некоторые демографические особенности развития русского средневекового города (на примере Самары рубежа XVII – XVIII вв.) // Конфликты и компромиссы в европейском обществе в средние века и раннее новое время: сб. ст. в честь доцента Т.С. Никулиной. Самара, 2011. С. 69–71.

⁸⁰ См., например: Натаров А.И. Ротация служилых людей в середине XVII века (на примере стрельцов, казаков и служилых инородцев крепостей Симбирск и Корсун) // Вестник СамГУ. 2011. № 1/1 (82). С. 200–204.

⁸¹ Это количество выглядит не совсем очевидным, т. к. по данным строельной книги по Симбирской черте было помещено 165 детей боярских. См.: Мартынов П. Селения Симбирского уезда. (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Приложение 2. С. 8.

⁸² Например, на Атемарской (Саранской) черте в Саранске насчитывалось 238 детей боярских.

⁸³ Ее фортификационные особенности и заселение служилыми людьми исследованы Г.И. Перетятковичем и Р.Г. Букановой. Например, Р.Г. Буканова использует для изучения этого процесса «Книги строельные», составленные в Казани дяком местной приказной избы М. Грязевым примерно в начале 1656 г., а также «дозорную книгу Н. Гладкова» 1658 г. См.: Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. Уфа, 1999.

⁸⁴ Буканова Р.Г. Заселение крепостей Закамской черты в XVII в. С. 17–19.

⁸⁵ Г.И. Перетяткович и М.И. Иванин не приводят данных о суммарной протяженности линии. В.И. Лебедев фактически не рассматривает этот вопрос. И.В. Назарова и Р.Ф. Галлямов считают, что протяженность ее достигала 250 км, а Р.Х. Амирханов – 292 км. Наконец, Р.Г. Буканова пишет о 452 км. См.: Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 146–165; Иванин М.И. Описание Закамских линий // Вестник императорского Русского Географического общества на 1851 год. Ч. 1. Кн. 2. СПб., 1851. Отд. VI. С. 57–60; Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 39–40; Назарова И.В. Архитектурная структура и элементы Старой Закамской черты середины XVII века // Известия КазГАСУ. 2008. № 2 (10). С. 26; Галлямов Р.Ф. Закамская засечная черта и первые русские поселения в Алексеевском крае // Алексеевский район. История и современность. Казань, 2000. С. 111–113; Амирханов Р. Закамские засечные линии – восточные границы России (Альметьевский регион во 2-й половине XVII – 1-й половине XVIII веков. URL: <http://www.tataroved.ru/publication/tthan>; Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Воронеж, 1981. С. 14.

⁸⁶ Там же. С. 19; Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в. Уфа, 1999. С. 124.

⁸⁷ Цит по.: Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 143.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 147–148; Буканова Р.Г. Закамская черта XVII в. Уфа, 1999. С. 120.

⁹⁰ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов / сост. И.П. Ермолаев, Д.А. Мустафина. М., 2001.

⁹¹ Смирнов П.П. Строельные книги // Труды Историко-архивного института. М., 1946. Т. 2.

⁹² Гуркин В.А. Симбирская черта. М. – Ульяновск, 2000. С. 63–67; 89–91.

⁹³ На наш взгляд, в публикации представлены не одна, а две симбирские строельные книги. См.: Мартынов П. Строельная книга города Симбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). Симбирск, 1897.

⁹⁴ Мартынов П. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Приложение 2. С. 8.

⁹⁵ Мартынов П. Строельная книга города Симбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). С. 1–32; 83; 89.

⁹⁶ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 106–108. Характерно, что численность однодворцев по уездам, прилегающим к лежащим западнее укрепленным линиям Юго-Востока (Керенской, Верхнеломовской, Инсарской по классификации В.И. Лебедева), была значительно ниже и не превышала 800–1000 служилых людей по каждой из них. См.: Там же. С. 107.

⁹⁷ Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. С. 73.

⁹⁸ Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. С. 50–52. В данной смете учтены, по нашему мнению, только служилые люди, без племянников, детей и т. д., как это было в смете 1651 г.

⁹⁹ Натаров А.И. Стрелецкие и казачьи слободы по Симбирско-Корсунской засечной линии (конец 1640-х – конец 1660-х гг.) // Самарский край в истории России. Вып. 4. Материалы Межрегиональной научной конференции. Самара, 2012. С. 86–87.

¹⁰⁰ Там же. С. 45–46.

¹⁰¹ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665–1667 гг.). Симбирск, 1897. С. 3; 10; 144; 264.

¹⁰² Там же. С. 14–15.

¹⁰³ Там же. С. 258–263.

¹⁰⁴ Видимо, Смоленская.

¹⁰⁵ Такое расселение было характерно и для закамских земель Казанского и Саранского уездов. См.: Зерцалов А.Н. Материалы для истории

Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665–1667 гг.). С. 182 и далее, 194–196.

¹⁰⁶ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665–1667 гг.). С. 232–234.

¹⁰⁷ Там же. С. 85.

¹⁰⁸ Мартынов П. Строельная книга города Симбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). С. 103–104. Выглядит странным, так как в вышедшей несколькими годами позднее книге П.Л. Мартынова «Селения Симбирского уезда. (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде)» (Симбирск, 1903) на с. 5 этот список выглядит иначе, а именно: мордовские деревни Кадышева, Безсоновка, Вожжи, Семенкова; чувашские деревни – Тимерсяны, Маклауша и Алгаши; татарская деревня Тарханы.

¹⁰⁹ Возможно, это количество следует увеличить. Записанные как одноименные, совместные татарские и чувашские селения нередко обозначались как отдельные с добавлением к ним дополнительного обозначения – Татарский и Чувашский.

¹¹⁰ Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986. С. 313.

¹¹¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 254–255 и др.

¹¹² Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Симбирск, 1898. Т. 2. С. 47–69.

¹¹³ Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 310; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5. Д. 3609. Л. 198.

¹¹⁴ Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). С. 12–13, 48, 119, 206, 299.

¹¹⁵ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 210–214.

¹¹⁶ Или трех переписных книгах, как считает ее издатель П.Л. Мартынов. См.: Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902. С. 5.

¹¹⁷ Например, в различных сводных материалах по переписи 1678 г. по владениям светских феодалов записаны 597, 847 и 914 дворов, то есть меньше, чем приведено в самой переписной книге. См.: Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, социально-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 215, 220.

¹¹⁸ Опись городу Симбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). С. 115.

¹¹⁹ Там же. С. 214–216.

¹²⁰ По средней дворности владельческие селения значительно уступали ясачным.

¹²¹ Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Акты Земских соборов. М., 1985. Т. 3. Гл. XVI. Ст. 40. С. 170–171.

¹²² Ошанина Е.Н. К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в. // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: сб. ст. М., 1961. С. 56.

¹²³ Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). С. 67.

¹²⁴ Цит. по: Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 196.

¹²⁵ Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда. (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде).

¹²⁶ Описание городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). С. 5.

¹²⁷ В данном случае речь идет о так называемом «внутреннем уезде», имевшем определенную «автономию», отраженную в источниках того времени. Такие «уезды» были нередким явлением в лесостепном пограничье Московского государства. В.М. Важинский, изучая расселение по Белгородской и Севской чертам, писал: «...слово “уезд” в XVII в., еще не получило строгого смыслового значения. Под уездом подразумевали любую сельскую округу, тянувшую к крупному населенному пункту. Бывало, что и село с деревнями именовалось уездом». См. Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974. С. 61. О подобных «внутренних уездах» (Лаишевском, Сарапульском и Тетюшском) писала Д.А. Мустафина при анализе писцовой книги Казанского уезда 1647–1656 гг. См.: Мустафина Д.А., Ермолаев И.П. Писцовая книга Семена Волынского как исторический источник // Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов: Публикация текста. М., 2001 С. 18 и др. В Симбирском уезде «внутренние уезды» возникли вокруг Корсуна, а позднее и Сызрани.

¹²⁸ Писцовая книга Корсунского и Симбирского уездов стольника И. Вельяминова и подьячего А. Андреева 1685–1687 гг. См.: РГАДА. Ф. 1209. Д. 441. Частично была опубликована сотрудниками Симбирской ГУАК. См.: Частная копия Карсуновских писцовых книг // Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Т. IX. Рукопись подготовлена П. Мартыновым. № 32. Хранится в библиотеке ГАУО. (В настоящее время значительная часть книги размещена на сайте «Древности Симбирского края». URL: <http://simbir-archeo.narod.ru>). Вопрос лишь в том, насколько точно и правильно ее смогли транскрибировать. Из современных историков материалы писцовой книги использовала в основном Т.Н. Кадерова для рассмотрения военно-государственной колонизации Мордовского края в XVII в. См.: Кадерова Т.Н.

Организация обороны юго-восточных границ Российского государства и служилые люди в Мордовском крае во второй половине XVI–XVII веков: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001.

¹²⁹ Они появились в регионе после подавления восстания под предводительством С.Т. Разина.

¹³⁰ Холмогоров В.Э. Материалы для истории Симбирского края до второй половины XVIII в. (Описание Симбирской и Карсунской десятин Патриаршей области). Симбирск, 1898; Красовский В. Хронологический перечень событий Симбирской губернии. 1372–1901. Симбирск, 1901. С. 15–16, 18, 28, 30–31, 34. По казачьим слободам смотри также: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128. Л. 500–544.

¹³¹ Помимо церковнослужителей, в Корсуне имелись двор мельника и 4 двора «засыпок». См.: РГАДА. Ф. 1209. Д. 441. Л. 47. Все данные здесь и далее приведены по подсчетам писцов.

¹³² Мартынов П. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде.). С. 10; 12; 48; 112; 119; 132–134 и др.

¹³³ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006. С. 554; он же. Московские выборные полки солдатского строя в годы Разинской смуты (1666–1671) // Проблемы истории России. Вып. 6. От Средневековья к Современности: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. С. 73–106; Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. 3. №144. С. 157–159.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 1209. Д. 441. Л. 1. 360 об.

¹³⁵ Состав военизированного населения, расселенного по ее пригородам, острогам и слободам, рассмотрен в предшествующих разделах.

¹³⁶ См.: Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. С. 4.

¹³⁷ «Против города Тетюш на Луговой стороне». Земли патриаршей вотчины XVII века // Источник. Документы русской истории, № 3 (22). 1996. С. 102.

¹³⁸ Новосельский А.А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века // Труды Института истории: сб. ст. Вып. 1. Памяти Александра Николаевича Савина, 1873–1923. М., 1926. С. 332–337.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 281. Д. 6488. Л. 1; Д. 6498. Л. 1–8; Мустафина Д. «А та земля – луги и лес – место степное, лежит в пустее, никому не отдана» (Монастырская колонизация Заволжья, оброчные статьи Костромского Богоявленского монастыря в Казанском уезде в XVII в.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014. № 1 / 2. С. 23–31.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 472. 1703 г. Л. 2, 16 об., 18.

¹⁴¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 286.

¹⁴² Там же. С. 257; Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005.

¹⁴³ В том числе на «Крымской стороне» Сибирского Правобережья – Панская слобода.

¹⁴⁴ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 259–260.

¹⁴⁵ Там же. С. 258–270.

¹⁴⁶ Там же. С. 291.

¹⁴⁷ Там же. С. 314.

¹⁴⁸ По другим данным 134.

¹⁴⁹ Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005. С. 23.

¹⁵⁰ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 283–286.

¹⁵¹ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 321.

¹⁵² Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005.

¹⁵³ Там же. С. 26.

¹⁵⁴ Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 270–271.

¹⁵⁵ Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв. С. 24–25.

¹⁵⁶ Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 270–271.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 418–419, 488.

¹⁵⁸ Цит. по: Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 47.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 33–37; Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 47.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 269–269 об. В конце XVII в. служилых людей из этих слобод (198 чел.) перевели в Азов, а их земли (3180 четв. (2), есть и другие данные – 3720 четв.) в 1698 / 99 г. передали московскому Новоспасскому монастырю (Л. 270 об.).

¹⁶¹ Дополнения к Актам историческим (собранные и изданные Археологической комиссией (далее – ДАИ). Т. 5. СПб., 1867. №. С 401.

¹⁶² У Г.И. Перетятковича ошибка. Он указал на 148 человек сызранцев, пожалованных землей. См.: Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края). С. 236.

¹⁶³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 63, 64–70 об. Сначала дали землю С. Богомолу и еще 7 казакам, но выделили на 50 человек «впредь для новых» (Л. 64). Характерная запись, что со всеми угодьями, пашней в 3 полях и дворовыми местами им дано 2000 десятин и далее: «А сверх дач во владении Печерским казакам будет 10375 десятин» (Л. 70 об.).

¹⁶⁴ ГАУО. Библиотека. Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Т. IX. I. Челобитные и различные прошения. № 7.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11569. Л. 1.

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11568. Л. 1–3 об.; Д. 11569. Л. 1–7 об.

¹⁶⁷ Сызранский филиал Государственного учреждения Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области» (далее ГУСО ЦГАСО). Ф. 97. Оп. 1. Д. 567. Л. 89 об.

¹⁶⁸ Там же. Д. 627. Л. 46.

¹⁶⁹ Мясников Г.В. Город – крепость Пенза. Саратов, 1984. С. 133–140.

¹⁷⁰ Сызранский филиал ГУСО ЦГАСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 249. Л. 90–91; Д. 534. Л. 504 об.

¹⁷¹ Здесь в 1680–1690 гг. существовал целый куст селений, основанных служилыми татарами и чувашами. См., например: РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11569. Л. 1.

¹⁷² РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11570. Л. 4.

¹⁷³ Сызранский филиал ГУСО ЦГАСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 627.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 6 об., 58 об.; РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 229 об.

¹⁷⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. ВУА. Д. 19026. Масленицкий Т.Г. Топографическое описание Губернии Симбирской 1785 г. Л. 209–210. Возможно, в случае с д. Малячкиной можно говорить о создании сторожевой службы, организованной в начале 1670-х гг. князем М. Воротыньским.

¹⁷⁶ См., например: Сызранский филиал ГУСО ЦГАСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 620. Если в данном случае не произошла путаница в названиях соседних селений.

¹⁷⁷ ГАУО. Ф. 732. Оп. 3. Д. 314. Список. Скоропись. 2 сстава в столбце.

¹⁷⁸ Сызранский филиал ГУСО ЦГАСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 627. Л. 43–44. Кстати, рядом с чувашской Бекшанской до 1690/91 г. уже существовала мордовская ясачная Бекшанка. См.: Сызранский филиал ГУСО ЦГАСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 627. Л. 45–45 об.

¹⁷⁹ Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 2010. С. 184

¹⁸⁰ Для Казанского уезда, напротив, по мнению Д.А. Мустафиной «Дворцовое или удельное землевладение к середине XVII в. стало одной из ведущих форм феодальной формы собственности на земли...». См.: Мустафина Д.А. Дворцовое землевладение в Казанском крае в XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства: сб. ст. Вып. 2. Казань, 2010. С. 154.

¹⁸¹ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С. 19–21.

¹⁸² Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1990. С. 19–25.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 472. 1703 г., Л. I–16; Д. 478. 1703 г. Л. 1-1 об.; Архив Музея Новодевичьего монастыря. Д. 145. Л. 28; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1910. (далее ОДДАС). Т. IА. С. 875–880 и др.

¹⁸⁴ Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 537.

¹⁸⁵ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 229.

¹⁸⁶ Водарский Я.Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. // Историческая география России XII – начала XX в. М., 1975; Иванов Ю.Н. Феодальное землевладение в Казанской епархии (вторая половина XVI – XVII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. С.13.

¹⁸⁷ ОДДАС. СПб., 1879. Т. 2. Ч. 1. 1722 г. Приложение. С. DLXII.

¹⁸⁸ ОДДАС. СПб., 1879. Т. 2. С. 33.

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1310. Д. 18655. 1700 г. Л. 2.

¹⁹⁰ ОДДАС. СПб., 1879. Т. 2. Ч. 1. Приложение. С. 97–98.

¹⁹¹ Архив Музея Новодевичьего монастыря. Д. 146. Л. 132–133.

¹⁹² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 472. 1708 г. Л. 18 об.; Ф. 125. Оп. 1. Д. 21. 1700 г. Л.1.

¹⁹³ РГАДА. Ф. 281. Д. 11572. Л. 121–142 об., 159–198.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2939. 1709 г. Л. 295–295 об.

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 281. Д. 11572. Л.1-14, 121-142, 159-313; ОДДАС. СПб., 1879. Т. 2. Ч. 1. Приложение. С. 97–98.

¹⁹⁶ Архив Музея Ново-Девичьего монастыря. Д. 146. Л. 134.

¹⁹⁷ Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.-Л., 1962. С. 53–60, 71–81.

¹⁹⁸ Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – НИА СПб ИИ РАН). Кол. 133. Д. 154. Л. 1–4; РГАДА. Ф. 281. Д. 11587. Л. 1–2об.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Д. 1407. Л. 77–78, 114–15, 140–146, 152–152 об.

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 52. Д. 1407. Л. 64 об. –65 об.

²⁰¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). С. 350–356.

²⁰² Противоположного мнения о судьбах дворцовой вотчины придерживается Д.А. Мустафина. См.: Мустафина Д.А. Дворцовое землевладение в Казанском крае в XVI – XVII вв. С. 159–160.

²⁰³ Там же. С. 353–356.

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 11. Д. 70. С. 68 об.

²⁰⁵ Там же. Л. 141 об.–143. Этот перечень явно неполон. Так в 1699 г. земли бывшей казачьей «Станишной» слободы под Корсунем «по челобитью» получили 13 подьячих приказа Казанского Дворца. См.: Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Симбирск, 1904. Т. IV. С. 320–329.

- ²⁰⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186; Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. 9. Л. 1–361.
- ²⁰⁷ Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 108–109, 118–119.
- ²⁰⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX
- ²⁰⁹ РГАДА. Ф. 11. Д. 70. Л. 66 об., 70 об., 76 об.–77.
- ²¹⁰ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20. Л. 90–90 об.
- ²¹¹ Осипов В.А. Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976. С. 67.
- ²¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186. Л. 106, 122.
- ²¹³ Там же. Л. 132, 136 об., 140 об. и др.
- ²¹⁴ Материалы исторические и юридические района бывшего Приказа Казанского Дворца. Симбирск, 1904. Т. IV. С. 321–322.
- ²¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186. Л. 141.
- ²¹⁶ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX.
- ²¹⁷ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20.
- ²¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 1159, 4238; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19027, 20967, 20968, 20969, 20972; Мартынов П. Селения Симбирского уезда (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). 1903.
- ²¹⁹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 127–129.
- ²²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Кн. 159. Л. 117.
- ²²¹ Солдат выборного полка – 1 селение, симбирских иноземцев – 2, служилых татар – 2, помещичьих крестьян – 4, ясашных мордвы и чуваш – 6.
- ²²² РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 113 об.–118, 132–142.
- ²²³ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 75 об.–110 об. Листы, на которых записаны эти данные, имеют ряд дефектов. Поэтому приведенные выше данные не совсем точны.
- ²²⁴ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 48–75.
- ²²⁵ Там же. Л. 164–183.
- ²²⁶ Там же. Л. 184–197.
- ²²⁷ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1998. С. 368.
- ²²⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 214–226.
- ²²⁹ Там же. Л. 124–135.
- ²³⁰ Там же. Л. 227–231 об.
- ²³¹ Там же. Л. 232 об.–244 об.
- ²³² Там же. Л. 245–253 об.
- ²³³ Там же. Л. 254–260.
- ²³⁴ Там же. Л. 130.
- ²³⁵ Там же. Л. 130–131.
- ²³⁶ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20. Л. 90 и др.
- ²³⁷ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения // Дегтярев А.Я. Избранные труды по русской истории: в 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 113.

²³⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX; Оп. 1. Д. 20.

²³⁹ Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005. С. 27–29.

²⁴⁰ Там же. С. 33.

²⁴¹ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 2.

²⁴² Смирнов Ю.Н. Формирование ближней сельскохозяйственной округи заволжского города и ход ее функциональной трансформации на примере Самары XVIII–XIX веков // Самарский земский сборник. 1998. № 1(2). С. 30.

²⁴³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 611. Л. 170 об.–176. Документ любезно предоставлен нам Ю.Н. Смирновым.

²⁴⁴ Кивельсон В. Картография царства: земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С. 284.

²⁴⁵ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С. 36.

²⁴⁶ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. С. 152.

²⁴⁷ Петров Ю.А. и др. Российское государство от истоков до XIX в.: территория и власть. М., 2012. С. 174. Следует только отдельно рассматривать в рамках Средневожского региона основную часть Заволжья, массовое освоение которого начинается только со второй трети XVIII в.

ГЛАВА II.

ФОРМИРОВАНИЕ И СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ И ЗАВОЛЖЬЯ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1. НАЧАЛО МАССОВОГО ЗАСЕЛЕНИЯ В 1730–1740-Е ГГ. И ОСВОЕНИЕ КРАЯ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Наиболее ярко процессы народной колонизации и аграрного освоения на территории Среднего Поволжья в XVIII–XIX вв. разворачивались в завожских степях, остававшихся до начала XVIII-го столетия «Диким полем» на Юго-Востоке Восточной Европы. Вторая треть XVIII века положила начало процессу массового заселения и освоения Самарского Поволжья и Заволжья. Историографический и источниковедческий обзоры этого процесса имеются в литературе¹.

Хотя старейшее русское поселение в Заволжье, Самара, было основано еще в 1586 г., а ряд деревень возникли в XVII в., но все это можно назвать лишь проникновением Российского государства на данную территорию. Один из видных администраторов и знатоков края оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский еще в 1842 г. точно заметил, что «после покорения Казани Россия, сблизясь с странами Заволжскими, около полутора столетия не принимала никаких мер, дабы... упрочить власть свою на рубеж Средней Азии. Император Петр I-й, казалось, обратил на это внимание свое, но, увлеченный вскоре Персидским походом, предпочел странам Уральским приобретение южного побережья Персии», и последнее направление «господствовало в Азиатской политике нашей около 10 лет», до 1734 года².

Основным населением в Заволжье были кочевые народы, калмыки и башкиры. Их подданство царю было непрочным, мало препятствовало набегам на оседлых жителей, не раз ставилось под сомнение открытыми восстаниями и военными конфликтами с государством. На калмыцкой территории вообще не было русской администрации. О степени их интеграции в Империю говорит уже

то, что сношения с калмыками поддерживались через Коллегию Иностранных Дел. В Башкирии же российские власти действовали только на ее внутренних землях и никак не контролировали районы дальних заволжских кочевий и охотничьих угодий башкир. Появлявшиеся время от времени в крае казахи («киргиз-кайсаки») и каракалпаки даже номинально не считались подданными России. Ситуация осложнялась взаимными столкновениями кочевых народов, из-за чего, а также в силу географических и природных условий, Заволжье использовалось ими только под летние пастбища и лесные ухозя, а такие места более или менее постоянного обитания, как башкирские деревни и калмыцкие зимовья, находились на значительном отдалении отсюда.

Оседлые жители пришли в этот край, исключая редкие поселения по самому берегу великой реки, не только позже, чем на волжское правобережье, но даже позднее, чем на территории, окружающие Заволжье с севера и востока: Закамье, Башкирию и Приуралье. Начало массовому заселению этого края оседлыми жителями положило возведение во второй половине 1730-х гг. новых пограничных линий по р. Самаре и Яику. Меры по укреплению безопасности края привели к притоку новых переселенцев различного этнического и социального состава.

Одной из мер охраны и освоения Заволжья стало расселение здесь групп из кочевых народов Поволжья, считавшихся лояльными Российскому государству. Астраханский ногайский татарин Утуп Бекеев просил о разрешении «поселиться ему по близости к Самаре на реке Моче и в товариство набрать обещал из других таких же татар, из уфимских мещеряков и калмык и иных иноверцов, не положенных в подушный оклад до двусот семей на казачью службу». Мочинская слобода стала смешанным русско-иноверческим поселением, выдвинутым в степь на 25 верст за р. Самару и предназначенным для защиты «наипаче от воровских калмыцких набегов»³.

Чтобы обратить калмыков в лояльных подданных и надежную военную силу для охраны рубежей империи, российские власти пытались привлечь на помощь религию. Часть рядовых калмыков и некоторые их правители-тайши перешли из ламаизма в православие. Желая устранить поводы к религиозным конфликтам и возможность возвращения крестившихся в прежнюю веру, правительство решило поселить православных калмыков в одном месте, изолировав от некрещеных, и передать их под управление Петру

Тайшину, ханскому внуку и крестнику Петра I. Когда П.П. Тайшин умер, власть над крещеными калмыками была передана его вдове Анне Тайшиной, крестнице императрицы Анны Ивановны, которая пожаловала новой калмыцкой правительнице княжеский титул.

Анне Тайшиной, прибывшей в апреле 1737 г. в Самару и временно там обосновавшейся, предложили на выбор разные места под поселение. Окончательный выбор в пользу Куньей воложки был одобрен указом Коллегии Иностранных дел от 31 октября. Привлекательность данной местности под поселение подкреплялась наличием здесь крестьянских деревень. Неподалеку в 1734 г. поставил сельцо Федоровку Ф.В. Наумов, а годом раньше управителем Усольской вотчины Савво-Сторожевского монастыря М. Богдановым была поселена «деревня Красноборская, что при Куньей Волошке». Деревня эта «первоначально было не что иное, как хутора нескольких богатых крестьян из Усолья, Жигулей, Валов, разбросанные по берегу Волги» на довольно значительных расстояниях друг от друга. «Когда это место нужно было правительству отвести под поселение калмыков, тогда одни из крестьян приписались к городу, а другие соединились в один нераздельный хутор», образовав деревню, за которой закрепилось название Русской Борковки⁴.

Крепость для калмыцкой княгини была построена в 1738 г. между Федоровкой и Борковкой. Новый город был назван Ставрополем, в переводе с греческого «город святого креста». Княгиня переехала в Ставрополь в середине сентября 1738 г.

Чиновники, ответственные за переселение калмыков, отвели им пространство «по Волге от земель села Царевщина и до Черемшана, а вверх по Черемшану до земли деревни Челнов, а по Кондурче до Сергиевской дороги» на Казань. Они же решили «в тех местах никаким помещичьим дачам не быть, а дворцовым, ясажным и монастырским и иноверцам жить в своих деревнях и с ними, с калмыками, селиться оставить свободно»⁵.

Чересполосное расселение калмыков и государственных крестьян задумывалось как средство постепенного приобщения кочевников к земледелию и оседлости. Неожиданностью для властей стало то, что предполагавшиеся под поселение калмыков земли оказались не такими уж пустыми, как ожидалось, поскольку их заселение шло не только по контролируемым каналам. В указе от 14 октября 1737 г. было поручено провести освидетельствование,

«сколько кому земель роздано и по каким указам и определениям и какими людьми поселены»⁶.

Результаты такого следствия были получены в Кабинете Министров в «описи деревням, которые поселены внутри Закамской линии». Сохранилась ее копия от 11 октября 1738 г.⁷

Всего между старой и новой Закамскими чертами было обнаружено 51 крестьянское селение, а в них 1607 дворов. Среди еще немногочисленных крестьян Заволжья преобладали чуваша, которые проживали почти в половине всех описанных селений (25) и более чем в трети дворов (578). По числу основанных селений за ними шла мордва (14), но по количеству дворов (417) она очень мало превосходила русских (386). Менее заметную, хотя и весьма значимую роль в заселении края, играли татары (7 селений, 285 дворов).

В сословном составе очевидно преобладание государственных крестьян, в отношении которых крепостной режим был менее жестким. Им принадлежало почти две трети дворов (1074). Хотя лишь каждое десятое селение было дворцовым, но они были весьма многолюдными, и в них находился почти каждый пятый крестьянский двор. В Хрящевке наряду с дворцовыми жили монастырские крестьяне. Собственно же монастырскими селениями в крае были деревни Кандаковка и Красноборская, основанные в 1730-е гг. управителями вотчин Новодевичьего и Савво-Сторожевского монастырей.

Невелико было пока число имений помещиков. Крепостная мордва жила в деревнях Малыкле, Кармале, Бесовке, русские крепостные в селе Бирля, деревне Буян и сельце Федоровском.

Руководство Оренбургской комиссии возражало против присвоения казенных земель, необходимых для акций общегосударственного значения (например, под переселение калмыков), частными владельцами, прежде всего помещиками и чиновниками. Не случайно запрет на поселение на территории Ставропольского калмыцкого войска затронул лишь частновладельческих крестьян. Этот запрет не распространялся на крестьян дворцовых и государственных селений, хотя было известно о преобладании среди них беглых⁸. Однако в интересах дела оказался более предпочтителен приток вольных переселенцев-крестьян, пусть из числа беглых, чем распространение здесь помещичьего землевладения. Решение о свободном поселении государственных крестьян на землях, отведенных калмыкам, стало законным основанием для легализации многих селений, упоминаемых в вышеуказанной описи.

Иная точка зрения правительства проявилась в отношении тех переселенцев, что оседали на самой пограничной линии. 15 февраля 1738 г. здесь было предписано прекратить прием на поселение «великороссийских жителей», объявлявших себя не положенными в подушный оклад⁹.

Кроме запрета принимать всех подозрительных добровольцев, Кабинет министров твердо настаивал на высылке с линий к прежним местам жительства и возвращении владельцам тех, кто уже сюда незаконно переселился. Эти положения были подтверждены в указе от 17 марта¹⁰.

Реализовать правительственные распоряжения было невозможно, не обезлюдив при этом новые крепости и поселки, не ослабив охрану дорог и селений в Заволжье. Становилось очевидным, что крайне жесткие требования Кабинета о возврате с линии самовольных переселенцев было нельзя исполнить. В указе от 23 января 1740 г. требование о немедленной высылке беглых было снято, но с условием, чтобы все они были переписаны с точным указанием их подлинного происхождения¹¹.

В ходе переписи весной 1740 года выяснилось, что «в регулярные и другие службы» зачислено «сходцев» 5154 человек мужского пола¹². Переписью были охвачены 18 крепостей в Заволжье и на Яике. Данные переписи позволяют определить районы выхода и происхождение переселенцев. Список прежних мест жительства беглых был очень широк. В Бузулуцкой крепости, например, переписаны выходцы из 36 уездов России. Схожая картина наблюдалась и в других крепостях. В большинство селений свыше половины «сходцев» пришли из Симбирского, Нижегородского, Алатырского, Пензенского и других уездов Среднего Поволжья. Данные по крепостям Самарской и Яицкой линий подсчитаны и с разной степенью подробности опубликованы в научной литературе¹³.

Рядовые казаки в дошедших до нас списках¹⁴ делятся на «русских» и «иноверцев». Указана также группа «черкасы», то есть украинцев. Речь идет о делении не столько по этническому, сколько по конфессиональному признаку. Под «русскими» (вместе с «черкасами») понимается православное население вообще. В «иноверцы» включены те представители народов Поволжья и Приуралья, которые исповедовали ислам (татары, ногайцы и т. п.), буддизм (калмыки), язычество (некрещенные чуваша). Подсчеты по группам казаков, у которых указаны конфессиональные признаки, показывают, что рядовые казаки с жалованьем насчитывали 968 «рус-

ских» и 93 «иноверца», рядовые казаки на своем содержании включали 565 «русских», 150 «черкас», 114 «иноверцев», среди казачьих родственников и свойственников были 17 «русских» и 21 «иноверец».

При преобладании православного населения в крепостях Московской дороги доля иноверцев (мусульман, ламаистов, язычников) была довольно значительна. На Самарской линии «иноверцы» составляли большинство в Мочинской слободе (68 %), заметную группу – в Борской крепости (24 %), имелись также в Бузулуцкой (8 %) и Красносамарской (4 %) крепостях. Из казачьих командиров указан один татарин – хорунжий в Мочинской слободе, остальные были русскими или украинцами. Среди казаков отмечены два «толмача»-переводчика.

Кроме того, в восьми крепостях по р. Самаре и в десяти по р. Яику было размещено 39 регулярных рот гарнизонных полков и ландмилиции¹⁵. Однако, хотя регулярные команды могли быть размещены в крепостях на достаточно долгий срок, их чинов нельзя считать постоянными жителями как по роду службы, так и по степени оседлости. Более основательным стало водворение в Закамье, Заволжье и Оренбургский край к концу 1740 г. 967 отставных военнослужащих.

В начале 1744 г. в империи появилась новая обширная губерния. Оренбург стал административным центром Юго-Востока России. Заволжские земли, находившиеся в ее составе, были ближним тылом юго-восточного российского пограничья, служили поставщиками людей, хлеба, других ресурсов. В свою очередь под защитой укрепленных линий все быстрее шел процесс заселения и хозяйственного освоения самого заволжского края.

Город Самара и пригород Алексеевск формально числились в пределах Симбирской провинции Казанской губернии. Однако как они сами, так и их округа находились в зависимости от оренбургских властей. Численность городских купцов и других посадских людей в них вместе составляла в 1744 г. (по II ревизии) 437 душ м.п. Помещики-дворяне, чиновники, офицеры являли собой немногочисленные группы постоянных жителей города. Невелика была и принадлежавшая им дворня. Некоторое число крепостных дворовых людей имелось у зажиточных купцов и казачьих командиров. Всего в Самаре по II ревизии числилось 34 души м.п. дворовых людей. Сельских поселений с податным населением в левобережной части Самарского уезда тогда не было¹⁶.

Основная часть освоенной территории Заволжья входила в Ставропольский уезд. Фактически в его территорию включались и селения вблизи Самарской линии крепостей, хотя сами укрепления и гарнизоны последней подчинялись не Ставропольской воеводской канцелярии, а комендантам, назначаемым из непосредственно из Оренбурга. Первые итоги движения податного населения на новые заволжские земли подвела перепись Ставропольского уезда, проведенная в 1747 г. в рамках II ревизии¹⁷.

Единственным городским поселением уезда был Ставрополь. Податное население, по сказкам 1747 г., насчитывало здесь 305 душ м. п. К сословию купцов относилось 124 души м. п. К цеховым мастерам принадлежало 173 души м. п. и к дворовым людям – 8 душ м. п.

Результаты переписи крестьянского населения уезда подсчитаны ниже (табл. 3).

Таблица 3

Крестьянское население Ставропольского уезда в 1747 г.

Сословные и национальные группы крестьянского населения Ставропольского уезда	Всего чел.	в % ко всем жителям	Написаны в прежнюю ревизию и их дети		Новопоселившиеся	
			чел.	в % от численности групп	чел.	в % от численности групп
ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ	9 995	100	3 440	34,4	6 555	65,6
в том числе по сословным группам крестьянства:						
ясачные	6 597	66,0	2 741	41,5	3 856	58,5
служилые иноверцы	716	7,2	20	2,8	696	97,2
однодворцы	66	0,7	0		66	100
дворцовые	157	1,6	121	77,1	36	22,9
монастырские	372	3,7	96	25,8	276	74,2
помещичьи	2 087	20,9	462	22,1	1 625	77,9
по национальностям:						
русские	2 652	26,5	450	17,0	2 203	83,1
мордва	2 548	25,5	934	36,7	1 614	63,3
татары	1 359	13,6	291	21,4	1 068	78,6
чуваша	3 421	34,2	1 765	51,6	1 656	48,4
черемисы	3	0,03	0		3	100
башкиры	4	0,04	0		4	100
калмыки	1	0,01	0		1	100
персы	1	0,01	0		1	100
поляки	4	0,04	0		4	100
латыши	2	0,02	0		2	100
по проживанию в селениях:						
в уже существовавших	5 128	51,3	3 440	67,1	1 688	32,9
во вновь поселенных	4 867	48,7	0		4 867	100

К 1747 г. ясачные (государственные) крестьяне разных национальностей составляли две трети сельского населения уезда. Пя-

тая часть всех крестьян были крепостными отдельных помещиков. Остальные сословные категории были не очень значительны по численности.

Среди различных народов быстрее всего росла за счет переходов численность русского крестьянства края. Они составляли самую большую группу переселенцев (2203 душ м.п.). Лишь шестая часть русского сельского населения была старожилами в уезде. Благодаря столь высоким темпам притока, русские крестьяне обошли по численности в уезде мордву, хотя среди старожилов последней было в два раз больше, чем русских.

Вслед за русскими по числу переселенцев стояли чуваши (1 656 душ м.п.). Они были единственной национальной группой в уезде, которая более чем наполовину состояла из старожилов. Большое количество последних вместе с притоком значительного числа сходцев обусловили общее преобладание чувашей среди сельских жителей уезда, где они составляли более трети ревизских душ. Заметной, хотя и уступавшей русским, чувашам и мордве, была татарская часть заволжского крестьянства.

Определенными особенностями отличался начальный этап освоения заволжских территорий, лежавших восточнее Ставропольского уезда. Для свободного проезда из Казанского уезда к Оренбургу была учреждена и разными деревнями населена дорога, получившая название Новой Московской.

В заселении Новой Московской дороги, начатом практически с нуля, с 1743 г. до начала 1750-х гг. главную роль играли мероприятия властей. За указанные годы на этой территории водворилось государственных крестьян: русских – 1650 душ м. п., иноверцев (мусульман и язычников) – 2001, «тептярей и бобылей» (припущенников из народов Поволжья на башкирских землях) – до 1000. Помещичьих крестьян было только 69 душ м. п., а всего податного населения – 4 720 ревизских душ¹⁸.

Ссылка на «невозможность» вспомнить свое происхождение, место рождения и прежнего проживания – обычный прием задержанных властями беглых, не желавших возвращения к прежним хозяевам и в прежнее состояние. В 1746 г. Сенат утвердил представление И.И. Неплюева о высылке всех «не помнящих родства», обнаруженных во время ревизии в различных частях России, на поселение в Оренбургскую губернию. Там их водворяли в слободы Большую и Малую Бугульминскую, Письмянскую, Бугурус-

ланскую на Новой Московской дороге, обязывали повинностями по ее содержанию и платежом подушной подати¹⁹.

В перечисленных выше слободах преобладали русские. «Не помнящих родства» из новокрещенной мордвы, как правило, водворяли в селах Мордовский Бугуруслан и Сок Кармала между Бугурусланом и Бугульмой.

Кроме податного населения, в Бугульминском ведомстве имелись жители, не положенные в подушный оклад. Так, в тех же селениях, где водворялись «не помнящие родства», а также в отдельных поселках, например, Кувацкой слободе на р. Шешме, были поселены отставные нижние чины.

Общая численность населения Бугульминского ведомства приближалась к 5 тыс. чел. мужского пола или 10 тыс. чел. обоего пола. Суммируя подсчеты по всем административным единицам осваиваемой северной части Заволжья, находившейся так или иначе под управлением властей Оренбургской губернии (левобережье Самарского уезда, Ставропольский уезд, Новая Московская дорога), можно утверждать, что число жителей, не причисленных к казачьему сословию и не состоявших в регулярной службе, к началу 1750-х гг. здесь немногим превысило 30 тыс. чел. обоего пола. Вместе с казаками и другими жителями пограничных крепостей эта численность приближалась к 40 тыс. чел.

Успехи в заселении края были связаны в основном с вольной народной колонизацией. В первоначальном заселении Заволжья преобладающую роль играли «сходцы», в большинстве своем просто беглые люди.

Число оседлых жителей в 1770-е гг. достигло на заволжских территориях почти 120 тыс. сельских и городских жителей²⁰. Успехи в ходе присоединения и начального освоения Заволжья обуславливались совместными усилиями властей и народных масс, близостью интересов различных сословных и этнических групп в переселенческом процессе, в котором с самого начала приняли участие вместе с русскими мордва, чуваша, татары, украинцы. Позднее в этот поток влились иностранные, в основном немецкие колонисты.

Численность всех жителей обоего пола в самой Самаре и ее ближайшей округе в 1760-х гг. составляла до 5 тыс. чел. В поселениях городского типа (Самара и Алексеевск) русские составляли подавляющее большинство, в сельской же местности над ними заметно преобладали в сумме выходцы из народов Поволжья, пред-

ставленные казаками-татарами Мочинской слободы, мордвой и чувашами в д. Семейкиной и поселениях по р. Моче.

В 70-х гг. XVIII в. соотношение крестьян разных национальностей в южных окрестностях Самары стало меняться. Это произошло в связи с массовым переселением в Степное Заволжье из Усольской вотчины графов Орловых на Самарской Луке, а также из владений Самариных и других помещиков около 4 тыс. чел., в основном русских.

Еще южнее на луговой стороне Волги от Еруслана до Иргиза постоянное население выросло за третью четверть XVIII в. практически с нуля до 28 тыс. с лишним жителей. Из них свыше половины составляли немецкие и прочие иностранные колонисты, более четверти – солевозчики (в основном выходцы из Слободской Украины) и около одной пятой части – русские дворцовые и экономические крестьяне вместе со старообрядческими иноками.

Общая численность населения Бугульминского ведомства приблизилась к 30 тыс. чел. Среди них русские государственные и помещичьи крестьяне составляли 23 %, а представители народов Поволжья и Приуралья (мордва, чуваша, татары, а также этнические группы тептярей и бобылей) – 77 %.

В Ставропольском уезде вместе с крепостями Самарской укрепленной линии численность жителей достигла 50 тыс. Среди крестьянского населения уезда народы Поволжья (мордва, чуваша и татары) в сумме в два раза превышали число русских. В ряде селений имелись небольшие группы крещеных персов. Украинцы-«черкасы» основали здесь две слободы: Кинель-Черкасскую и Домашку. Среди жителей г. Ставрополя преобладали русские, но наряду с ними проживали новокрещены из татар, чувашей, мордвы и других народов. Большинство казаков и отставных нижних чинов Ставрополя, новой Закамской и Самарской линий также являлись русскими, но часть их была из «черкас», татар и калмыков.

Количество крещеных калмыков здесь составляло в 1770 г. около 8,5 тыс. чел. Они представляли две этнические группы калмыков, волжских и зюнгорских (джунгар), первых было примерно в 1,5 раза больше, чем джунгар.

В Заволжье продолжали кочевать некрещеные калмыки. Районы их скотоводства сократились по сравнению с началом XVIII в. Калмыцкую знать и духовенство раздражало вмешательство царских властей в их дела, зависимое положение от российских чи-

новников, страшила утрата собственного авторитета и привилегий, дальнейшее распространение православия. Кочевые феодалы и буддийские ламы навязали народу трагическое решение об откочевке на родину предков в Джунгарию, куда двинулись через уральские и киргизские степи почти все некрещеные калмыки (33 тыс. кибиток, до 170 тыс. чел.), но дошли, выдержав изнурительный путь и уцелев от нападений других кочевников, лишь немногие из них.

Исход калмыков имел дальние и серьезные последствия. Заволжские степи опустели, но не стали более безопасными, поскольку, как указывали современники, открылась дорога набегам казахов на русские селения и немецкие колонии волжского левобережья. Казахские кочевья продвинулись в Рын-пески и к Камыш-Самарским озерам, приблизившись к Узеням и Эльтону, а значит и в непосредственную близость к границам Степного Заволжья²¹.

Даже в относительно спокойные для России времена разбои и грабежи, учиняемые степняками, не прекращались. Ослабление же охраны границ во время восстания 1773–1775 гг. позволило кочевникам разграбить и обезлюдить ряд земледельческих поселений. Ими были разгромлены иргизские слободы Мосты и Криволучье. Было совершено нападение на Мечетную слободу, Березово, из которых тоже было угнано в плен несколько крестьян²².

Никогда больше не возродились и совсем исчезли с карты «разоренные киргиз-кайсаками колонии» Цесарсфельд (Цесардорф) близ Екатериненштадта, Хойсуль (Хайсуль) на Б. Карамане, Кустарева и Краснорыновка на Волге к югу от р. Торгуна (колония под двумя этими названиями возникла затем заново на другом месте). Только тех пленных колонистов, которых русским солдатам и казакам удалось отбить у казахов, насчитывалось с тысячу человек²³.

Обострение обстановки в заволжской степи из-за нарушенного равновесия сил было все же не единственным результатом исхода калмыков и имело временный характер. С другой стороны, что и было, пожалуй, самым главным с весьма далеко идущими последствиями, этот исход в конечном итоге стимулировал более быстрое освоение заволжской степи оседлыми жителями. Малочисленное по сравнению с калмыками башкирское и казахское население просто не могло занять освободившиеся пастбища, которые все активнее стали обращаться в крестьянские пашни и сенокосы.

В целом пограничные рубежи, установленные в Заволжье, открыли возможности для мирного хозяйственного освоения обширных земель. Однако развитие новая этнодемографическая ситуация на юге Заволжья получила уже после подавления в 1775 г. пугачевского восстания. Затем процесс заселения активно продолжался уже в рамках новых административных единиц, образованных здесь в результате екатерининской губернской реформы, которая началась в том же 1775 г. В ходе этой реформы Заволжье оказалось поделенным между различными территориальными образованиями: Симбирской, Оренбургской и Саратовской губерний²⁴.

2. ЗАСЕЛЕНИЕ И ОСВОЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

Изменения административных границ в Самарском Поволжье и Заволжье в начале 1780-х гг. затрудняют сопоставимость с погубернскими и поуездными данными предшествующего времени. Дело осложняется тем, что, начиная с IV ревизии, копии ревизских сказок перестали откладываться в архивах столичных учреждений, а их подлинники на местах в силу состояния и постоянных утрат провинциальных архивов дошли до нас в очень фрагментированном состоянии.

По схожим причинам не всегда удастся добиться полной сопоставимости данных и внутри периода с конца XVIII до середины XIX веков. Преемственность доступных исследователю поуездных сведений нарушается новыми изменениями уездных границ в Оренбургской и Саратовской губернии, осуществленными дважды на рубеже XVIII–XIX вв. и в 1830-е гг.

Приблизиться к искомой сопоставимости можно, во-первых, на уровне общезаволжских итогов, а во-вторых, по отдельным районам изучаемого края, не всегда совпадающим с административным членением. В первом случае погрешности, существенные на уровне отдельных уездов, будут становиться менее существенными в относительном своем значении для более обширного и многолюдного региона. Во втором случае сопоставимость обеспечивается варьированием данных разнородных источников, сохранившимися и репрезентативными для конкретных территорий, среди которых можно выделить следующие:

I. Северное (Лесостепное) Заволжье (в составе целиком Ставропольского, Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского и упраздненного Сергиевского уездов и всех тех селений Самарского уезда, что лежат на левобережье Волги за исключением Екатерининской волости Орловых). В административном отношении эта северная половина Заволжья разделена между уездами Симбирской (Ставропольский и Самарский) и Оренбургской (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, упраздненный Сергиевский) губерний. Губернские границы здесь приблизительно соответствуют географическим ландшафтам Низкого (в Симбирской губернии) и Высокого (в Оренбургской) Заволжья.

II. Южное (Степное) Заволжье, в состав которого входят все заволжские территории Саратовской губернии (за исключением Царицынского, а позднее – Царевского уезда), левобережная часть Сызранского уезда Симбирской губернии, Екатерининская волость Орловых на самом западе луговой стороны Самарского уезда той же губернии. Губернские границы здесь выделяют: 1) северо-западный участок, находившийся в Симбирской губернии и расположенный по берегу Волги в месте изгиба ее течения с широтного на меридиональное направление; 2) основную часть этой территории, так называемое Саратовское Заволжье в составе одноименной губернии.

С чисто природно-географической точки зрения к Степному Заволжью следовало бы отнести многие южные селения Самарского и Бузулукского уездов, но обозначить настолько точно ландшафтную границу просто невозможно. Здесь приходится следовать административному делению, которое несколько увеличивает население территории, условно отнесенной к лесостепной зоне.

Далее в тексте географические определения Северное (Лесостепное) Заволжье с подразделением на Низкое и Высокое, а также Южное (Степное) Заволжье с обозначенной выше разбивкой на отдельные участки будут употребляться для условного обозначения перечисленных районов взамен их развернутого описания. В случае отсутствия возможности выделить указанные территории из погубернских или поуездных сведений будут употребляться также данные по административным единицам в целом.

Низкое Заволжье имело следующие состав и численность непривилегированного населения в 1781 г. (по ведомостям Самарского и Ставропольского уезда) и в начале XIX в. (по сведениям Генерального межевания) (табл. 4). Для отдельных категорий жи-

телей при подсчетах проводились уточнения по другим документам данного периода²⁵.

Таблица 4

Состав и численность населения Самарского (северо-западная часть) и Ставропольского уездов в 1781 г. – начале XIX в.

Сословия (непривилегированные)	Пол	1781 г.		начало XIX в.		
		чел.	в % от всего непривилегирова нного населения	чел.	в % от всего непривилегирова нного населения	в % от численности на 1781 год
горожане	м.	1 245	3,3	1 644	2,7	132,05
	ж.			1 570		
однодворцы, па- хотные солдаты	м.	3 451	7,3	5 043	8,3	146,13
	ж.			5 231		
служилые мурзы и татары	м.	1 604	3,4	2 871	4,7	178,99
	ж.			2 986		
экономические крестьяне, русские ясачные, непомящие родства, крещеные и некрещеные ясачные, ямщики	м.	17 621	37,3	23 355	38,4	132,54
	ж.			24 201		
помещичьи кре- стьяне и дворовые	м.	12 986	27,5	19 498	32,0	150,15
	ж.			19 911		
удельные крестьяне	м.	550	1,2	1 768	2,9	321,45
	ж.			1 788		
ВСЕ ПОДАТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ	м.	40 365	85,5	54 179	89,0	134,22
	ж.			55 687		
отставные военнослужащие	м.	3 062	6,5	3 066	5,0	100,13
	ж.			3 706		
казаки	м.	419	0,9	706	1,2	168,50
	ж.			714		
калмыки	м.	3 034	6,4	2 921	4,8	96,28
	ж.			2 787		
персы	м.	320	0,7	0		
	ж.					
ссыльные	м.	26	0,1	10	0,02	38,46
	ж.			6		
ВСЕ НЕПОДАТНЫЕ НЕПРИВИЛЕГИРОВА ННЫЕ	м.	6 861	14,5	6 703	11,0	97,70
	ж.			7 213		
Итого всех непривилегированных сословий	м.	47 226	100,0	60 882	100,0	128,92
	ж.			62 900		

По указанным выше источникам, численность лиц привилегированных сословий на всей этой территории в начале XIX в. была следующей:

– дворяне, штаб и обер-офицеры (с членами семей) – 200 мужчин и 175 женщин, а всего 375 чел.;

– священно- и церковнослужители (с членами семей) – 758 мужчин и 866 женщин, а всего – 1624 чел.;

– все неподатное привилегированное население – 958 мужчин и 1041 женщин, а всего – 1999 чел.

Общее число жителей на землях Низкого Заволжья в Симбирской губернии составило 61 840 мужчин и 63 941 женщин, а всего 125 781 чел.

Северо-западные уезды Оренбургской губернии (Высокое Заволжье) имели в конце 1780-х гг. следующую численность податного населения (по донесениям губернских властей²⁶), которая представлена в табл. 5.

Таблица 5

**Численность податного населения северо-западных уездов
Оренбургской губернии в конце 1780-х гг.**

Сословия	Пол	Бугульма и уезд	Бугуруслан и уезд	Сергиевск и уезд	Бузулук и уезд	Всего	в % по сословиям
городские сословия	м.	673	711	428	456	2 268	4
	ж.	820	821	417	500	2 558	
государственные крестьяне	м.	20 584	11 650	6 786	3 499	42 519	72
	ж.	20 654	11 479	7 339	3 520	42 992	
помещичьи крестьяне	м.	1 928	2 927	5 040	4 186	14 081	24
	ж.	1 918	2 887	4 901	4 198	13 904	
Все податное население	м.	23 185	15 288	12 254	8 141	58 868	100
	ж.	23 392	15 187	12 657	8 218	59 454	
	об.	46 577	30475	24 911	16 359	118 322	
В % по уездам	об.	39	26	21	14	100	

На рубеже XVIII–XIX вв. податное население этой территории выросло на 134 %. Общая же численность всего населения, включая неподатное, достигла следующих цифр, зафиксированных в материалах Генерального межевания и частично приводившихся в литературе²⁷ (табл. 6).

Таблица 6

**Численность населения северо-западных уездов
Оренбургской губернии на рубеже XVIII–XIX вв.**

Сословия	Бугульма и уезд	Бугуруслан и уезд	Бузулук и уезд	Всего	В % от всех жителей
податное население				158 277	87
неподатное население				24 064	13
Все население	61 414	78 853	42 074	182 341	100
В % по уездам	34	43	23	100	

Успехи освоения заволжских земель у юго-восточных рубежей России на рубеже XVIII–XIX вв. были неоспоримы. Однако возможности этого освоения были далеко не исчерпаны. Эту ситуацию обрисовал в 1802 г. в своем топографическом описании П. Чичагов, назвавший Бузулукский, Бугурусланский, Бугульминский уезды с прилегающими к ним территориями других уездов хлебным «магазейном сей Оренбургской губернии», в котором, однако, оставалось еще много незанятой и незаселенной земли²⁸.

Неподатное население мужского пола в заволжских уездах Оренбургской губернии в целом и по отдельным сословиям имело следующую численность (по материалам ревизования губернии сенатором М.Г. Спиридовым²⁹), которая представлена в табл. 7.

Таблица 7

Численность неподатного мужского населения северо-западных уездов Оренбургской губернии на рубеже XVIII–XIX вв.

Сословия	Душ м. п.	В % по сословиям
ВСЕ НЕПОДАТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ	12 032	100,0
Из них: отставные нижние чины и их дети	6 818	56,7
казаки служащие, отставные, малолетки	1 819	15,1
Башкиры	2 936	24,4
Итого непривилегированные люди	11 573	96,2
священники и церковнослужители	306	2,5
помещики, заводчики, татарские князья и мурзы (проживающие в своих уездах)	153	1,3
Итого привилегированные сословия	459	3,8

До осуществления губернской реформы Екатерины II число жителей заволжских территорий Оренбургской губернии вместе с левобережьем Самарского уезда составляло примерно 85 тыс. чел. обоего пола³⁰. На юго-восточных окраинах прежней Казанской губернии, строго говоря, относящихся к исторической территории Закамья, но отошедших в состав Ставропольского и Самарского уезда в их новых границах, а потому и учтенных вместе с другими заволжскими территориями, проживало более 30 тыс. чел.³¹

Таким образом, в северной части Заволжья, взятой в изменившихся административных единицах, численность населения уве-

личилась за 1780-е–1810-е гг. с приблизительно 115 тыс. чел. до 308 122 чел. Это означает его рост почти в 2,7 раза (табл. 8). В сопоставимых границах население северо-запада Заволжья, вошедшего в Симбирскую губернию, выросло всего лишь менее чем на треть. Отсюда становится очевидным, что основной прирост жителей приходится на северо-восток края, находившийся в составе Оренбургской губернии.

Высокими темпами заселялся и волжский берег между устьями Безенчука и Чагры. Там население выросло в 3,1 раза, что показывают данные ведомостей об образовании уездов Симбирской губернии в 1781 г., сведения из вотчинного архива Орловых и материалы, собранные в ходе Генерального межевания³²:

Таблица 8

Состав и численность населения на левобережье Сызранского и в Екатерининской волости Самарского уезда в 1781 г. – начале XIX в.

Территориальные и сословные группы крестьян	1781 г.		начало XIX в.				
	душ м. п.	%	душ м. п.	в % к 1781 г.	душ ж. п.	душ об. п.	%
Помещичьи на левобережье Сызранского уезда	295	15,7	2 797	948,1	2 950	5 747	47,7
Помещичьи в Екатерининской вол. Самарского уезда	1 581	84,3	2 364	149,5	2 626	4 990	41,4
Помещичьи всего	1 876	100	5 161	275,1	5 576	10 737	89,1
Экономические на левобережье Сызранского уезда	0	0	644		671	1 315	10,9
Итого крестьян	1 876	100	5 805	309,4	6 247	12 052	100

Кроме того, здесь были разбросаны многочисленные хутора сызранских горожан. Население их учитывалось по городу, но некоторые купцы и мещане перебрались фактически на новое место жительства и обзавелись хозяйством. Здесь имелся староста, к которому обращались местные власти в случае необходимости³³. Четко прослеживается тенденция постепенного превращения заволжских сызранских хуторов в постоянные поселения.

Еще более впечатляющими были темпы заселения левобережных частей четырех уездов Саратовской губернии, где число лиц податных сословий, по данным Генерального межевания, достигло таких показателей³⁴ (табл. 9).

Таблица 9

**Численность податного населения на левобережье Саратовской губернии
в конце XVIII – начале XIX в.**

Территориальные и сословные группы податного населения Степного Заволжья	душ м. п.	в % ко всему населению региона	в % к населению левобережных частей отдельных уездов	душ ж. п.	душ об. п.
Камышинский уезд	3 231	7,7	100,0	3 458	6 689
в т. ч. помещичьи	25	0,1	0,8	28	53
удельные	325	0,8	10,1	347	672
колонисты	2 376	5,7	73,5	2 505	4 881
малороссияне	110	0,3	3,4	162	272
однодворцы и пахотные солдаты	392	0,9	12,1	411	803
государственные	3	0,0	0,1	5	8
Хвальинский уезд	11 824	28,2	100,0	8 104	19 928
в т. ч. помещичьи	2 822	6,7	23,9	2 839	5 661
удельные	2 024	4,8	17,1	521	2 545
однодворцы и пахотные солдаты	2 678	6,4	22,6	1 039	3 717
государственные	4 300	10,2	36,4	3 705	8 005
Вольский уезд	18 057	43,0	100,0	11 953	30 010
в т. ч. помещичьи	226	0,5	1,3	220	446
удельные	3 938	9,4	21,8	2 860	6 798
колонисты	3 376	8,0	18,7	3 240	6 616
малороссияне	1 305	3,1	7,2	720	2 025
однодворцы и пахотные солдаты	3 416	8,1	18,9	1 501	4 917
государственные	5 796	13,8	32,1	3 412	9 208
Саратовский уезд	8 860	21,1	100,0	3 699	12 559
в т. ч. удельные	277	0,7	3,1	242	519
колонисты	2 451	5,8	27,7	2 384	4 835
малороссияне	4 504	10,7	50,8	41	4 545
однодворцы и пахотные солдаты	89	0,2	1,0	62	151
государственные	1 539	3,7	17,4	970	2 509
Всего	41 972	100,0	100,0	27 214	69 186
в т. ч. помещичьи	3 073	7,3		3 087	6 160
удельные	6 564	15,6		3 970	10 534
колонисты	8 203	19,5		8 129	16 332
малороссияне	5 919	14,1		923	6 842
однодворцы и пахотные солдаты	6 575	15,7		3 013	9 588
государственные	11 638	27,7		8 092	19 730

Кроме податного населения, в заволжских степях имелось и военно-служилое, что было вызвано непрекращающимися набегами кочевников. В течение 1782–1799 гг. казаками было похищено, не считая сумевших сбежать из плена или тех, кого удалось отбить, 669 оседлых жителей, а за короткий период с начала 1799 по май 1800 гг. это число составило еще 177 чел. Вот небольшой перечень примеров:

июль 1796 г. – с сенокоса в Саратовской губернии угнано 5 чел.;

август 1796 г. – у деревни Тягловки Вольского уезда захвачено 6 чел.;

июль 1799 г. – в самой деревне Чертанлы Саратовского уезда взято 3 чел. и еще один близ нее при пастьбе скота;

август 1799 г. – попали в плен казак Узенской крепости и с ним 5 чел.³⁵

В 1778–1798 гг. из хивинского и бухарского плена было выкуплено 335 чел., угнанных кочевниками, а в 1799 г. – еще 8 чел. Цена выкупа обычно колебалась от 100 до 200 руб., иногда достигала 300 руб.³⁶

О заволжских степях ходила недобрая слава, отголоски которых слышались в рассказах старожиллов даже в середине XIX века: «Простой народ недавно еще говорил: страшно туда ездить; там звери хищные рыщут стадами, и Киргизы губят людей и уводят их в плен. Приедут два или три ордынца с длинными уключинами в руках на стан к русскому, и, обобрав его начисто, ускачут; а иногда и людей увезут в плен и продадут в Хиву. Иногда ограбят целое селение»³⁷.

В середине мая 1788 г. была заложена Узенская крепость, а в 1803 г. окончательно оформилась Узенская цепь кордонов. Она имела 13 постов. Протяженность линии составляла 2 871 верст. Здесь несли службу 13 старшин, 197 казаков и 89 калмыков. Они охраняли селения по рекам Узеням, Иргизу и Караману и конвоировали проходящие к Оренбургу и обратно караваны. Этот пограничный рубеж существовал до 1829 г.³⁸

Население левобережной половины Саратовской губернии достигло в начале XIX в. 70 тыс. чел. В 1781 г. это население составляло до 28 тыс. чел.³⁹ Однако без жителей Николаевской слободы и других селений в юго-восточной части Камышинского уезда, которая не вошла затем в Самарскую губернию и потому не учте-

на в вышеприведенной таблице, податное население собственно Степного Заволжья насчитывало до губернской реформы в сопоставимых границах немногим более 20 тыс. чел. и, таким образом, примерно за 30 лет выросло здесь почти в 3,5 раза.

Более быстрый рост населения на юге Заволжья не смог компенсировать сохранявшуюся неравномерность заселения его территории. Плотность населения по-прежнему снижалась по мере удаления от соседних регионов более раннего заселения с севера на юг и с запада на восток. Это отчетливо видно как в сравнении заселенности отдельных уездов, так и внутри них.

В Спасском и Чистопольском уездах Казанской губернии, включавших территорию исторического Закамья, плотность населения, по данным Генерального межевания, соответственно составляла 12,6 и 11,4 чел. на кв. версту. В пограничных с ними северных заволжских уездах она уже была заметно меньше. При этом в западном приволжском уезде, Ставропольском, она равнялась 7,9 чел. на кв. версту (на противоположной стороне Волги в Симбирском и Сенгилеевском уездах – 14,2–14,6 чел. на кв. версту), а в восточном Бугульминском составляла 5,6 чел. на кв. версту. Южнее Бугульминского располагался Бугурусланский уезд с плотностью населения в 4,7 чел. на кв. версту, а еще южнее – Бузулукский, где эта плотность равнялась всего 1,9 чел. на кв. версту⁴⁰.

Даже внутри одной административной единицы прослеживалась неравномерность распределения населения в северных и южных селениях. В качестве примера можно привести подсчеты по Бузулукскому уезду, который рассекается течением р. Самары в широтном отношении на две приблизительно равные половины. Если во всех землевладениях здесь насчитывалось 21 452 душ м. п. податного и неподатного населения, то из них на земельные дачи южной половины уезда приходилось только 4105 душ м. п., т. е. менее одной пятой⁴¹.

Освоенность заволжских территорий была гораздо слабее правобережья Волги, что отчетливо выявляется и в поуездных данных, и во внутриуездных пропорциях. В качестве примера можно привести Хвалынский уезд, где соотношение земельных угодий и населения между правобережными и левобережными частями было типично для данных Генерального межевания⁴² (табл. 10).

Таблица 10

Распределение земель, угодий и населения в Хвалынском уезде
в конце XVIII – начале XIX в.

Хвалынский уезд	Удобной земли	в том числе				Неудобья	Общая площадь	Население
		всего (дес.)	поселения (дес.)	пашня (дес.)	покосы (дес.)			
Уезд в целом	1 025 232	7 703	299 381	529 959	188 189	202 134	1 227 365	47 155
Луговая сторона	536 433	1 227	81 010	443 737	10 459	126 325	662 758	11 824
Ее доля	52	16	27	84	6	62	54	25

На составляющей свыше половины всей территории уезда луговой стороне проживала лишь четверть его населения. На долю этой части уезда приходилось чуть более четверти пахотных земель и 16 % от площади жилых поселений. Трудности освоения были связаны не только с более поздним началом заселения луговой стороны. Здесь практически не было леса, а доля неудобий была выше, чем на правобережье. Преимущества же луговой стороны заключались в обилии сенокосов, пастбищ и еще нераспаханных степей.

Вместе с тем левобережье Хвалынского уезда было заселено более плотно, чем лежащий восточнее и дальше от Волги Бузулукский уезд (3,2 чел. против 1,9 чел. на кв. версту). В более южных уездах Степного Заволжья плотность была еще меньше и составляла на луговой стороне Вольского, Саратовского и Камышинского уездов 0,2–0,4 чел. на кв. версту. В то же время на горной стороне последних трех уездов эта плотность была значительно выше и соответственно равнялась 5,0 чел. на кв. версту в Вольском уезде, 15,8 чел. на кв. версту – в Саратовском, 7,5 чел. на кв. версту – в Камышинском⁴³.

В рассматриваемый период времени росло не только сельское, но и городское население Заволжья. В основном русское по своему составу, оно включало, как и прежде, и представителей иных национальностей, в том числе весьма экзотических. В 1784 г. в мещанство Бугуруслана был записан новокрещен Александр Максимов. Настоящим его именем было Мустафа сын Али, а родиной – Константинополь. Он служил янычаром, попал в плен, женился на русской крестьянке, прижил от нее детей, принял православие, да так и остался в России, благо, что обладал не только военной, но и мирной профессией, поскольку знал сапожное ремесло⁴⁴.

Организация надежной обороны от кочевников, упрочение местных органов власти, подавление больших мятежей и локальных

волнений, энергичная борьба с побегами и разбоями делали окраинные земли Юго-востока России все более привлекательными для помещиков. Участие их в освоении края становится заметнее по сравнению с предыдущим временем.

Межевая инструкция предусматривала выделение земель для государственных и дворцовых крестьян, испытывавших недостаток в сельскохозяйственных угодьях. При нехватке казенной земли на прежнем месте жительства и в его окрестностях и желании занять ее до полной 15-десятинной «препорции» государственные крестьяне вынуждены были из плотно заселенных уездов правобережья перебираться в Заволжье, располагавшее незанятыми степными участками.

На казенных землях к югу и востоку от г. Самары были «населены... переведенцами из разных селений» поселки государственных крестьян: Русские, Мордовские и Чувашские Липяги, Дубовый Умет, Чернореченская, Спиридоновка, Колывань. Их население быстро росло. Если в 1783 г. в Дубовом Умете числилось 54 души м.п. ясачных и экономических крестьян, то в 1799 г. их уже было 164 души м. п. За тот же срок население Спиридоновки увеличилось со 121 души м. п. до 220 душ, а Чернореченской – с 27 до 123 душ м. п. Рост числа жителей происходил за счет переведенных «по позволению палаты». Кроме того, на землях этих трех поселков к началу Генерального межевания возникли еще 2 селения, Бобровка и Березовый Гай⁴⁵.

В 1801 г. Симбирская казенная палата по прошению экономических крестьян сел Студенца и Рачейки Сызранского уезда определила отдать им свободные земли при верховьях реки Безенчук. Земли отводились по норме Межевой инструкции на 277 переселенцев. Возникла деревня, первоначально названная Новым Студенцом, Безенчук тож (ныне село Студенцы)⁴⁶.

Переселенческие потоки на территории Симбирской губернии, где свободных и незаселенных пространств оставалось не очень много, да и располагались они невдалеке от уездной Самары, контролировались местными властями более тщательно, чем Оренбургской администрацией. Случаев переселения в заволжские уезды Оренбургского края при посредстве казенных палат встречалось меньше, здесь «абсолютное большинство переселений государственных крестьян происходило самовольно»⁴⁷.

Власти и межевщики в восточных уездах Заволжья ставились, как правило, перед свершившимся фактом появления новых по-

селков на свободных землях. Так, документы очередной 5-й ревизии (1796) и Генерального межевания (1799–1802) зафиксировали существование ряда довольно крупных селений с несколькими сотнями жителей в Бузулукском уезде. Среди них Утевка, сложившаяся из четырех поселков и населенная как выходцами из ближней Красносамарской крепости, так и переселенцами из Пензенской, Тамбовской, Тульской губерний. Недалеко от нее возникла Домашка, основали которую украинские, русские, мордовские крестьяне из Тамбовской, Курской, Орловской губерний. Переходы из дальних мест сочетались с образованием выселков из здешних разросшихся селений. Еще в 1784 г. было дано разрешение «о дозволении к переселению на реки Боклу и Бугуруслан Канды(з)ской слободы жителям всего сту осми душам, и о взятии в согласном между ими, как доньше было, происхождении, яко то в платеже государственных податей и поставке рекрут подписки и о присылке оной...»⁴⁸

Отмеченное выше широкое переселенческое движение из губерний Черноземного Центра в Заволжье было явлением сравнительно новым. В XVIII в. в потоке здешних новоселов почти безраздельно преобладали выходцы из уездов, лежавших по Волге и ее притокам. Позднее дальние переходы становятся столь же обычным делом. Такое изменение географии выходцев означало усиление роли русских в освоении заволжских пространств.

С 1799 по 1811 г. в Бузулукский уезд прибыло из Рязанской, Тамбовской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Симбирской, Пензенской губерний и некоторых уездов Оренбуржья более 14 тыс. душ м. п., в основном русских государственных крестьян. Мордовских крестьян было более 1066 душ м.п., 363 души м.п. – чувашских, 230 душ м. п. – татарских. Более сложным в этническом отношении оставался поток переселенцев в северо-восточные уезды Заволжья, поскольку там значение сохраняли традиционные пути из многонациональных соседних губерний по Средней Волге. Здесь русские составляли также больше половины всего числа новоселов. За 1799–1811 гг. среди переселенцев в Бугурусланский (10,5 тыс. душ м.п.) и Бугульминский (19 тыс. душ) было соответственно: русских 6,3 тыс. и 9,1 тыс., мордвы 2,5 тыс. и 4,8 тыс., чувашей 1,7 тыс. и 4,4 тыс., а также несколько сот татар и тептярей⁴⁹.

При преобладании стихийного начала, естественного для вольной крестьянской колонизации, правительство все же пыталось

регулировать этот процесс. По указу 1797 г. подтверждалось наделение организованных переселенцев из казенных крестьян «пропорцией» Межевой инструкции в 15 дес. на ревизскую душу, предоставлялось пособие (на семью 12 рублей) и освобождение на 3 года от выплаты податей и рекрутской повинности⁵⁰.

В 1805 и 1808 гг. были утверждены правила о переселении казенных крестьян из внутренних губерний на окраины, согласно которым первоочередное правило на переселение предоставлялось жителям малоземельных селений, уточнялись нормы наделения землей, денежных ссуд, налоговых льгот⁵¹. Однако, как случалось нередко, многие из благих начинаний жили только на бумаге. Крестьяне чаще предпочитали «синицу» самовольного перехода «журавлю» обещаний, терявшемуся в недрах бюрократических учреждений.

Наряду с казенными, активно переселялись в Заволжье дворцовые крестьяне. Они реже продвигались вглубь неосвоенных районов, предпочитая оседать на еще весьма свободных землях удельного ведомства, тянувшихся, не удаляясь от Волги, от Черемшана до Иргиза. В 1794 г. в с. Верхнее Санчелеево под Ставрополем было переведено несколько десятков дворцовых крестьян из Краснослободского уезда Пензенского наместничества. Неподалеку возникли новые мордовские деревни Васильевка и Мусорка. Основателями последней стали пришедшие сюда в 1795 г. новокрещены из Алатырского и Котьяковского уездов Симбирского наместничества. Новокрещенная мордва перешла тогда также из Алатырского уезда в Самарский в дворцовую деревню Спиридоновку. В 1791 г. «Федор Спиридонов с товарищи в числе 8-ми ревизских душ с семействами перешли» в Самарский из Карсунского уезда Симбирской губернии и основали д. Нижнюю Падовку. В 1793 г. появилась д. Верхняя Падовка, заселенная дворцовыми крестьянами из Алатырского уезда⁵².

К переселению толкало и стремление избежать религиозных гонений. По совету основателя секты молокан Уклеина в 1792 г. из Саратовской губернии на Иргиз вышли 448 чел., основав с. Тяглое Озеро. Оттуда по мере увеличения числа жителей они расселялись в поселки и хутора по рекам Иргизу (Канаевка, Константиновка), Чагре (Хворостянка, Острая Лука), Моче (Сухая Вязовка, Яблоневоый Овраг, Богдановка). В этих поселках в конце XVIII в. молокан числилось 970 душ об.п. Их поселки возникали

и на юге Бузулукского уезда. В 1809 г. беглые солдаты и крестьяне из молокан обосновались в Алексеевке (Землянке) на р. Съезжей⁵³.

В течение последней четверти XVIII и в начале XIX вв. заселение Самарского края интенсивно продолжалось. Серьезные сдвиги в численности и составе населения, в уровне хозяйственного и культурного развития Заволжья происходили как в связи с правительственными мероприятиями, так и независимо от них, а иногда и вопреки установлениям, предписанным сверху. Поток крестьянской колонизации направлялся все дальше на восток и юг, подготавливая условия для грядущего решительного земледельческого освоения Заволжья и Приуралья. Освоение края принимало небывалый до этого размах и проходило во все более разнообразных формах.

3. НАСЕЛЕНИЕ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ, ЕГО ЭТНИЧЕСКИЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Рост населения Заволжья (с 1851 г. – Самарской губернии) и изменение его распределения в первой половине XIX в. по различным уездам и территориям приведены ниже (табл. 11).

За время, прошедшее от Генерального межевания рубежа XVIII – XIX вв. до образования Самарской губернии в 1851 г., население Заволжья выросло почти в 4 раза. Естественно, что такое увеличение обеспечивалось не столько естественным приростом, сколько постоянным притоком переселенцев. Особо активно заселялись степные южные (Саратовское Заволжье) и юго-восточные районы (Бузулукский уезд) края, малолюдные в XVIII в., но увеличившие к середине XIX в. численность жителей в 7 раз. На других территориях обитателей также стало заметно больше: на левобережье Симбирской губ. – в 2,5 раза, в Бугульминском уезде – в 2,8 раза, в Бугурусланском – в 3 раза.

При этом заметно возросла плотность населения. Так, в Ставропольском уезде она поднялась по сравнению с периодом Генерального межевания с 7,9 до 17,65 чел. на кв. версту при вхождении в Самарскую губернию. Он по-прежнему оставался самым густонаселенным среди рассматриваемых уездов. Однако по данному показателю к нему вплотную приблизились не только Бугульминский уезд (16,88 чел. на кв. версту), не сильно отставав-

ший и при Генеральном межевании (5,6 чел. на кв. версту), но даже Бугурусланский и Бузулукский (15,19 – 15,25 чел. на кв. версту), которые были весьма редко заселены на рубеже XVIII–XIX вв. (соответственно 4,7 и 1,9 чел. на кв. версту)⁵⁷.

Таблица 11

Изменение численности населения Самарского Заволжья и его отдельных частей в течение первой половины XIX в.

Уезды	Начало XIX в. ⁵⁴		2-я четверть XIX в. ⁵⁵		1850-е гг. ⁵⁶		
	чел. об. п.	в % от всего населения Заволжья	чел. об. п.	в % к началу века	чел. об. п.	в % к началу века	в % от всего населения Заволжья
Бугульминский	61 414	15,77	110 259	179,5	174 809	284,6	11,56
Бугурусланский	78 853	20,25	191 168	242,4	238 734	302,8	15,79
Бузулукский	42 074	10,81	212 560	505,2	297 823	707,9	19,69
Итого на северо-западе Оренбургской губ.(с 1851 г. – на северо-востоке Самарской губ.)	182 341	46,83	513 987	281,9	711 366	390,1	47,04
Ставропольский	82 058	21,08	138 503	168,8	175 829	214,3	11,63
Заволжские части Самарского и Сызранского(с 1851 г. Самарский)	55 775	14,32	*	*	166 596	298,7	11,02
Итого на заволжских землях Симбирской губ. (с 1851 г. на северо-западе Самарской)	137 833	35,40	*	*	342 425	248,4	22,64
Николаевский	*	*	211 548	*	276 577	*	18,29
Новоузенский	*	*	116 283	*	181 923	*	12,03
Итого на северо-востоке Саратовской губ. (с 1851 г. – на юге Самарской)	69 186	17,77	327 831	473,8	458 500	662,7	30,32
Всего на территории Самарской (с 1851 г.) губернии	389 360	100	*	*	1 512 291	388,4	100

Примечание: * – нет данных по сопоставимой территории

Уезд губернского города, даже с учетом жителей административного центра, отставал по плотности населения и от западных, и от восточных соседей – 14,22 чел. на кв. версту. Без учета городских жителей плотность заселения Самарского уезда снижалась до 12,11 чел. на кв. версту. Это объясняется наличием свободных земель не только в южной степной части этого уезда, но и к северу от губернского города. В последнем случае речь идет прежде всего об угодьях, изъятых у выселенного калмыцкого войска.

По-прежнему самая незначительная плотность населения наблюдалась в южных уездах Заволжья, Николаевском (9,17 чел. на кв. версту) и Новоузенском (4,33 чел. на кв. версту). Однако эти невысокие цифры значительно превышают данные Генерального межевания, когда на большей части Степного Заволжья плотность не достигала 0,5 чел. на кв. версту.

Сословный состав населения Заволжья в середине XIX в. и изменение в нем доли основных сословных групп по сравнению с периодом Генерального межевания представлен следующими расчетами по имеющимся источникам⁵⁸ (табл. 12).

Таблица 12

Сословный состав населения Самарского Заволжья в середине XIX в.

Сословия	середина XIX в.		начало XIX в.	
	чел.	%	чел.	%
Привилегированные сословия в т. ч.:	14 121	0,92	2 917	0,75
дворяне потомственные	1 598	0,10		
дворяне личные	1 393	0,09		
Духовенство	10 204	0,67		
служашие-недворяне	926	0,06		
Непривилегированное неподатное население в т. ч.:	98 566	6,44	37 431	9,60
нижние чины регулярных войск и члены их семей	4 055	0,27		
служашие в иррегулярных войсках и члены их семей	57 454	3,76		
отставные солдаты и солдатки	37 057	2,42		
Податные сословия в т. ч.:	1 416 665	92,63	349 381	89,6
почетные граждане	22	0,001		
Купечество	12 573	0,82		
мещане и цеховые	40 985	2,68		
иностранные подданные	127	0,01		
Колонисты	88 992	5,82		
государственные крестьяне и однодворцы	789 809	51,64		
удельные крестьяне	246 061	16,09		
помещичьи крестьяне и дворовые люди	234 179	15,31		
исключенные из разных ведомств и вольноотпущенники	3 917	0,26		
Всего	1 529 352	100	389 729	100

Основную массу жителей края, как и прежде, составляли представители непривилегированных податных сословий. На городские сословия (почетных граждан, купечество, мещан, цеховых, иностранных подданных) приходилось 3,5 % населения, на крес-

стьян – 89,1 %. Среди последних в Заволжье традиционно преобладали государственные крестьяне, которые вместе с иностранными колонистами и вольноотпущенниками составляли две трети здешних крестьян. Вторыми по численности среди сословных групп крестьян были удельные и лишь третьими – помещичьи, хотя дворяне продолжали весьма активно переводить своих крепостных на новые земли.

Доля военно-служилых сословий и их роль в хозяйственном освоении края постоянно снижалась из-за постоянного притока переселенцев-крестьян. А в 1840-х гг. был осуществлен массовый вывод значительных групп населения, казаков и крещеных калмыков за пределы Заволжья.

Конфессиональный, национальный и сословный состав населения Заволжья в середине XIX в. представлены в таблицах ниже. Расчеты в них произведены на основании данных, собранных из разнородных источников, а потому исходят из несовпадающих оценок общей численности населения новой Самарской губернии. Однако абсолютные цифры достаточно близки к действительным, а относительные числа, полученные при расчетах и выраженные в процентах, представляются вполне адекватными реальному составу населения.

В результате переселений и естественного прироста конфессиональный состав населения Заволжья в границах Самарской губернии приобрел к середине XIX в. следующие очертания⁵⁹ (табл. 13).

Таблица 13

Конфессиональный состав населения Самарского Заволжья в середине XIX в.

Конфессии	Чел.	%
православные	1 283 420	83,92
католики	31 516	2,06
протестанты	57 618	3,77
мусульмане	152 908	10,00
Иудеи	125	0,01
язычники	3 756	0,25
Всего	1 529 343	100

Преимущественно в крае росло православное население. Появление селений с чисто иноверческим составом населения стало очень редким явлением. Например, за всю волну переселений 1824–

1834 г. в Бугурусланском и Бузулукском уездах, в левобережной части Саратовской губернии не возникло ни одного нового поселка мусульман или протестантов.

Следует число православных считать завышенным за счет старообрядцев и разного рода преследуемых сект, а также за счет только формально крещеных язычников и мусульман. В 1839 г. казаки-чуваши Мочинской слободы под г. Самарой (145 чел.) просили местное начальство разрешить им официально принять ислам «по привычке постоянного общения с татарами ... и по незнанию русского языка», из-за чего они «молитв русских никогда не поймут». Им было отказано, поскольку среди них были люди, носившие русские имена, а потому, возможно, бывшие хотя бы формально новокрещенами. Православное Духовное правление заявляло, что «лишь господствующая религия может распространять свое влияние путем, Апостолами указанным». Мусульманское духовное собрание, склоняясь к принятию мочинских чувашей в свою веру, особенно на этом не настаивало, во-первых, не желая ссориться с русским духовенством и начальством, а во-вторых, считая их не столько магометанами, сколько язычниками. До выселения казаков из пределов Заволжья дело оставалось нерешенным⁶⁰.

Не говоря уже о раскольничьем центре общероссийского масштаба в Николаевском уезде на р. Иргиз, где уже в самом городе на 2 689 православных обоего пола приходилось 2 278 приверженцев поморского согласия⁶¹, в других районах Заволжья также было немало старообрядцев и сектантов. По сведениям 1842 г. (явно заниженным) в западных городах и уездах Оренбургской губернии было выявлено старообрядцев беглопоповцев и беспоповцев, а также молокан⁶² (табл. 14).

Таблица 14

**Численность старообрядцев и молокан в северо-западных
уездах Оренбургской губернии в 1842 г.**

УЕЗДЫ И ГОРОДА	Мужчин	Женщин	Обоего пола
Бугульма	55	64	119
Бугульминский уезд	136	162	298
Бугуруслан	129	125	254
Бугурусланский уезд	1 437	1 747	3 184
Бузулук	8	8	16
Бузулуковский уезд	600	733	1 333
Всего в западных городах и уездах Оренбургской губернии	2 365	2 839	5 204

В другом отчете за тот же год приверженцы старообрядческих толков сгруппированы, исходя из основных конфессиональных признаков⁶³ (табл. 15).

Таблица 15

Численность старообрядцев разных толков в северо-западных уездах Оренбургской губернии в 1842 г.

Старообрядческие толки на северо-западе Оренбургской губернии					
КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ	Пол	Бузулук с уездом	Бугуруслан с уездом	Бугульма с уездом	Всего
1. Приемлющие священство	муж.	299	807	189	1 295
	жен.	339	457	220	1 016
	обоего	638	1 264	409	2 311
2. Не приемлют священства, но поклоняются иконам	муж.	4	220	2	226
	жен.	3	271	6	280
	обоего	7	491	8	506
3. Не приемлют священства и не поклоняются иконам	муж.	309	539	0	848
	жен.	302	644	0	946
	обоего	611	1 183	0	1 794
ВСЕГО	муж.	612	1 566	191	2 369
	жен.	644	1 372	226	2 242
	обоего	1 256	2 938	417	4 611

Особые опасения у властей вызывало распространение с точки зрения церкви «особенно вредных ересей, как то малаканов..., субботников»⁶⁴. Существование молокан в Бузулукском уезде церковные власти официально признали лишь в 1821 г., когда там их было уже 571 чел. об. п. На следующий год их число только по официальным данным возросло на 274 чел. Земский исправник счел необходимым донести об опасности распространения секты. В Бузулукском уезде конца 1820-х гг. молокан насчитывалось 468 мужчин и 488 женщин, а всего 956 чел. В 1827 г. молокане были обнаружены в удельных селах Бугурусланского уезда, Абдуловском заводе и Григорьевке. Император распорядился сдать тамошних молокан в рекруты без зачета, а неспособных к службе в крепостные арестанты. Детей-мальчиков повелено было определить в военные кантонисты⁶⁵.

Жесткие административные меры не смогли искоренить инаковерие, хотя ареал расселения молокан, изгнанных из Бугурусланского уезда, и их численность несколько сократились. Очагом «особенно вредных ересей» в Оренбургской губернии оставался Бу-

зулукский уезд, где молокан насчитывалось свыше 500 чел., а «жидовствующих» – около 100 чел.⁶⁶

Изгоняемые из степных деревень молокане осваивались в поволжских городах. Уже в 1840-е гг. представители молоканской общины, не скрывавшие своей религиозной принадлежности, встречались среди известных жителей Самары. Так, в семейной переписке видных здешних помещиков Данненбергов тогда упоминается А.Г. Дапов, «известный лекарь» в Самаре из молокан⁶⁷.

Старообрядчество и сектантство находили себе приверженцев и на самом юге Заволжья. В Новоузенском уезде в 1845 г. числилось 441 раскольников и 385 молокан об.п. Приверженцы поморского согласия уже издавна оседали здесь на Узеньях, а также прибывали с берегов Иргиза. «Молоканство пришло из Балашовской округи», то есть с правобережья Саратовской губернии⁶⁸.

Национальный состав жителей края, каким он представлялся губернским статистикам в середине XIX в.⁶⁹, представлен ниже (табл. 16).

Таблица 16

Этнический состав населения Самарского Заволжья в середине XIX в.

Национальность	Чел.	%
Русские	1 052 013	68,75
Малороссы	45 000	2,94
Поляки	1 385	0,09
Вотяки	1 062	0,07
Мордва	127 398	8,33
Чуваши	60 318	3,94
Татары	95 454	6,24
Тептяри	36 520	2,39
Башкиры	20 934	1,37
Немцы	89 134	5,83
Казахи	750	0,05
Евреи	125	0,01
Всего	1 530 093	100

Следует оговориться, что в статистических данных того времени не совсем точно определялась этническая принадлежность, особенно грани между представителями близких по языку или культуре этнических групп. Это приводило к разночтениям в одновременных источниках. В опубликованной тогда же справоч-

ной литературе приводились и иные сведения об удельном весе русского и украинского населения в губернии (соответственно 67,50 % и 4,05 %); уточнялось, что «польское» население является по сути белорусами; давалась более высокая доля мордвы (9,26 %), видимо, за счет ее части, практически слившейся с русскими и другими народами; тептяри не выделялись в отдельную этническую группу и считались башкирами или татарами, причем вообще предлагалась несколько иная перегруппировка тюркского населения за счет смешанных и переходных групп (3,56% – чувашаши, 5,23 % – татары, 4,00% – башкиры)⁷⁰.

По мнению некоторых исследователей, башкиры Бугульминского уезда утрачивали башкирское самосознание, а башкироязычные тептяри им никогда не обладали: «Скорее эту группу населения можно было бы определить как переходную между татарским и башкирским этносом». Выводы о том, что в татаро-чувашской среде на территории Самарского и Ставропольского уездов происходила ассимиляция чувашей, также подтверждаются источниками середины XIX в., отмечающих у последних «более склонности к татарам»⁷¹.

Что касается ассимиляции заволжской мордвы, то она шла в ином направлении. Современники приводили в качестве типичного примера «два селения в Самарском уезде, Спиридоновку и Кануевку, в которых ныне состоит до 4 тыс. жителей, происходящих за самым малым исключением из мордвы, но они во всех официальных сведениях признаются за русских по невозможности отделить их число от сих последних»⁷².

Другие варианты подсчета национального состава Заволжья, не совпадающие полностью ни с одной из указанных опубликованных статистических работ, можно встретить в неопубликованных документах. В 1857 г. при подготовке описания Самарской губернии для предполагавшейся поездки членов императорской семьи по Волге общая численность населения губернии оценивалась в 1 479 081 чел. Из их числа русскими (видимо, вместе с малороссами) показаны 1 079 713 чел. или 73 %, мордвой – 133 265 чел. или 9 %, чувашами – 58 595 чел. или 4 %, татарами – 76 189 чел. или 5 %. На долю «других инородцев, как то: башкир, тептярей, колонистов и пр.» в сумме приходились оставшиеся около 130 тыс. чел. или до 9 % жителей губернии⁷³.

Несомненным остается при разных вариантах подсчета общий вывод, что при сохранении многонационального характера и

культурного разнообразия жителей переселения в первой половине XIX века определили значительное преобладание в заволжском крае русского православного населения. Не только в новой губернии в целом, но во всех ее уездах русские составили этническое большинство. Свыше половины жителей они составляли в уездах Бузулукском (89 %), Николаевском (77 %), Самарском (75 %), Ставропольском (74 %), Бугурусланском (60,5 %). Лишь на северо-восточной и южной окраине губернии их было менее половины общей численности уездов Бугульминского (39 %) и Новоузенского (38 %) ⁷⁴.

В трех уездах вторым по численности народом после русских была мордва: Бугурусланском (18 %), Самарском (14 %), Бузулукском (4 %). В двух уездах вторыми по числу жителей шли немцы, а именно в Новоузенском (33,5 %) и Николаевском (12 %). Еще в двух вторыми по количеству были башкиры в Бугульминском уезде (29 %) и татары в Ставропольском (12,5 %).

Кроме вышеперечисленных, лишь в редких случаях доля представителей других народов составляла в уездах более одной пятнадцатой части всех жителей. В этой связи следует назвать в Бугульминском уезде татар (15 %), мордву (7,5 %), чувашей (7 %), а также украинцев Новоузенского (20,5 %), мордву Ставропольского (11 %) и Николаевского (8 %), чувашей Бугурусланского (9 %) уездов.

В середине XIX в. четко обозначились тенденции хозяйственного и культурного сближения различных этнических групп, обусловленные в значительной мере не только фактом совместного проживания, но и развитием товарного производства. Для тогдашней местной администрации подобные явления представлялись очевидными: «В отношении свойств этого населения должно сказать, что оно при всем разнообразии своего исторического происхождения уже достаточно слилось между собою, усвоило общие черты в характере. Развитие торговли и хлебопашества, принявшего промышленное (товарное. — Ю. С.) направление, более всего благоприятствовало в этих отношениях, возбуждая новые потребности и новые понятия... Вследствие того здешний крестьянин является уже потребителем значительного количества фабричных предметов и всякого рода изделий, необходимых для его хозяйственного быта, доставляемых теперь из верховых губерний... При таком направлении быстро изглаживаются те особенности внешней и внутренней жизни народа, которые обыкновенно оста-

ются неизменяемыми в местах, более удаленных от промышленных (торговых. – Ю. С.) центров»⁷⁵. Подобные процессы приводили к тому, что «общие черты русского поселения принадлежат в некоторых отношениях также инородцам», хотя «последние удерживают многие им только свойственные особенности»⁷⁶.

Нетрудно заметить, что практически все районы компактного проживания нерусского населения в Заволжье сложились в предшествующие этапы его освоения, то есть до начала XIX вв. Они сохранялись в новых условиях преимущественно русской колонизации в основном благодаря естественному приросту этого населения и притоку соплеменников в уже существующие села и деревни. Однако если в этих районах в XVIII в., особенно в сельской местности, русские уступали по численности народам Поволжья, то к середине XIX в. это соотношение заметно изменилось. Новые села и деревни, возникавшие в ходе массовых переселений предреформенных десятилетий, по составу населения все были почти исключительно русскими.

В целом же правительственная политика в Самарском Поволжье и Заволжье, постепенно утрачивая военные и внешнеполитические стороны и становясь исключительно внутренним делом, достигла своих основных целей. Регион превратился в неотъемлемую часть России, сохранив определенные хозяйственные, этнические и культурные особенности. Массовой базой и основным механизмом такого превращения стало широкое переселенческое движение оседлых жителей разных национальностей на новые земли. При всех имевшихся противоречиях государственной власти, господствующих общественных слоев, народных масс, личных интересов между ними было достигнуто взаимодействие и равновесие, позволившее решить задачу, исторически значимую для судеб всей России.

Примечания

¹ См.: Смирнов Ю.Н. Вопросы освоения Заволжья во второй трети XVIII – середине XIX веков в историографии // История и историки в меняющемся мире. Самара, 2003; Он же. Материалы по истории заселения и освоения Самарского Заволжья в архивах России // Архивный фонд Самарской области как информационный ресурс общественно-экономического развития региона. Самара, 2003; Он же. Итоги изучения правительственной политики и народного движения в ходе аграрного освоения юго-восточной окраины Европейской России в XVIII – первой половине XIX вв. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кн.1. Вологда, 2009; Он же. Архивные источники XVIII – первой половины XIX веков по истории распространения и укрепления российской государственности в Заволжье и Приуралье // Архивы и история российской государственности. Вып. 1. СПб., 2011.

² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 571 «Перовские». Оп. 1. Д. 13. Л. 4 и об.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л. 1069, 1072 об.

⁴ Научный архив Русского Географического общества (НА РГО). Раз. № 37. Д. 39. С. 32–33; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 174 об.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 140. Л. 316.

⁶ Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 98 и об.

⁷ Сборник Русского Императорского общества (далее РИО). Т. 117. Юрьев, 1904. С. 711; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 611. Л. 170 об.-176.

⁸ Попов Н.А. Тагишев и его время. М., 1861. С. 263.

⁹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 и об.

¹⁰ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 51 об.

¹¹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 35об.; Д. 9. Л. 47.

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 144.

¹³ Готье Ю.В. Из истории передвижений населения в XVIII веке // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1908. Кн. 1. Отд. 4. С. 1–26; Зобов Ю.С. Участие крестьян Среднего Поволжья в заселении Оренбургского края в XVIII веке // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1992. С. 48–49; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России. Самара, 1997. С.119–132.

¹⁴ См.: ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция. С. 124–132.

¹⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 51 об.–52.

¹⁶ Переписи населения России. М., 1972. Вып. III. С. 211, 214.

¹⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351.

¹⁸ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 268.

¹⁹ Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1891. Вып. 3. С. 464, 488.

²⁰ См.: Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII – середина XIX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.

²¹ Рунич П.С. Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугачевском бунте // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 80; Леопольдов А.Ф. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С. 132.

²² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф.247 «Державин Г.Р.». Т. 9. Л. 58 и об., 165; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 222 «Панины». Т. XII. Л. 277об.

²³ НА РГО. Раз. № 34. Оп. 1. Д. 14. Л. 4,5, 6 об; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1288. Л. 35об.

²⁴ «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в. Ч. 1. Очерки истории / под. ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013. С. 153.

²⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 19 об.-37об.; Ф. 248. Д. 4238. Л. 373–377 об.; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1410, 1422, 1430; РГВИА. Ф.ВУА. Д. 19026; ОР РНБ. Ф.550 ОСРК. Q. IV. 293. Л. 2об.3.

²⁶ Подсчитано по: Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. V. С. 445–463.

²⁷ РГАДА. Ф.1355. Оп. 1. Д. 932, 1874, 1876; ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 837; Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984. С. 52; Кириков С.В. Человек и природа степной зоны. Конец X – середина XIX в. М., 1983. С. 69.

²⁸ НА РГО. Раз. № 26. Д. 19. Л. 8.

²⁹ Подсчитано по: Материалы по истории Башкирской АССР. С. 387–390.

³⁰ Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья. С. 29.

³¹ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 25об., 34 об.

³² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 19об.–37об.; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422, 1432; ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 3. Е.х. 4. Л. 1об.–2.

³³ ГАУО. Ф. 113. Оп. 3. Д. 15. Л. 4, 12, 18об.

³⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1287–1288, 1303, 1316, 1305, 1338, 1348, 1366.

³⁵ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 363 об., 366–372.

³⁶ РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 373–388.

³⁷ НА РГО. Раз. № 48А. Д. 41. Л. 1 об.

- ³⁸ Новиков А. Заволжский кордон // Волга. 1995. № 10. С. 173.
- ³⁹ Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья. С. 29.
- ⁴⁰ Кириков С.В. Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X – начале XIX вв. М., 1979. С. 119; Он же. Человек и природа степной зоны. С. 69.
- ⁴¹ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 837.
- ⁴² Подсчитано по: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1366.
- ⁴³ Кириков С.В. Человек и природа восточноевропейской лесостепи. С. 114; он же. Человек и природа степной зоны. С. 62, 68.
- ⁴⁴ ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 83–85 об.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Д. 3896. Л. 3, 7, 12.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 45; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 558. Л. 64 об.
- ⁴⁷ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация. С. 92.
- ⁴⁸ ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 4. Л. 42, 229 и об.
- ⁴⁹ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация. С. 92–93.
- ⁵⁰ Полное собрание законов Российской Империи (далее ПСЗ). Т. 26. № 19500.
- ⁵¹ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация. С. 89–90.
- ⁵² ГАУО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 16. Л. 619–628, 652–659 об., 692 об., 700, 706 об., 708, 725, 727 об.; Д. 17. Л. 739–740.
- ⁵³ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т.3. Самара, 1885. С. 12.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1287–1288, 1303, 1316, 1305, 1338, 1348, 1366, 1410, 1422, 1430; Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация. С. 52; Кириков С.В. Человек и природа степной зоны. С. 69.
- ⁵⁵ Ведомость о народонаселении России по уездам губерний и областей, составленная из всеподданнейших отчетов Губернаторов при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1850. С. 44–45; Ср: Кеппен П.И. О числе жителей в России в 1838 году // ЖМВД. 1839. Ч. 33. Кн. 10. С. 154, 159, 160.
- ⁵⁶ Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1864. Т. 36. Самарская губерния. С. XXVII–XXVIII; Ср: Лясковский Б.Э. Материалы для статистического описания Самарской губернии // Журнал Министерства внутренних дел (далее ЖМВД). 1860. Ч. 43. Кн. 8. Отд. 3. С. 55; Кеппен П.И. Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в 1851 г. СПб., 1858.
- ⁵⁷ Список населенных мест по сведениям 1859 года. С. XXIX; Ср.: Лясковский Б.Э. Указ. соч. С. 55.
- ⁵⁸ Лясковский Б.Э. Указ. соч. С. 57–58; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932, 1287–1288, 1303, 1316, 1305, 1338, 1348, 1366, 1410, 1422, 1430, 1432, 1874, 1876; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 387–390; Русская старина. 1870. Т. 2. С. 135; Новиков А. Заволжский кордон. С. 173.
- ⁵⁹ Лясковский Б.Э. Указ. соч. С. 59.

⁶⁰ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1914. Вып. 30. С. 89–91.

⁶¹ НА РГО. Раз. № 36. Д. 23. Л. 44.

⁶² ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11882. Л. 6об. – 10.

⁶³ ОР РНБ. Ф. 120 «Бычковы». Оп. 1. Д. 2398. Л. 98.

⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 120 «Бычковы». Оп. 1. Д. 2398. Л. 98.

⁶⁵ Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1900. Вып. 1. С. 221, 248.

⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 120 «Бычковы». Оп. 1. Д. 2398. Л. 98 и об.

⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 37 «Артемьев А.И». Оп. 1. Д. 685. Л. 5.

⁶⁸ НА РГО. Раз. № 36. Д. 23. Л. 61, 65.

⁶⁹ Лясковский Б.Э. Указ. соч. С. 60–63, 71, 75, 81, 89.

⁷⁰ Список населенных мест по сведениям 1859 года. С. XXXVIII.

⁷¹ НА РГО. Раз. № 34. Д. 6. Л. 27; Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. 1980. № 4. С. 29–30.

⁷² НА РГО. Раз. № 34. Д. 6. Л. 24 об.

⁷³ Подсчитано по: НА РГО. Раз. № 34. Д. 6. Л. 18.

⁷⁴ Список населенных мест. С. XXXVIII.

⁷⁵ НА РГО. Раз. № 34. Д. 6. Л. 19 и об.

⁷⁶ Там же. Л. 20.

ГЛАВА III.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

1. НАЦИОНАЛЬНАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Историографическая ситуация. Изучение национальной и конфессиональной политики Российской империи в последние два десятилетия стало чрезвычайно востребованной темой исторических исследований. Эта тенденция характерна не только для научного сообщества самой России и стран ближнего зарубежья, в свое время входивших в состав Российской империи, а затем СССР, но и для историков многих других стран: США, Германии, Франции, Японии.

Причин тому можно отыскать немало. В числе наиболее очевидных с точки зрения российского специалиста – распад Советского Союза, обострение межнациональных конфликтов в период кризиса советской системы и на постсоветском пространстве, идеологическая потребность вновь образовавшихся независимых государств и их элит в создании новых исторических нарративов, неминуемая конкуренция – а то и непримиримая рознь – между историческими мифологиями соседних государств или регионов. Если же смотреть на эти проблемы в мировом масштабе, можно констатировать, что интерес к изучению имперской национальной и конфессиональной политики стал закономерным следствием крупных геополитических процессов XX столетия.

Двадцатый век по праву вошел в историю как век краха империй. В начале века, в результате Первой мировой войны, были разрушены Австро-Венгерская, Османская и Российская империи (хотя через несколько лет большую часть утраченных владений Российской империи заново собрал и цементировал Советский Союз). Середина XX столетия стала временем распада морских

колониальных империй – Британской и Французской. Наконец, последнее десятилетие ушедшего века ознаменовалось кризисом и деструкцией грандиозных федеративных образований, созданных по национально-территориальному признаку – СССР и Югославии, за которыми в политическом арго давно закрепилось название «империй».

Независимые государства, возникшие на обломках прежних империй, казалось, въявь воплотили мечту о национальном самоопределении и суверенитете: со времен Великой Французской революции понятия «свобода» и «нация» звучали едва ли не как синонимичные, тогда как термин «империя», напротив, превратился в синоним угнетения. Но XX век преподнес человечеству важный урок, смысл которого состоит в том, что достижение национального суверенитета не сулит автоматического решения политических и социальных проблем. Реализация на практике принципа «одна нация – одно государство» на протяжении всего XX века зачастую влекла за собой цепочку новых кровоточащих проблем: спорных исторических прав на ту или иную национальную территорию, политических прав национальных меньшинств, межэтнических конфликтов, наконец, этнических чисток – от депортаций до геноцида, – ставивших целью сделать то или иное политическое пространство этнически однородным, унифицированным, каких бы человеческих жертв это ни стоило.

Наконец, на рубеже XX–XXI столетий мир столкнулся с новыми вызовами: массовая иммиграция в Европу из стран «третьего мира» заставила заново осмыслить практику толерантности и поставила на повестку дня вопрос о возможностях и перспективах сосуществования в рамках одного социума различных этнокультурных и конфессиональных сообществ; проблема мультикультурализма и его кризиса стала одной из самых острых, насущных проблем современной политической теории и практики.

Все это позволяет понять, почему национальная и конфессиональная политика Российской империи оказалась в центре внимания не только российских ученых и их коллег из стран ближнего зарубежья, но и историков из зарубежья дальнего. На крах империй, на проблемы самоопределения национальных государств, на вызов мультикультурализма мировая историческая наука в последние десятилетия XX века отреагировала стремительным формированием нового научного направления – истории империй как сложных политических образований, многонациональных и по-

ликонфессиональных. Актуальность этого научного направления определяется не просто закономерным ретроспективным интересом к имперскому опыту, но и, в первую очередь, стремлением непредвзято сопоставить альтернативные принципы государственно-политической организации, конфессиональной, национальной и культурной политики.

Два последних десятилетия отмечены появлением трудов, где Российская империя предстает в качестве гетерогенной, многонациональной и поликультурной целостности, что позволяет проследить взаимосвязь и взаимообусловленность имперской политики в самых разных регионах страны¹. В свет вышло немало интересных компаративных исследований, где сопоставляются практики управления покоренными территориями, методы обеспечения лояльности этнических меньшинств и меры по ответу на «вызов» национализма со стороны различных морских и континентальных империй². Заслуживает самого пристального внимания появление работ историографического и методологического характера, в которых подводятся предварительные итоги изучения «имперской» проблематики в отечественной и зарубежной историографии и намечаются перспективы дальнейших исследований³.

Осмысление проблем современности позволило исторической науке частично реабилитировать имперскую практику государственного строительства, осознать не только репрессивность империй, но и их конструктивный потенциал. Как отмечает японский историк К.Мацузато, выражая общее мнение многих исследователей, «политику Российской империи вообще нельзя исследовать ни через призму “тюрьмы народов”, ни с помощью биполярной схемы “угнетение – сопротивление”»⁴. В фокусе внимания историков теперь находятся не только факторы, определившие распад империй, но и факторы, обуславливавшие их жизнеспособность в течение длительного исторического периода. Поэтому историография данной проблемы носит интернациональный характер.

Специфика региона. Отсчет истории Российской империи (и, соответственно, имперской политики) зарубежные авторы начинают, как правило, не с 1721 года, когда Петр I официально принял титул императора, а с 1550-х гг., когда в составе Московского государства впервые оказались обширные территории Поволжья, не просто заселенные в большинстве своем нерусским и неправославным населением, но и обладающие – что принципиально важно – иными политическими традициями⁵. Именно пос-

ле завоевания Казанского и Астраханского ханств российским правителям пришлось решать несколько принципиально важных задач. Как организовать управление покоренной территорией? Какой правовой и социальный статус закрепить за новыми подданными? Что делать с прежними элитами: подавлять ли их или же брать на службу и интегрировать в состав правящей элиты? И, наконец, вести ли широкое христианское миссионерство, массовые «добровольно-принудительные» крещения или же применять практику религиозной толерантности? От ответов на эти вопросы во многом зависело, какой облик в дальнейшем примет формирующееся государство, как будут складываться его отношения с новыми подданными на других присоединенных территориях.

Разумеется, от найденного ответа зависели в первую очередь исторические судьбы самого региона. Юго-Восток Европейской России, включавший в себя Среднее и Нижнее Поволжье, Южный Урал и Приуралье, в геополитическом и этнокультурном отношении с давних времен был зоной активного взаимодействия многих акторов. Уникальное этническое и конфессиональное разнообразие населения этого региона отмечают все исследователи, занимающиеся данной проблематикой. В качестве субъектов этнокультурного взаимодействия и объектов имперской политики здесь выступали как этнические группы (башкиры, марийцы, мордва, русские, татары, удмурты, чувашаи), так и конфессиональные группы населения – мусульмане и язычники, православные русские и «новокрещены» из местных народов. По образу жизни резкий контраст друг другу составляли оседлые земледельцы и степняки-кочевники. «Это было место встречи трех культурных миров, – пишет П.Верт, – православных славян, тюрков-мусульман и языческих финно-угорских племен»⁶.

Поэтому с середины XVI в. обширные территории Юго-Востока Европейской России играли роль своеобразной «творческой лаборатории» или даже «опытного полигона», где вырабатывались принципы внешнеполитической, а затем – по мере превращения региона во «внутреннюю окраину» – и внутривнутриполитической стратегии Российского государства. Именно здесь апробировались, внедрялись на практике принципы политики по отношению к степнякам, мусульманам, язычникам, а также крещеным нерусским народам; на протяжении XVI–XVIII вв. регион видел множество сменяющихся стратегий имперской политики – договорные отношения и военно-административный контроль, пошаговое хозяй-

ственное освоение и направляемые миграционные потоки, христианское миссионерство и религиозную толерантность, курс на сегрегацию или, напротив, на аккультурацию различных групп местного населения.

И в конечном итоге эту политику нельзя было не признать успешной. Несмотря на этноконфессиональное разнообразие и бурное историческое прошлое, к середине XIX в. «Волжско-Уральский регион не демонстрировал потенциала сепаратизма, сравнимого с польским, и не требовал “успокоения”, как Кавказ или Средняя Азия»; отделение его от России «большинству современников казалось мало вероятным»⁷. Это дополнительно укрепило значение региона как «творческой лаборатории» по выработке национальной и конфессиональной политики империи. Используя сравнение, предложенное Р. Джераси, можно сказать, что для России этот регион представлял собой «окно на Восток», служа главным посредником в сложных и парадоксальных отношениях империи с Азией, – в той же мере, в какой Санкт-Петербург и Прибалтика были окном в Европу⁸. Это, по всей видимости, и является причиной заинтересованного внимания современной историографии именно к Поволжью и Приуралью – как к зоне макрорегионального взаимодействия империи и ее столь несхожих друг с другом подданных.

Империя и идентичность. При изучении политики Российской империи по отношению к различным группам населения того или иного региона историки сталкиваются с необходимостью учитывать особенности идентификации подданных Российской империи. Как показывает опыт, проекция в прошлое современных реалий, в частности этнонимов и этнических границ, чревата весьма неоднозначными последствиями, например, «войной идентичностей» между национальными элитами. Поэтому, воссоздавая историю того или иного региона, следует учитывать сопутствовавшие ей неизбежные «изменения в идентичности, этнонимах и политической структуре»⁹.

Вопрос о методах, которые использовала сама Российская империя для классификации своего населения на разных исторических этапах, стал даже предметом отдельных исследований. Исследователи отмечают, что национальная идентификация подданных долгое время не применялась в Российской империи как таковая¹⁰. Население империи вплоть до начала XX в. классифицировалось на основе сословной и религиозной принадлежности.

В XVIII–XIX в. обязанность метрикации (регистрации гражданского состояния подданных) возлагалась на священнослужителей признанных государством конфессий. Религиозная принадлежность служила не просто средством идентификации подданных, но и маркером политической лояльности: принадлежность к православии была залогом максимальной благонадежности.

Лишь на закате империи стали использоваться элементы этнической идентификации: так, в ходе первой всероссийской переписи населения 1897 г. жителям Российской империи задавали вопросы об их вероисповедании и родном языке, а после издания Закона о веротерпимости 1905 г. родители учащихся должны были указывать родной язык их сына или дочери для организации обучения Закону Божьему на родном языке. Однако единый подход к классификации населения так и не был выработан: как отмечает Ч. Стейнвелд, при организации выборов в IV Государственную Думу в Уфимской губернии «люди с мусульманскими фамилиями значились как “магометане” в Белебее, как “башкиры” в Бирске и как “татары” в Мензелинске»¹¹.

Сословная идентификация на окраинах империи также имела свои особенности. Уже давно отмечено, что правовые реалии Российской империи были гораздо сложнее и запутаннее, чем традиционная «четырёхсословная» схема (дворянство – духовенство – городские обыватели – сельские обыватели), использовавшаяся в основном в риторических и пропедевтических целях. В некоторых случаях этнические и сословные категории пересекались друг с другом. Характерен пример башкир: как показывает тот же Ч. Стейнвелд, в период 1762–1865 гг. Российское государство способствовало превращению башкир в особое военно-служилое сословие, находившееся под кантонной системой управления. Соответственно и законодательные акты того времени определяли башкир не по этнической или конфессиональной принадлежности, а по юридическому статусу: в документах того времени встречались такие выражения, как «башкиры из черемисов» или «башкиры из вотяков», то есть иммигранты, вливавшиеся в состав населения волости, также считались башкирами; этнические категории в данном случае накладывались на сословную идентификацию¹².

Широко использовалась в Российской империи также идентификация, не носившая вероисповедного характера и применявшаяся в основном в сибирских и южных степных регионах, а так-

же по отношению к евреям: категория *«инородцы»*. Она стала официальной с момента вступления в силу *«Устава об управлении инородцев»*, разработанного М.М. Сперанским в 1822 г. и официально действовавшего до 1917 г. В этом документе инородцы определялись и классифицировались по их *«гражданскому образованию»* и *«образу жизни»* – как оседлые, кочевые и бродячие.

Вопрос о характере категории *«инородцы»* и о том, что лежало в ее основе, – юридические, экономические, религиозные, этнические или расовые различия, – до сих пор является предметом дискуссии. По мнению Ю. Слезкина, первоначально законодатели рассматривали *«инородцев»* как потенциальный объект цивилизаторского воздействия и аккультурации: предполагалось, что *«рано или поздно история сама приведет коренные народы к объединению с русскими»*; однако при этом возможность выхода из статуса *«инородца»* не была предусмотрена законом ни для групп, ни для индивидуумов¹³. Как аргументирует Дж. Слокум, по отношению к одним народам категория *«инородца»* могла служить показателем уровня цивилизованности (*«бродячие»* и *«кочевые»* считались более отсталыми, чем *«оседлые»*), а применительно к другим – *«юридическим знаком расовых различий»*, своеобразным *«клеймом чужака»*. В первом случае *«инородцы»* рассматривались как возможный объект ассимиляции, во втором – как источник потенциальной угрозы. Именно во втором смысле термин *«инородцы»* на закате империи активно использовался как идеологическое оружие в дискурсе консервативных и правомонархических кругов и применялся в максимально расширительном значении – для обозначения всех нерусских народов империи. Но так или иначе с учетом исторического контекста не представляется возможным рассматривать эту категорию исключительно как сословно-юридическую¹⁴.

Таким образом, современные исследования позволяют увидеть многослойность и неоднозначность идентификационных процессов на имперских окраинах. Империя, осуществляя свою политику, проводила разграничения между подданными по самым разнообразным критериям, которые зачастую не совпадали с самоидентификацией этих подданных – и тем более далеко не всегда могут быть соотнесены с современными национальными различиями. Политика империи по отношению к различным группам населения в реалиях того времени могла выступать как конфессиональная или, например, сословная политика, хотя с позиций совре-

менного исследователя соблазнительно охарактеризовать ее как национальную.

«Степная политика»: империя и кочевники. В российской исторической науке земледельцы и кочевники традиционно рассматривались как антагонисты: вспомним знаменитую концепцию «борьбы леса и степи» у С.М. Соловьева, нашедшую визуальное отображение в былинно-исторической живописи В.М. Васнецова. Однако в современной историографии для характеристики политических стратегий самой Российской империи на юго-восточных границах нередко используется термин «степная политика». При изучении «степной политики» продуктивным оказалось применение концепции фронта, предложенной американским исследователем Д. Тернером; этот подход позволяет проследить, как постепенно расширялась в степь зона влияния Российского государства, и как, соответственно этому, с каждым следующим шагом изменялись методы и формы отношений со степняками-кочевниками. Сущность «степной политики» империи тем не менее в историографии трактуется по-разному.

Так, в работе А. Доннелли «Завоевание Башкирии Россией» отстаивается идея, что «русское государство проводило здесь такую же имперскую политику, как и другие европейские державы той эпохи в других частях света». Главным политическим принципом России в регионе, согласно Доннелли, было насилие, важнейшим орудием проникновения в степь – военная сила, мотивами завоевания – тот же «сложный комплекс разнообразных причин: экономические интересы, желание овладеть стратегической позицией и вера в свое морально-культурное превосходство», что и у других народов Европы «эпохи империализма». В то же время историк признает, что некоторые методы Российской империи, в частности набор больших групп местного населения этих регионов на военную службу и использование их «против их же враждебных соплеменников», были полностью противоположны колониальной политике властей Великобритании или США, которые никоим образом не пытались «интегрировать местные культуры в англо-американское общество»¹⁵.

В свою очередь, А. Каппелер и М. Ходарковский считают, что «степная политика» Российского государства кардинально отличалась от «классической» колониальной политики, знакомой исследователям по истории морских империй. Согласно периодизации, предложенной А. Каппелером, вся первая стадия имперской

политики Российского государства (XVI–XVIII вв.) генетически была связана с «традиционной степной политикой» Золотой Орды и отличалась ярко выраженной прагматической направленностью. Эта «степная политика» предполагала сотрудничество с местными элитами (вплоть до интеграции их в правящее сословие Российского государства), сохранение прежнего социального статуса местного населения, религиозную толерантность (не исключавшую, впрочем, нескольких волн миссионерской активности). Именно такая политика, по Каппелеру, позволила Российскому государству установить и удержать свое господство на землях Поволжья, Урала и Приуралья, Сибири¹⁶. Зарубежные исследователи в целом достаточно единодушно признают, что на этапе становления централизованного государства Москва охотно перенимала политические практики Золотой Орды¹⁷; это не случайно, если вспомнить, например, что основоположником американской русистики был евразиец Г.В. Вернадский.

М. Ходарковский, детально проследивший становление политики России по отношению к степным кочевникам на протяжении 300 лет, доказывает, что специфический российский колониализм до XIX в. (до завоевания Кавказа и Средней Азии) носил «органический» характер и строился как договорная система: при продвижении на юг и юго-восток Москва требовала от своих воинственных степных соседей подписания договора на подданство — шерти (от арабского «šart» — соглашение). При этом, в силу особенностей своей политической культуры, степняки обычно рассматривали «шерть» как временное союзническое обязательство, а Москва — как вечную присягу на верность; это культурное непонимание зачастую вело к трагическим, кровопролитным последствиям. Подписание шерти, как правило, становилось узловым, но далеко не последним этапом сложной «степной дипломатии», включавшей в себя обмен дарами, данничество, взятие заложников-аманатов и другие разнообразные методы политического давления и подчинения. Лишь при Екатерине II, с точки зрения исследователя, империя берет последовательный курс не на косвенное, а на прямое управление степными окраинами; именно тогда европейски ориентированная политическая элита Российского государства начала воспринимать степняков как «диких», исповедуя представления о «цивилизующей миссии» империи, о «бремене белого человека»¹⁸.

С тем, что с XIX в. Российская империя начала практиковать колониальную политику, характерную для Европы Нового времени и основанную на «европоцентристском чувстве превосходства» (а потому более не предполагавшую кооптацию местной элиты в состав элиты имперской), согласен и А. Каппелер¹⁹.

Однако установление политического контроля над степняками-кочевниками было лишь началом длительного процесса интеграции новых подданных в состав империи. О том, какими методами совершалась эта интеграция, какие способы использовала империя для обеспечения лояльности вчерашних противников, и как имперская политика влияла на формирование самосознания подданных, речь идет, в частности, в работе Стейнведела «Племя, сословие или национальность?», посвященной формированию идентичности башкир.

Исследователь рассматривает взаимоотношения имперского правительства и башкир как двусторонний процесс, своеобразный диалог между империей и ее подданными, который велся в режиме «вызов – ответ». Согласно его реконструкции, первым шагом к установлению прочных отношений между Российским государством и башкирами (еще во времена Ивана IV) было признание за башкирскими кланами наследственного права на племенные земли. Тем не менее в течение XVIII в. имперские власти постоянно нарушали это право, что было связано с необходимостью постройки в Приуралье крепостей и заводов и наделения землей тех, кто состоял на государственной службе; ответом стала серия волнений башкир, в том числе участие их в восстании Е.И. Пугачева. В эпоху Екатерины II имперская администрация была вынуждена искать новые методы взаимодействия с местным населением; введение кантонной администрации и создание служилой башкирской элиты способствовали «трансформации башкирского населения в военное сословие» и длительному «успокоению» региона.

Однако затем, в эпоху Великих реформ, принципы политики имперского центра вновь изменились: правительство, не испытывавшее более потребности в сословной военной службе и движимое идеей унификации гражданских прав, ликвидировало кантонную систему, распустило башкирские воинские части и фактически санкционировало стремительный захват башкирских земель переселенцами из других регионов. (Катастрофические темпы распродажи башкирских земель выразительно обрисованы, в частно-

сти, в работе самарских историков)²⁰. Обособленное башкирское сословие исчезло; башкирская элита влилась в состав элиты имперской, а рядовое население – в состав «свободных сельских обывателей»; система местного управления и самоуправления была приближена к той, которая существовала в центральных регионах империи; вынужденный переход башкир от кочевого к оседло-земледельческому образу жизни способствовал уменьшению их культурных различий с соседними народами. И все же именно эти процессы в конечном итоге послужили катализатором формирования башкирской национальной идентичности. Башкиры, утратившие признаки обособленного сословия, стали восприниматься другими и воспринимать самих себя как народность, «коренное население края», обладающее «башкирскими национальными интересами»; а молодая политическая элита башкир в начале XX в. воспользовалась трибуной Государственной Думы, чтобы начать борьбу за возврат конфискованных земель²¹.

Государственная политика в данном случае, как доказывает Стейнведел, привела совершенно не к тому результату, который империя могла бы считать желательным: на рубеже XIX–XX вв. именно борьба за земельные ресурсы, как и возникновение национальных движений, стали важнейшим политическим вызовом, угрожавшим целостности империи. Трансформация воинов-кочевников в крестьян, контрагентов в подданных оказалась чревата новыми социальными и политическими проблемами.

Империя и мусульмане. История взаимоотношений между Российским государством и его мусульманскими подданными также уходит своими корнями еще в эпоху Золотой Орды. Как отмечал Ч. Гальперин, христианско-мусульманские отношения в Средние века причудливо сочетали, с одной стороны, религиозную предвзятость, доходившую до фанатичной нетерпимости, с другой – прагматическое сотрудничество, не исключавшее заимствований различных черт другой культуры²². Представляется, что этот вывод справедлив и применительно к более поздним историческим периодам.

На первоначальном этапе отношение российского правительства к его мусульманским подданным, безусловно, во многом определялось религией. Завоевание Иваном IV Казанского ханства в летописях и иконописной традиции того времени было отражено как крестовый поход против «безбожных агарян»; после взятия города казанские мечети были разрушены, татары-мусульмане

выселены из стратегически важных районов, а православная церковь в 1550–1560-е гг. развернула активную миссионерскую деятельность, предписывая «новокрещеных... жаловать и беречь во всем» и угрожая суровыми карами за отпадение от православия и возвращение в ислам. Однако уже через несколько лет после завоевания края Москва выработала основы достаточно гибкой и прагматической политики, целью которой было «умиротворение» местного населения и недопущение восстаний. Эта политика базировалась на сотрудничестве с нерусскими элитами: власти подтвердили права на прежние владения лояльных им служилых людей, и таким образом на восточных рубежах тогдашнего Московского государства образовалась заметная группа «служилых татар», неслих иррегулярную военную службу. Таким образом, татарская землевладельческая элита фактически сближалась с дворянским сословием Московского государства, однако исламское вероисповедание оставалось препятствием для полной ее интеграции²³.

На рубеже XVII–XVIII вв. Петр I предпринял попытку форсировать интеграцию местной элиты: мусульманским помещикам было приказано перейти в христианство, в противном случае их имения, населенные русскими крестьянами-христианами, подлежали конфискации. Эта политика внесла раскол в татарскую элиту: меньшая ее часть перешла в православие, сохранила свои поместья и получила статус потомственного дворянства (вступив тем самым на путь быстрого «обрусения»); большинство же сохранило верность исламу и поплатилось за это утратой своих поместий (бывшие татарские дворяне-мусульмане в 1718 г. были приписаны к сословию «однодворцев», а затем с ликвидацией этой категории, перешли в сословие государственных крестьян – за исключением тех, кому хватило капитала для записи в купечество). Следующий миссионерский натиск на мусульман начался в 1740 г. под патронажем Новокрещенской конторы и сочетал дискриминацию некрещеных с различными льготами для крестившихся; однако следует отметить, что в отношении языческого населения Поволжья эта политика возымела больший успех, чем в отношении мусульман²⁴.

С 1760-х гг. Екатерина II поворачивает к политике религиозной толерантности и сотрудничества с местной элитой (в том числе мусульманской). В Казани было дозволено строительство мечети (этот символический шаг был сделан после визита императрицы в Казань в 1763 г.); в 1784 г. потомкам мусульманской аристок-

ратии было разрешено вступать в ряды русского дворянства без крещения, но и без права иметь русских крепостных. Татарские купцы получили торговые привилегии, а мусульманское духовенство – собственное ведомство, Оренбургское магометанское духовное собрание, действовавшее с 1788 г.; духовное собрание выполняло функцию контроля над мусульманским духовенством и одновременно служило гарантией признания прав мусульман в империи²⁵.

Как представляется, поворот просвещенной императрицы к веротерпимости был вызван прежде всего геополитическими соображениями. В той крупномасштабной борьбе, которую вела Российская империя с империей Османской за доминирование на Черном море, России было крайне важно привлечь на свою сторону потенциальных новых подданных – в том числе и мусульман – и обеспечить их лояльность. Татары выступили в данном случае в роли «своеобразной лакмусовой бумаги, на которой власть проверяла жизнеспособность своих начинаний в отношении ислама»²⁶. Но так или иначе этот шаг Екатерины заслужил ей добрую репутацию у татарского населения и послужил началом своеобразного «мусульманского ренессанса» в регионе.

Преемники Екатерины II в XIX в., как правило, не отступали от политики веротерпимости: право мусульман свободно исповедовать свою веру и исполнять культовые обряды оставалось нерушимым. Тем не менее это не означало ни правового, ни реального равенства конфессий: сохранялось монопольное право православной церкви на миссионерскую деятельность, действовали суровые запреты на «сворачивание» в ислам. В исследовании А. Ногманова подробно прослежено, как в правовой практике Российской империи XIX века разнообразные правовые ограничения для мусульман сочетались с проявлениями толерантности: с одной стороны, разнообразные формы административно-правовой и бытовой сегрегации мусульман и христиан, ограничения для мусульман на занятие должностей в органах управления и самоуправления, в образовательной сфере; с другой – фактическое узаконение мусульманского обычного права на окраинах империи, введение должностей мулл в отдельных воинских частях, постепенное смягчение условий возведения мусульманских культовых зданий и т. д.²⁷

В XIX в. империя столкнулась с новыми «вызовами», по отношению к которым необходимо было отыскать линию реагирования. Один из таких вызовов исходил со стороны панисламских и

пантюристских движений (что было особенно актуально и особенно опасно – с точки зрения империи – на Юго-Востоке Европейской России). Исламская пропаганда воспринималась империей как опасность тем в большей степени, что у этой пропаганды была обширная потенциальная зона влияния: «языческие», неассимилированные, некрещеные подданные, а также этноконфессиональные группы со сложной, «буферной» идентичностью. Активные миссионерские усилия татарского мусульманского духовенства по обращению в ислам чувашей, а также по возвращению в ислам крещеных татар (татар-кряшен) наглядно показывали российскому правительству, что ислам становится серьезным соперником православия в борьбе за культурное доминирование в регионе. Согласно исследованию А. Кефели-Клай, четыре больших «волны» коллективных актов вероотступничества крещеных татар в XIX – начале XX в. совпадали «либо со сменой правления, либо с переписями прихожан... либо с периодами конфликтов между Россией и Турцией»²⁸. Именно массовый переход крещеных татар в ислам в 1866 г. (подробно рассмотренный, в частности, К. Нисиямой) побудил империю серьезно пересмотреть основы своей конфессиональной политики в регионе²⁹.

Обеспокоенное правительство принимало меры по предотвращению дальнейшей исламизации региона; в число этих мер входила, в частности, «встречная» миссионерская деятельность христианского духовенства, заметно активизировавшаяся в 1860–1870-е гг. Для организации и поддержки православных миссий в 1865 г. было создано Православно-русское миссионерское общество. Профессор Казанской духовной академии Е.А. Малов разработал способ распространения православия среди мусульман: этот метод заключался в «опровержении ислама» через индивидуальные полемические беседы миссионеров с мусульманами. Однако метод Малова, рассчитанный на религиозно образованных мусульман, не получил массового применения и не принес заметных успехов³⁰.

Правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», утвержденные в 1870 г., предусматривали создание русско-татарских школ, где должны были преподаваться русский язык (учителями из коренного населения или русскими, свободно знающими татарский), чистописание, арифметика и мусульманское вероучение. Для русско-татарских школ создавались специальные учебники, написанные кириллическим шрифтом (как явный про-

тивовес «мусульманской письменности» – арабской графике). За короткий срок в регионе были созданы школы, готовившие учителей для вышеназванных учебных заведений: Казанская татарская учительская школа, Уфимская татарская учительская школа и Бирская инородческая учительская школа. Целью здесь была уже не проповедь православия, а приобщение татар к русской светской культуре, которая должна была стать альтернативой мусульманскому «фанатизму»; в частности, учительские школы, по замыслу их основателей, должны были воспитать новое поколение либерального мусульманского духовенства и законоучителей, которое могло бы уравновесить влияние консервативных мулл. Русские классы (т.е. классы с преподаванием русского языка и общеобразовательных дисциплин) вводились также в традиционных мусульманских учебных заведениях – мектебах и медресе; знание русского языка стало считаться обязательным для мусульманского духовенства. Идеологом и страстным адептом этой политики был В.В. Радлов, в 1871–1884 гг. занимавший пост инспектора татарских, башкирских и киргизских мусульманских школ Казанского учебного округа. Впрочем, как показывает статистика, к 1904 г. в Казанском учебном округе существовала только 31 русско-татарская школа, а во всей Российской империи таких школ было менее трехсот³¹. Одной из причин такой плачевной ситуации было то, что первоначально русско-татарские школы столкнулись с сильным сопротивлением местного населения: от пассивного (нежелания отдавать туда детей) до активного (вплоть до разрушения школ и угроз в адрес учителей). Лишь после революции 1905 г., открывшей новые политические возможности и перспективы, в среде поволжских татар возросла потребность в светском образовании и знании русского языка, и деятельность русско-татарских школ заметно оживилась³².

Другим вызовом, с которым столкнулась империя на своих южных и восточных окраинах, с 1880-х гг. стало движение джадидизма (иначе – «новометодное»). Его главной идеей было поднятие образовательного и нравственного уровня татар и других тюркских мусульманских народов через синтез духовных ценностей ислама и европейской культуры: в частности, через основание «новометодных» школ, сочетавших религиозное и светское образование и внедрявших передовые методы обучения. Языком обучения был тюркский. Наиболее далеко идущей целью джадидизма было объединение тюрко-мусульман в единую культурную общ-

ность на основе ислама и тюркского литературного языка; по мнению А. Халида, реформаторы рассматривали ислам как основу коллективной идентичности мусульманской общины, но их понимание ислама было сформировано в контексте десакрализованного мира³³. Основоположником этого движения был крымский татарин И. Гаспринский; оно нашло немало приверженцев среди поволжских и крымских татар, башкир, тюркских народов Закавказья и Средней Азии, но именно волжско-татарская интеллигенция оказалась наиболее восприимчивой к идеям джадидизма (казанские муллы-просветители Ш. Марджани и А. Насыри внедряли подобную практику обучения еще до Гаспринского). Признанными центрами прогрессивной мусульманской культуры, помимо Казани, стали Оренбург и Уфа. «Народный ислам», который бытовал в среде татарских крестьян (в том числе и крещеных), с точки зрения джадидов, был пронизан магией и суевериями и потому подлежал преодолению; по отношению к своим невежественным единоверцам джадиды брали на себя миссию просветителей и миссионеров³⁴.

Распространение джадидизма серьезно встревожило православных миссионеров: они сочли, что новое течение, способствующее формированию татарской интеллигенции, потенциально чревато сепаратизмом. Известны слова Н.И. Ильминского, сказанные при обсуждении кандидатуры на пост главы Оренбургского магометанского духовного собрания: «Фанатик, не знающий русского языка, менее опасен, чем по-русски образованный татарин»³⁵; новая интеллигенция, способная использовать европейские и русские идеи для обоснования различных сценариев коллективной идентичности, воспринималась как потенциальная угроза целостности империи. В 1910 году правительство П.А. Столыпина собрало даже «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае». Участники совещания, признавая «грозную опасность» пантюркизма и «панмусульманства» для империи, возлагали ответственность за распространение этих «антигосударственных течений» на интеллигенцию Османской империи – «передовых европейски образованных руководителей» движения младотурок, а также на «передовых представителей татар Поволжья», фактически превративших «новометодные» конфессиональные школы в «автономно-национальные мусульманские учебные заведения». В качестве ответного шага предлагались «рациональные меры культурного

значения», прежде всего, закрытие «русских классов» в «новометодных» школах и недопущение «уклонения конфессиональных мусульманских школ в сторону общеобразовательную», и, кроме того, подчинение частных школ государственному регулированию³⁶.

Таким образом, в Поволжье на рубеже XIX–XX вв. столкнулось несколько миссионерских и просветительских проектов, адресатами которых было местное мусульманское население, а также крещеные татары: в первую очередь, православно-русский и джадидистский проекты. Любопытно, что в той ситуации именно первый из этих проектов был направлен на консервацию традиционной исламской культуры, а второй – на ее модернизацию и приобщение к ценностям культуры европейской. Альтернативу тому и другому, с точки зрения имперского правительства, мог бы составить проект аккультурации местных мусульманских народов, их приобщения к русскому языку и светской русской культуре без перемены религии (эту цель преследовала политика В.В. Радлова); однако уже К.П. Победоносцев считал эту практику политически опасной – она слишком напоминала идеи Гаспринского³⁷.

В начале XX в., когда в Российской империи стремительно развернулась «национальная мобилизация», ситуация в Поволжье отличалась ярко выраженной спецификой: мусульманское движение здесь образовалось гораздо быстрее и заявило о себе на общероссийском уровне намного решительнее, чем национальные движения местных народов (пример тому – созыв Всероссийского съезда мусульман, создание политического движения «Иттифак», образование мусульманской фракции в Государственной Думе). А. Каппелер использует для характеристики этих движений парадоксальный, амбивалентный термин: «мусульманский национализм», подчеркивая, что в нем соединились религиозная и этническая идентичность³⁸. Джадидистский проект строительства единой тюрко-мусульманской нации хотя и не был никогда реализован полностью, способствовал формированию самосознания региональной интеллектуальной элиты.

Империя и язычники. Объектом соперничества между различными миссионерскими, просветительскими и ассимиляторскими проектами на рубеже XIX–XX вв. оказалось не только мусульманское и крещено-татарское население региона, но и языческое.

Основные практики отношения Российского государства к его языческим подданным, как и в случае с мусульманами, стали формироваться сразу же после завоевания Казани. В XVI в. марийцы,

мордва, чуваша, удмурты были записаны в «ясачные люди»; с 1720-х гг., после ликвидации этой правовой категории в Поволжье, причислены к сословию казенных крестьян. Но в том и другом случае они находились в прямой зависимости от царской власти, выступавшей как собственник государственных земель. Многие определялось и тем, что у указанных народов не было столь же развитой землевладельческой элиты, которая могла бы, как у татар, послужить опорой и главным адресатом государственной политики. Как и татары-мусульмане, языческие народы Поволжья оказались объектом христианизации; ее старт во второй половине XVI в., медленный ход в XVII в. и резкая активизация в 1740-е гг. подробно представлены, например, в работе Д.М. Макарова³⁹.

Активизация крещений при Петре I и его преемниках была связана с тем, что в «век Просвещения» российская культура усвоила новые представления о том, какими должны быть взаимоотношения империи с ее подданными. Представления о цивилизаторской миссии империи были сродни тому «бремени белого человека», о котором столь вдохновенно писал Р. Киплинг. В реалиях того времени, как иронично замечает Ю. Слезкин, «усилия в деле секуляризации привели к крестовому походу... Погоня за цивилизацией начиналась с крещения»⁴⁰.

Относительно того, насколько амбициозно и оптимистично империя воспринимала свою цивилизаторскую миссию, в исследовательской литературе существуют разные мнения. Так, согласно У. Доулеру, имперская элита в XIX в. руководствовалась не только представлениями о необходимости русской культурной экспансии, но и верой в закономерность и неизбежность поглощения «низших» культур «высшими»⁴¹. Напротив, согласно мнению Р. Джераси, идеал полной ассимиляции окраин мог существовать лишь в умозрительном измерении, но к началу XX в. уже мало кто считал его реалистичным⁴².

В этой ситуации один из возможных путей к преодолению историографических разногласий может заключаться в том, чтобы обратить исследовательское внимание на так называемые казусы – яркие и выразительные примеры, на основании которых можно судить о сущности взаимоотношений между империей и ее языческими подданными.

Так, в монографии П. Верта подробно рассматривается история насильственного крещения 800 марийцев в 1845 г. На первый

взгляд, этот казус может свидетельствовать о репрессивном, грубо насильственном характере имперской конфессиональной политики. Однако, как показывает Верт, позиция «русской» стороны не была однозначной и монолитной: если центральные власти требовали, чтобы принятие христианства было искренним и обдуманым решением неофитов, то, напротив, местные чиновники форсировали крещения, поскольку видели в них инструмент распространения своего влияния. В результате марийский казус оказывается вписанным в более широкий контекст, нежели религиозный: крещение марийцев выступает как одна из возможных форм конфликта интересов нескольких акторов, а также как пример практики властного вмешательства в жизнь государственных крестьян⁴³.

Другой известный казус, на основании которого часто судят о характере политики Российской империи по отношению к язычникам, – знаменитое «Мултанское дело» (дело по обвинению крестьян-удмуртов из села Старый Мултан Вятской губернии в человеческом жертвоприношении, троекратно рассматривавшееся в суде присяжных на протяжении 1892–1896 гг. и завершившееся оправданием подсудимых). За последние годы оно оказалось в центре нескольких интересных исследований, в том числе уже упоминавшейся работы Р. Джераси «Окно на Восток», – и послужило узловой точкой любопытных историографических дебатов.

Как полагает Р. Джераси, «Мултанское дело» самим фактом его возбуждения поставило под вопрос эффективность усилий империи по обрусению и аккультурации «инородцев»: можно ли было говорить об успехе цивилизаторской миссии, если в конце XIX столетия в европейской части империи – с точки зрения прокуратуры – все еще практиковались человеческие жертвоприношения? «Мултанское дело», согласно концепции Джераси, означало, что имперские элиты (по крайней мере, их часть) добровольно отказались от «бремени белого человека», найдя другой идеологический ход: нарочитое подчеркивание отсталости и дикости языческих народов должно было тем самым способствовать возвышению «господствующей нации»⁴⁴. Российский историк А. Шепталин более оптимистичен. Согласно его реконструкции, «Мултанское дело» и его общественный резонанс послужили показателем того, что «инородцы» перестали быть в гражданско-правовом отношении людьми «второго сорта» и были интегрированы в правовое про-

странство империи (хотя к этому оказались не готовы местная полиция и судебные власти)⁴⁵.

Но во всех этих случаях, изучая политику империи по отношению к язычникам, исследователи в результате делают важные выводы относительно «ментальных карт» империи, репрезентации и саморепрезентации имперских элит, идеологических дискурсов, с помощью которых эти элиты обосновывали свои политические стратегии. Как и в случае с мусульманами, религиозная вера не трактовалась в империи как личное дело подданных: она служила показателем лояльности, уровнем измерения цивилизованности, маркером различий между различными категориями подданных.

«Система Ильминского» на перекрестке дискуссий. Пожалуй, трудно назвать хотя бы одно современное исследование по истории национально-конфессиональных отношений в Поволжье в XIX – начале XX вв., где была бы обойдена молчанием так называемая «система Ильминского» – система начального народного образования и религиозного просвещения, разработанная специально для коренных народов Поволжья применительно к условиям региона.

Николай Иванович Ильминский, профессор Казанской духовной академии и Казанского университета, востоковед, миссионер и педагог, состоявший в интенсивной переписке с К.П. Победоносцевым, разработал свою систему народного образования для «инородцев» под влиянием конкретных событий в Поволжском регионе, в частности, массового перехода татар-кряшен в ислам в 1866 г., чтобы удержать крещеных «инородцев» в православии и предотвратить их возможную исламизацию.

Основным пунктом системы Ильминского было преподавание в начальных народных училищах на родных языках коренных народов Поволжья, в том числе и преподавание православного Закона Божьего, чтобы изучаемые истины «непосредственнее принимались умом и усваивались сердцем»⁴⁶. Другой важный пункт предполагал, что учитель должен принадлежать к той же народности, что и его ученики. Соответственно для реализации этой программы требовались: перевод Священного писания на языки народов Поволжья; миссионерская деятельность; подготовка православных священников и учителей из национальных кадров; открытие специальных православных школ для «инородцев»; создание национальных алфавитов на основе кириллицы. Все это вместе взятое должно было способствовать «утверждению в вере» тех, кто уже крестился, и вовлечь в сферу влияния православия неопитов. Как

и метод Е.А. Малова, система Ильминского предполагала не формальное крещение, а религиозное убеждение «иноверцев» и колеблющихся; но если метод Малова был адресован образованной мусульманской элите, то потенциальной сферой влияния системы Ильминского были «простолюдины», прежде всего крестьяне.

В 1867 г. Ильминский стал фактическим руководителем православно-миссионерского Братства св.Гурия, а в 1870 г. принципы, предложенные Ильминским, были положены в основу Правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» и тем самым стали определять государственную политику не только в Поволжье, но и во всех восточных регионах империи. К 1891 г. – году смерти Ильминского – в Казанской губернии существовало по меньшей мере 122 школы для христиан-«инородцев», где обучалось около 3 400 учеников; как правило, это были чуваша, марийцы, удмурты и мордва⁴⁷. Следует отметить, что метод Ильминского широко применялся прежде всего в школах для крещеного нерусского населения и для язычников; в школах для мусульман его применение было выборочным, поскольку какая-либо пропаганда православия тут не допускалась. В равной степени не планировалось применение системы Ильминского на Кавказе или в Средней Азии, а также на западных окраинах империи⁴⁸.

Таким образом, Ильминский и активно продвигавший его идеи Победоносцев считали не только допустимым, но и желательным сохранить этнические (прежде всего языковые) различия между народами востока империи, а также создать местные образованные кадры: по крайней мере, на уровне священнослужителей и учителей народных школ. Это был проект аккультурации (приобщения к православию) коренного населения без его ассимиляции.

Однако в этом и крылась потенциальная двойственность системы Ильминского: если придать местным языкам статус литературных, не вызовет ли это развитие национального самосознания? И не приведет ли воспитание священников из «инородцев» к созданию национальной интеллигенции и к дальнейшему развитию событий по «украинскому» или даже «польскому» сценарию?.. Предусматривая такую возможность, осторожный Ильминский предлагал целый комплекс воспитательных мер по предотвращению «излишнего» обрусения молодых учителей и священников из местного населения, по сохранению их деревенского образа жизни; это должно было, помимо прочего, уберечь их от преждевре-

менного знакомства с потенциально опасными идеями религиозно-культурной и национальной автономии⁴⁹.

Оценки «системы Ильминского», ее целей, методов и результатов в современной историографии весьма неоднозначны. Как считает, например, В.Н. Данилов, метод Ильминского «состоял фактически в разрушении национальной культуры через национальный же язык»; конечной его целью было полное обрусение «инородцев», промежуточной же задачей – «внутреннее обрусение» через приобщение к православным ценностям при сохранении этнической идентичности⁵⁰. С точки же зрения П. Верта, этническая и лингвистическая ассимиляция были целями данного проекта только в отдаленном будущем, и на самом деле он преследовал куда более скромные цели: «хотя бы на какое-то время сохранить этнические различия, чтобы удержать крещеных “инородцев” в православии и таким образом предотвратить их исламизацию»... Опорой же для решения этой задачи было «создание промежуточного класса религиозно просвещенных “инородцев”», которые могли бы «сохранять прочные связи и с русским православным миром, и с теми народностями, из которых они вышли». Согласно Верту, именно в этом отношении замысел Ильминского удался, и «большое число крещен находили этот проект привлекательным»: плюсами системы Ильминского в глазах местного населения были доступ к грамотности и Священному писанию, возможность получить интеллигентную профессию и повысить тем самым свой статус и самоуважение⁵¹.

У. Доулер отмечает, что прямая цель проекта Ильминского – снижение числа вероотступничеств среди крещеных народов Поволжья, безусловно, была достигнута; что внедрение его системы способствовало снижению привлекательности ислама для мордвы и чувашей и быстрой христианизации этих народов. Уменьшилась – в полном соответствии с намерениями Ильминского – и вероятность «татаризации» местных народов (в том числе башкир и казахов): развитие национальной письменности, усилия по сохранению национальных языков снизили риск успеха панисламских проектов идентичности. Но в то же время, подчеркивает исследователь, Ильминскому не удалось достичь другой своей цели: убедить молодую национальную интеллигенцию от «пагубного влияния» современной цивилизации. Зачастую выпускники его школ впоследствии переезжали в города, сближались с русской интеллигенцией, усваивали радикальные взгляды и активно участвова-

ли в революционных событиях 1905 и 1917 гг., в том числе и в борьбе за национальную автономию. В целом же, заключает Доулер, каковы бы ни были намерения Ильминского, объективно его школы сыграли важную роль в создании и развитии национальной идентичности у многих народов имперского Востока⁵².

Р. Джераси в своем труде «Окно на Восток: Национальные и имперские идентичности в царской России» предпринял интересную попытку сопоставить цели, методы и степень эффективности двух образовательных систем, предназначенных для нерусских народов востока России: русско-татарских школ, созданных по инициативе В.В. Радлова, и школ для крещеных «инородцев», проводивших в жизнь принципы Н.И. Ильминского. Как подчеркивает исследователь, цели этих образовательных систем были кардинально несхожими; они основывались на разном видении русской и имперской идентичности. Если первая из них предусматривала аккультурацию мусульманского населения региона через обучение русскому языку и приобщение к светскому образованию (при сохранении верности исламу), то вторая была направлена на аккультурацию крещеных «инородцев» и язычников путем их обращения в православие и религиозного образования на национальных языках.

Согласно мнению Джераси, тот факт, что школы Ильминского оказались гораздо более успешными и востребованными, чем русско-татарские школы, объясняется сочетанием нескольких причин. Одной из них было разное отношение местного населения к культурным инициативам имперского правительства: крещеные добровольно соглашались поступать или отдавать детей в школы Ильминского, мусульмане же – вплоть до начала XX в. – всеми возможными средствами оказывали сопротивление распространению русско-татарских школ (что было вызвано слухами о готовящихся насильственных крещениях). Другим фактором успеха школ Ильминского и неуспеха русско-татарских школ, подчеркивает Джераси, было различное отношение правительства к этим образовательным проектам: если система Ильминского быстро нашла прочную и долговременную поддержку влиятельных сторонников в Санкт-Петербурге (прежде всего – К.П. Победоносцева), то отношение правительства к системе Радлова изначально было неоднозначным и не раз кардинально менялось.

Однако между этими системами, полагает исследователь, можно найти и немало общего: приверженцы обеих систем считали,

что их конечной целью является слияние местных народов с русскими, и в то же время предусматривали существенные компромиссы и многочисленные промежуточные шаги на пути к этой цели. Обе системы были направлены на создание промежуточного слоя «обрусевших нерусских». Разница состояла в понимании сущности самого образования: для Радлова оно выступало как секуляризирующая, цивилизующая сила, для Ильминского же содержание образования нерусских народов сводилось к проповеди христианства⁵³.

Наконец, Ю. Слезкин в статье с метафоричным заглавием «СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность» проводит линию преемственности между системой Ильминского и ленинской культурной политикой, согласно которой каждая национальная культура должна была стать «национальной по форме, социалистической по содержанию». «Обе теории обращения иноверцев, — замечает Слезкин, — рассматривали “родной язык” как весьма прозрачный проводник апостольского послания» и держались на убеждении, «что между национальностью и верой нет ничего общего»⁵⁴. Тем самым система Ильминского предстает первым, осторожным и половинчатым шагом к тому пути, на который впоследствии вступила Советская власть: поощрения национального строительства, создания национальных территорий, языков, элит и светских культур среди этнических меньшинств при условии их полной идеологической лояльности⁵⁵.

Предварительные итоги. В чем же, на наш взгляд, состоят предварительные итоги и уроки изучения имперской национальной и конфессиональной политики в Поволжско-Приуральском регионе?

Прежде всего, на наш взгляд, состояние современной историографии наглядно показывает, что национальная и конфессиональная политика империи не может описываться с помощью какой-либо простой, односложной схемы. Для историков в равной степени наивным было бы полагать, что империя в каждом конкретном случае руководствовалась исключительно идеей общего блага или же, наоборот, стремлением угнетать и подавлять любые этнические и конфессиональные группы просто в силу их отличия от русских и православных. На практике имперская политика включала в себя множество векторов: взаимоотношения с местными элитами и с рядовым населением; распределение земельных ре-

сурсов; организацию военной службы; кадровую политику; постановку народного образования; реакцию на деятельность различных общественных движений.

Не было у имперского правительства и единой, стереотипной стратегии, которая прямолинейно и неуклонно проводилась бы в жизнь на всех «внутренних» и внешних окраинах на протяжении длительного исторического периода. Исследователи выделяют несколько сменявших друг друга политических стратегий империи в отношении окраин. Как, например, показывает в своем обобщающем исследовании А. Каппелер, со второй половины XVI и вплоть до конца XVIII в., согласно его реконструкции, Российское государство осуществляло «традиционную степную политику», основанную на религиозной толерантности и сотрудничестве с местными элитами⁵⁶. В XIX в. по отношению к новым территориям, оказавшимся в орбите имперских интересов, – Северному Кавказу и Средней Азии, казахским степям и Дальнему Востоку, – Российская империя начала практиковать колониальную политику, характерную для Европы Нового времени; эта политика была основана на представлении о культурной и даже расовой инаковости местного населения по отношению к русским и на «европоцентристском чувстве превосходства», а потому более не предполагала кооптацию местной элиты в состав элиты имперской⁵⁷. Наконец, стадия третья обозначена Каппелером как «империя перед вызовом национальных движений». Ее отсчет он начинает с Польского восстания 1863 г., когда империя, столкнувшись с энергичным и сплоченным национальным движением, вступила на путь «превентивного подавления» подобных движений у других народов. Инструментами такого подавления становятся административная унификация и культурно-языковая русификация, попытки форсированной интеграции народов, находящихся в орбите влияния русских, и в то же время – обособление и дискриминация «инородцев». Именно этот выбор, с точки зрения многих исследователей, разительно отличал Российскую империю от Австро-Венгрии, которая в аналогичной ситуации избрала путь превращения в федерацию и далеко идущих уступок по отношению к разнообразным национальным группам (что, впрочем, не спасло ни ту, ни другую империю от крушения в годы Первой мировой войны)⁵⁸.

Однако эта схема, как показывает и сам исследователь, неодинаково работает применительно к разным регионам империи; политические рецепты, которые применялись в тот или иной период

на западных окраинах страны (по отношению к полякам, украинцам, евреям и др.) или же на Северном Кавказе, явным образом не годились для восточных регионов России⁵⁹. На практике политические принципы, характерные для всех трех стадий и амбивалентные по отношению друг к другу, могли сосуществовать одновременно, но применяться в разных регионах или по отношению к разным группам подданных; как сформулировал Доулер, «региональные различия диктовали региональные решения»⁶⁰.

Один из наиболее ярких и выразительных примеров тому — языковая и образовательная политика Российской империи последней трети XIX — начале XX в. Резкий контраст представляют собой Правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», утвержденные в 1870 г. и открывавшие путь к применению национальных языков в преподавании, — и репрессивный Эмский указ 1876 г., законодательно запретивший любое использование в школьном деле «малороссийского наречия» (т. е. украинского языка) и практически снизивший до нуля возможность любых публикаций на этом языке. Иными словами, империя в одни и те же годы вела жесткий курс на «русификацию» на западных окраинах, но поощряла развитие национальных языков и письменностей на юго-востоке своих владений.

Понять это противоречие между принципами имперской политики в различных регионах можно, как указывает А.И. Миллер, только при условии учета геополитического контекста. Как пишет он, языковая политика властей в Поволжье и Приуралье во многом была обусловлена «успехами исламо-татарского ассимиляционного проекта и, таким образом, была прямо связана с Османской империей как альтернативным центром притяжений мусульман и тюркских народов»; чтобы вывести коренные народы региона из сферы влияния этого проекта, правительство было готово сделать шаг к поощрению национальных языков и формированию национальной интеллигенции. С другой стороны, за «драконовскими» ограничительными мерами против украинского языка стояло стремление имперских чиновников и националистического общественного мнения «к объединению всех восточных славян в рамках единой общерусской нации». Это должно было нейтрализовать культурную активность интеллигенции «украинского Пьемонта» — австрийской Галиции — и не дать возможности Австро-Венгрии разыгрывать «украинскую карту» в своей внешней политике. В таком случае и система Ильминского, и Эмский указ были

частью «сложной системы соревнования» не просто между разными проектами ассимиляции, но и между «империями-соседями», которые уже активно шли к Первой мировой войне⁶¹.

Это означает, что при анализе того или иного политического решения, принятого имперским правительством в отношении населения имперских окраин, каждый раз необходимо определять, какая именно группа была адресатом той или иной политики, какой ситуацией диктовалось данное решение, какие политические и интеллектуальные силы стояли за его разработкой. Политическую ситуацию в конкретном имперском регионе следует изучать с учетом сложного переплетения интересов всех взаимодействовавших сторон: различных этнических групп с неодинаковым «ассимилирующим потенциалом» и соперничающими проектами национального строительства; соседних государств, борющихся за лояльность этноконфессиональных групп пограничья; имперского центра и имперской бюрократии на местах; разнообразных местных элит и местных уроженцев в составе элит имперских – с каждым следующим шагом эта панорама становится все более сложной. Такой подход – Миллер называет его ситуационным – предполагает сопоставление различных политических культур, анализ встречных стратегий, способность оценить внутривнутриполитические шаги в контексте геополитической ситуации⁶².

Предварительные итоги изучения национальной и конфессиональной политики Российской империи в Поволжском и Приуральском регионах показывают, что эта политика вплоть до конца XIX в. разрабатывалась и проводилась исходя из сословной и конфессиональной принадлежности подданных; лишь на закате империи стала приниматься в расчет их языковая идентичность. При этом империя достаточно успешно налаживала отношения с традиционными землевладельческими или степными элитами местного населения, но – как и на западных окраинах – опасалась образования национальной интеллигенции, которая могла выступить в качестве идеолога и организатора разнообразных политических движений.

Однако в данном конкретном регионе империя опасалась не столько национальных движений – как это было на западе страны, – сколько иных возможных сценариев: исламизации местного населения; его ассимиляции татарами; реализации джадидистского проекта «тюрко-мусульманской нации»; наконец, влияния Османской империи как альтернативного центра притяжений му-

сульман и тюркских народов. Именно сложная ситуация соперничества нескольких ассимилирующих проектов привела к тому, что в Поволжско-Приуральском регионе имперская администрация оказалась готовой – до известного предела – поощрять развитие местных языков и национальной интеллигенции. В то же время «система Ильминского» – при всей ее колоритности – не была единственно возможной стратегией ответа на вызовы эпохи; в регионе активно обсуждались и внедрялись на практике альтернативные сценарии обеспечения лояльности подданных (например, через «гражданское обрусение» мусульман путем светского образования или через искусственную консервацию традиционного религиозного образования).

Изучение того, как в конкретном регионе, на Юго-Востоке Европейской России, переплетались различные стратегии и сталкивались неодинаковые подходы к решению национальных и конфессиональных проблем, открывает путь к постановке не менее важных вопросов. Прежде всего, как представляется, это вопрос о том, как политические и образовательные стратегии, выбиравшиеся имперской администрацией или различными группами региональных элит, влияли на характер идентичности самого местного населения, на его картину мира, ценностные ориентации, представления о «своих» и «чужих», горизонты надежд и опасений. Задача для исследователей состоит в том, чтобы проследить пути формирования не только национальной или этноконфессиональной, но и региональной идентичности; чтобы выявить, как, наряду с осознанием традиционных различий между разными группами населения, у жителей региона постепенно формировалось чувство социально-психологической и исторической общности на внутрирегиональном и общероссийском уровне.

Именно это позволит понять, насколько успешными оказались те или иные политические и образовательные стратегии имперской администрации и элит, и какое наследие оставила империя в данном регионе для будущих поколений.

2. ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Изучение процессов социально-экономического, административного, культурного развития регионов Российской империи невозможно без учета особенностей демографического развития и социальной стратификации населения.

Во второй половине XIX – начале XX в. демографические процессы в поволжских губерниях протекали с различной скоростью. В южных, степных районах Поволжья население росло за счет миграций: сюда шел колонизационный поток из центральных губерний России и Украины. Сохранение феодальных пережитков, перенаселенность привели к тому, что из Казанской, Симбирской и Пензенской губерний в конце XIX – начале XX века увеличилось число переселенцев на окраины России и прежде всего в Сибирь, возросли масштабы отходничества. Изучение демографических процессов позволяет не только проследить пути миграции и районы размещения населения, но и проследить количественные и качественные изменения в его составе. Они происходили под влиянием становления и развития капитализма в сельском хозяйстве, аграрной политики правительства, социальных конфликтов в деревне, Первой мировой войны. С другой стороны, данные о населении позволяют рельефнее осветить такие сложные социально-экономические явления, как эволюция аграрного строя, размещение промышленного производства и развитие инфраструктуры.

Литература, в которой освещаются те или иные вопросы народонаселения Поволжья, незначительна. Ценные сведения по этой проблеме содержатся в работах А.Г. Рашина, Л.М. Горюшкина, Я.Е. Водарского, В.М. Кабузана⁶³. В отечественной историографии 1970-х – начала 1990-х гг. представлен ряд работ, где рассмотрены вопросы колонизации Нижнего Поволжья, социальная структура населения Среднего Поволжья по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 года⁶⁴. Видный исследователь аграрных отношений Сибири Л.М. Горюшкин справедливо отметил необходимость специального изучения демографических процессов и форм движения населения Сибири в период капитализма. При изучении истории Поволжья эта задача является не менее актуальной.

Владения России представляли собой «сплошное, непрерывное пространство земель», и Российская империя считалась «самым большим континентальным государством на земном шаре»⁶⁵. Площадь только Самарской губернии составляла более чем половину площади одного из крупных европейских государств – Италии, включая острова Сардинию и Сицилию (253 545,5 кв. верст); площадь Новоузенского уезда Самарской губернии (30 888 кв. верст) равнялась площади Голландии с В. Герцогством Люксембургским (31 271 кв. верст)⁶⁶. Но как справедливо отмечал Н.А. Рубакин, «величина государства, как это видно и на примере Русско-японской войны ...значит очень немного. Гораздо больше значения имеет многочисленность или малочисленность ее населения»⁶⁷.

Поволжье находилось в зоне территориальной экспансии государства, результатом которой стало, с одной стороны, увеличение площади окультуренной земли, с другой – утвердившееся убеждение в «экстенсивном развитии как наиболее рациональной и эффективной форме ведения хозяйства», «вера в неистощимость природных ресурсов, ставшая парадигмой русского менталитета», отсутствие рациональной целостной системы городов, адекватной потребностям таких огромных территорий инфраструктуры и превращение России в многонациональную империю, в которой национальный вопрос постоянно создавал политическую напряженность⁶⁸. «Отдаленность от первоначальных очагов мировой культуры и от моря, колоссальность расстояний, однообразие природы, континентальность климата» имели негативное влияние не только на экономическую отсталость всей России и специфику ее общественных и политических институтов⁶⁹, но характеризовали в большей степени фронтирную зону Поволжья. Но «недостатки качества природных ресурсов с лихвой компенсировались их количеством»: природа Поволжья «позволяла производить в больших количествах сырье и материалы, включая зерно, которые обеспечивали положительное сальдо»⁷⁰ торгового баланса. Однако сторонникам географического детерминизма в объяснении специфики экономического развития России Б.Н. Миронов противопоставляет теорию, связывающую социально-экономические явления с ростом плотности населения, «которая в свою очередь находилась в тесной связи с территориальной экспансией»⁷¹. Автор считает, что рост плотности населения «толкал» крестьянство к интенсификации земледелия. «В 1860–1913 гг. урожайность на крестьянских землях выросла на 69 %»⁷². Но одновременно, вследствие

роста сельского населения, величина земельного надела на душу мужского пола с 1861 по 1900 гг. повсеместно сократилась. В результате возникло аграрное перенаселение, приведшее к снижению качества жизни вследствие возросшей плотности населения. В этой ситуации приходилось находить «альтернативу интенсивности в колонизации», использовать «миграцию как наиболее легкой и дешевый способ борьбы с перенаселением»⁷³.

Еще в начале XX в. отечественными статистиками было сделано наблюдение, что в России «наиболее густое население тянется полукругом, полосой более широкою на Западе, от Варшавы через Киев и Курск на Москву; от этой полосы оно редет, более или менее быстро, и достигает наименьшей плотности на Крайнем Севере и в Заволжье»⁷⁴. Правобережье Волги представляло собой лесостепь с подзолистым черноземом. Степным районом было левобережье Волги, постепенно переходящее в полупустыню⁷⁵. Именно в этих краях, в этих бесконечных степях, у поэта-песенника И.З. Сурикова родились строки знаменитой русской песни: «Степь да степь кругом, путь далек лежит. В той степи глухой умирал ямщик»⁷⁶. Как «сила человеческая, способность личности жить, мыслить и действовать распределены между людьми далеко неравномерно»⁷⁷, так и плотность населения региона была распределена неравномерно. Меньше было заселено левобережье Волги: в середине XIX в. максимальная плотность населения там достигала 20 человек на квадратную версту, тогда как в правобережье она составляла от 10 до 40 чел. на квадратную версту и выше⁷⁸.

Плотность населения в России находилась в тесной связи с территориальной экспансией. Учитывая тот факт, что «хозяйственный облик аграрного региона творится трудящимся на земле человеком — крестьянином»⁷⁹, а «рост плотности населения постоянно толкал крестьянство не только к колонизации, но и к интенсификации земледелия»⁸⁰, можно утверждать, что именно крестьянскими миграциями определялось социальное лицо трех поволжских губерний. «Поволжье было регионом постоянно растущего населения. Все без исключения уголки его в разное время испытывали наплыв новоприходцев»⁸¹. Таким образом, именно крестьянские миграции влияли на численность населения данного географического пространства.

В свою очередь, географическое пространство фронта также оказывало воздействие на социокультурный портрет населения региона. Фронтирные пространства — «максимально динамичные,

экстенсивные, расширяющиеся. Для них характерна открытость, агрессивность, экспансивность... в них можно двигаться по любым направлениям – они изотропны и готовы к любому событию»⁸².

В середине XIX в. лесостепная зона активно осваивалась дворянами, которые, получая поместья, переводили в новые владения крестьян или из центральных великорусских уездов, или из Нижегородской губернии. Кроме того, громадное значение имела крестьянская колонизация, которая осуществлялась стихийно и в ходе которой началось освоение территорий степных уездов Поволжья. Государство вплоть до 1881 г. не могло регламентировать стихию крестьянских переселений, масштабы которых с каждым десятилетием возрастали. Но активное освоение Сибири, Западного Казахстана, Алтая и формирование новой инфраструктуры подталкивали верховную власть к регламентации переселений.

Первым регламентирующим актом стихийного переселения населения из центральных регионов страны стали «Временные правила по переселению» от 10 июля 1881 г. Затем государственное регулирование миграционных процессов дополнилось такими актами, как закон о переселении на казенные земли от 13 июля 1889 г. и закон о предварительной посылке ходока от 15 апреля 1896 г.⁸³ Своеобразным венцом законотворческой практики, регламентирующей миграционные процессы, стали «Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев» от 6 июня 1904 г., которые затем дополнялись рядом подзаконных актов. Среди таких актов особо отметим Положение Совета Министров Российской империи «О порядке применения закона 1904 г. о переселении» от 10 марта 1906 г., которое органично вошло в состав столыпинского аграрного законодательства и сыграло громадную роль в реализации новой имперской аграрной политики, существенно улучшив практику переселенческого дела.

Колонизационная политика государства и последовавшее значительное расширение посевов, которое тем не менее отставало от прироста населения, заставляло многонациональное крестьянство продвигаться дальше в степь и осваивать новые пространства⁸⁴. Поэтому в степные районы Среднего Поволжья направлялся основной крестьянский колонизационный поток из центральных губерний России и Украины. Но и в этих некогда привольных землях создавалась перенаселенность, и колонизационные потоки

устремлялись дальше, на восточные окраины России и в Сибирь; возрастали масштабы отходничества⁸⁵.

С момента создания Крестьянского поземельного банка в 1882 г. на него возлагалась, в числе прочего, и обязанность финансирования переселенческого движения⁸⁶. Банк создавался «с целью обеспечить для крестьян возможность пользоваться кредитом для покупки земли, по добровольному с частными владельцами соглашению»⁸⁷; реализуя эту задачу, он скупал помещичьи земли и продавал их в рассрочку крестьянам. Значительная часть банковских земель в начале XX в. находилась в губерниях Среднего Поволжья; Самарская губерния занимала по их площади первое место в России (17,6 %) ⁸⁸. По размерам земельного фонда, приобретенного Крестьянским поземельным банком, Симбирская губерния считалась четвертой в России⁸⁹. В Самарской губернии к 1 января 1910 г. иноземные покупщики составляли 1,5 %, а выходцы из других губерний – 18,5 % от всего количества крестьян, которые приобретали земли у Крестьянского поземельного банка. Лишь в южном Николаевском уезде доля иногубернских покупщиков была значительна – 46,7 %. Наибольшее их количество прибыло из степной и черноземной части России⁹⁰. В Симбирской губернии за 1906–1913 гг. на долю отдельных домохозяев приходилось 87,8 % проданной из имений Крестьянского банка земли. В Самарской губернии в 1908 г. было оформлено 944 сделки по покупке единоличными хозяевами земель из имений Крестьянского поземельного банка, а в 1912 г. – уже 6 212⁹¹.

В силу указанных причин Среднее Поволжье было регионом постоянно растущего населения. Численность населения здесь возрастала как путем естественного прироста населения, так и за счет переселений сюда в пореформенный период крестьян из центральных губерний России и Украины.

Динамику численности населения губерний Поволжья отражают следующие данные (табл. 17).

Темпы прироста населения Поволжья были примерно равными как в пореформенный период, так и в начале XX века. Несколько увеличился он в начале XX века: с 1858 по 1897 г. прирост населения составил 41,9 %, а с 1897 по 1914 г. – 42,7 %. Среди поволжских губерний самый высокий показатель был в Самарской и Саратовской губерниях. Численность населения здесь возрастала как путем естественного прироста населения, более многочисленного по сравнению с другими губерниями, так и за счет

переселений сюда в пореформенный период крестьян из центральных губерний России и Украины. В Самарской губернии с 1858 по 1897 г. численность населения увеличилась на 79,8 %, в Саратовской – на 47 %; в начале XX в. прирост населения в Самарской губернии составил 38,1 %, в Саратовской – 35,8 %.

Таблица 17

Динамика численности населения Поволжья⁹²

Губерния	Категория	Численность населения, тыс. чел.			
		1858 г.	1897 г.	На 1 января 1914 г.	На 1 января 1916 г.
Казанская	сельское	1 444,3	1 985,0	2 586,9	2 649,1
	городское	99,0	185,5	280,1	285,9
	всего	1 543,3	2 170,6	2 867,0	2 935,0
Симбирская	сельское	1 071,8	1 527,8	1 916,3	1 952,8
	городское	69,0	108,0	151,3	184,0
	всего	1 140,9	1 635,8	2 067,8	2 136,8
Пензенская	сельское	1 089,3	1 330,6	1 724,5	1 765,2
	городское	99,1	139,8	187,1	202,3
	всего	1 188,5	1 470,4	1 911,6	1 967,5
Самарская	сельское	1 468,0	2 593,4	3 558,6	3 703,6
	городское	62,0	158,8	242,2	283,1
	всего	1 530,0	2 751,3	3 800,8	3 986,7
Саратовская	сельское	1 476,7	2 096,2	2 751,3	2 877,2
	городское	159,3	309,5	518,0	586,0
	всего	1 636,1	2 405,8	3 269,3	3 463,2
Астраханская	сельское	411,5	214,0	1 128,0	1 275,5
	городское	65,9	132,5	187,9	205,3
	всего	477,5	346,5	1 315,9	1 480,8
Итого	сельское	6 962,0	9 638,3	13 665,6	14 443,4
	городское	554,5	1 034,3	1 566,8	1 746,6
	всего	7 516,5	10 672,6	15 232,4	16 190,0

На темпы прироста населения в Казанской, Симбирской и Пензенской губерниях оказывало влияние переселение крестьян из Поволжья в Сибирь, Среднюю Азию и другие районы страны. Особенно интенсивно данный процесс развивался в начале XX в. В частности, с 1896 по 1916 г. из Казанской губернии переселилось 60 491, Самарской – 193 000, Саратовской – 127 182, Пензенской – 125 448, Симбирской – 78 936 человек⁹³. Неурожайный 1911 год существенно повлиял на направление и масштабы переселения крестьян. Наибольшее количество переселенцев и ходоков в 1912 году отпустили губернии: Вятская – 22,8 тыс. душ, Самарская – 15,7, Пензенская – 12,8, Казанская – 11,9, Саратовская – 10,8, Симбирская – 10,0 тыс. душ⁹⁴.

В Самарскую губернию с 1896 по 1915 гг. переселилось 49 тыс. крестьян из других губерний России⁹⁵. Значительная часть переселенцев оседала в южных степных уездах Самарской и Саратовской губерний, в районе торгового зернового земледелия. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. уроженцы других губерний составляли 15,4 % всего населения Новоузенского, 8,6 % – Николаевского и 7,1 % Бузулукского уездов Самарской губернии⁹⁶. Но наряду с этим переселенцы, покупая землю у Крестьянского поземельного банка, поселялись в уездах с высокой плотностью населения, там, где с наибольшей остротой сказывалось малоземелье, перенаселенность, наличие большого числа крепостнических пережитков. Все это не могло не вызывать конфликтных ситуаций между приписным и посторонним населением. Вместе с тем приток в заволжские степи переселенцев существенно ускорил освоение новых районов, что в конечном счете превратило Поволжье в крупнейший район по производству сельскохозяйственной продукции как для внутреннего, так и для внешнего рынков.

Переселенцы, как правило, водворялись в селения старожилов. В отличие от Сибири, где число сельских обществ увеличилось в начале XX в. в 2 раза⁹⁷, в регионе количество общин возросло незначительно. В Самарской губернии, например, в 1877 г. их насчитывалось 2341, а в 1905 г. – 2364⁹⁸. Проведение столыпинской земельной реформы способствовало росту хуторов, поселков и выселков как на надельных землях, так и на землях казны, удела и Крестьянского поземельного банка. Например, в Самарской губернии в 1900 г. насчитывалось 88 поселков и выселков, а в 1910 г. – 249⁹⁹. В 1906–1910 гг. в Симбирскую губернию переселилось 6 тыс. украинцев, 1,7 тыс. латышей и эстонцев и 200 белорусов. Они разместились в 323 поселках и хуторах Алатырского, Курмышского, Сызранского и других уездов¹⁰⁰. Рост сельского и городского населения выразился в увеличении числа крестьянских дворов прежде всего в колонизирующемся районе (табл. 18). На первом месте в регионе находились Саратовская и Самарская губернии, что видно из сравнительных данных по Поволжью (сведения по Астраханской губернии в настоящую таблицу не включены в силу специфики ее населения и практически отсутствовавшего там крестьянского землевладения):

Таблица 18

Число крестьянских дворов в 5 губерниях Поволжья¹⁰¹

Губернии	1877 г.	1905 г.	Темп прироста, %
Казанская	277 828	374 574	+ 34,8
Симбирская	180 467	244 870	+ 35,6
Пензенская	173 400	240 960	+ 38,9
Самарская	226 115	337 111	+ 49,0
Саратовская	238 571	392 278	+ 64,4
Поволжье	1 096 381	1 589 794	+ 59,5

В целом рост населения в Поволжье шел, главным образом, за счет естественного прироста (Казанская, Симбирская, Пензенская губернии, северные уезды Самарской и Саратовской губерний). В степном Заволжье на этот процесс определенное воздействие оказывало переселение.

В 1897–1913 гг. количество жителей Поволжья выросло на 4559 тыс. чел. (табл. 17). Такие темпы роста населения определялись высоким естественным приростом. В 1911–1913 гг. по сравнению с 1861–1865 гг. в регионе наблюдалось увеличение естественного прироста на 30,3 %, тогда как в Европейской России за это же время он достиг 18,3 % (табл. 19). В Пензенской губернии этот показатель был наибольшим и возрос до 51,7 %, в Симбирской – до 51,3 %.

Таблица 19

Естественный прирост населения за 1861-1865 и 1911-1913 гг.¹⁰²

Губернии	Естественный прирост на 1000 чел. населения		Темп прироста по сравнению с 1861–1865 гг., %
	1861–1865 гг.	1911–1913 гг.	
Пензенская	11,8	17,9	+ 51,7
Симбирская	11,5	17,4	+ 51,3
Астраханская	16,0	20,9	+ 30,6
Саратовская	13,4	16,6	+ 23,8
Казанская	10,9	12,9	+ 18,3
Самарская	17,7	20,3	+ 14,7
Поволжье	13,5	17,6	+ 30,3
50 губерний Европейской России	14,2	16,8	+ 18,3

По данным официальной статистики, Поволжье занимало первое место по рождаемости. В 1911 г. на 1 000 чел. населения рождаемость составила 49,5, смертность – 31,9, естественный прирост

– 17,6 человек¹⁰³. Эти данные становятся более наглядными при сопоставлении их с аналогичными сведениями по Центрально-земледельческому району, Сибири и по губерниям Европейской России в целом (табл. 20).

Таблица 20

Естественное движение населения Поволжья по сравнению с другими регионами России в 1911–1913 гг.¹⁰⁴

Губернии	на 1000 чел. населения		
	родившихся	умерших	естественный прирост
Самарская	55	34,7	20,3
Астраханская	54,1	33,2	20,9
Симбирская	49,5	32,1	17,4
Пензенская	48,7	30,8	17,9
Саратовская	47,2	30,6	16,6
Казанская	42,8	29,9	12,9
Поволжье (в среднем по региону)	49,5	31,9	17,6
Центрально-земледельческий район	45,7	27,7	18,0
Сибирь	48,9	29,1	19,8
50 губерний Европейской России	43,9	27,1	16,8

Различны были темпы естественного движения населения. Наибольшее число родившихся на 1 000 чел. приходилось на губернии: Самарскую – 55 чел., Астраханскую – 54,1 (табл. 20). На последнем месте в регионе находилась Казанская губерния – 42,8 чел. Смертность населения также была высокой: в Самарской – 34,7 чел., Астраханской – 33,2, Казанской – 29,9 чел. Та же тенденция прослеживается и по данным естественного прироста населения. Самарская губерния занимала второе место в Европейской России. Уровень естественного прироста здесь составлял в 1911–1913 гг. более 2 %, Казанская же губерния по этому показателю находилась на 26 месте (1,2 %).

В целом по числу родившихся Поволжье находилось на первом месте в России, оно опережало такие районы, как Сибирь, Центрально-Черноземный, Приуральский, Центрально-Промышленный. Вместе с тем здесь была высокая смертность населения. Естественный прирост населения в начале XX в. составлял около 1,7 %.

Исследователь социокультурного облика уездных городов Саратовской губернии Ю.А. Бухарова констатирует снижение рож-

даемости в регионе на рубеже XIX–XX вв., связывая данное явление с периодом демографического перехода «от так называемого “традиционного” исторического типа воспроизводства населения, характерного для аграрного общества, к современному, связанному с его индустриальным формированием. Присущая прежде Саратовской губернии высокая рождаемость за короткий промежуток времени с 1889–1901 гг. по 1911–1914 гг. ...сократилась на 16 % и приблизилась к средней для Европейской России, тогда как смертность уменьшилась всего на 15 %, оставаясь выше средних показателей по стране»¹⁰⁵. Поэтому естественный прирост населения в Саратовской губернии в рассматриваемый период «также приближался к среднероссийским данным, составляя в 1911–1914 гг. приблизительно 17 человек на тысячу жителей»¹⁰⁶.

Несмотря на высокий прирост населения, плотность его была различной в губерниях Поволжья (табл. 21).

Таблица 21

Плотность населения губерний Поволжья в сравнении с другими регионами России¹⁰⁷

Регион, губерния	Число жителей на 1 кв. версту	
	1897 г.	1914 г.
Поволжье (в среднем по региону)	28,8	35,0
Астраханская	5,2	5,4
Казанская	38,7	46,2
Пензенская	43,0	50,5
Самарская	20,1	26,8
Саратовская	31,0	37,1
Симбирская	35,1	44,1
Европейская Россия (в среднем по региону)	22,1	28,8
Московская	83,1	122,8
Курская	58,1	79,8
Сибирь (в среднем по региону)	0,53	0,9

Неравномерность расселения жителей на начало XX в. была связана как с климатическими, почвенными условиями, так и с особенностями колонизации региона. Наиболее густо заселенными были лесостепные уезды Казанской, Симбирской, Пензенской губерний. Высокой была плотность населения в северных уездах Самарской и Саратовской губерний. Здесь колонизационный процесс в значительной степени завершился в конце XVIII – начале XIX века. Иная картина наблюдается в степных заволжских уездах

и в Астраханской губернии, где процесс освоения новых земель продолжался в XIX – начале XX в.¹⁰⁸ Около 86 % населения Поволжья проживало в лесостепной зоне. Основная часть сельского населения сосредоточивалась по берегам великой русской реки Волги и ее притоков Камы, Свияги, Суры, Самары и др. Большая плотность населения была в черноземных уездах, где находились помещичьи земли, на месте бывших укрепленных линий и засечных черт, строившихся в XVII–XVIII вв.

Наиболее плотно были заселены степные волости Курмышского, Буинского, Алатырского и Ардатовского уездов Симбирской губернии. Лесная полоса этих уездов была заселена реже. Многонаселенными были Петриксинская и Чембилеевская волости Курмышского уезда, Мочалеевская и Дрожжановская – в Буинском, Сяндюковская – в Симбирском, где проживали татары¹⁰⁹. Понижение средней плотности сельского населения наблюдалось на востоке Пензенской губернии и на большей площади Симбирской в районе песчаных и нечерноземных почв.

В степном Заволжье население проживало компактными группами на берегах Волги и ее притоков. В пореформенный период плотность населения здесь увеличилась с 12 чел. на 1 кв. версту до 15, в отдельных районах до 19 чел.¹¹⁰ Это увеличение было в значительной степени связано с переселением сюда крестьян из других губерний России, так как эта часть Поволжья сохраняла значение колонизируемого района. Строительство железных дорог также способствовало увеличению как численности, так и плотности населения. В течение второй половины XIX и начала XX века регион был своеобразным транзитным пунктом, через который шло массовое переселение крестьян из центральных губерний России в Сибирь. Часть переселенцев оседала в Поволжье.

К сожалению, отсутствие статистических данных за 1900–1917 гг. не позволяет проследить динамику национального состава населения. Мы располагаем лишь материалами, которые были введены в научный оборот в 1875 г. А.Ф. Риттихом¹¹¹. Эти относительные данные вполне сопоставимы с материалами Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

В составе населения Поволжья преобладали русские. К концу XIX в. удельный вес русского населения несколько снизился (табл. 22) в связи с переселением крестьян в другие районы страны: русское население региона было более мобильно.

Таблица 22

**Национальный состав населения Поволжья
(% к общей численности населения губерний)¹¹²**

Национальность	Годы	Губернии					
		Казанская	Симбирская	Самарская	Саратовская	Пензенская	Астраханская
Русские	1875	41,67	71,64	64,92	75,35	81,53	43,15
	1897	38,35	67,97	64,54	76,74	82,92	40,70
Украинцы	1875	–	–	3,64	6,95	–	13,50
	1897	–	–	4,33	6,20	–	11,20
Белорусы	1875	–	–	0,77	–	–	–
	1897	–	–	–	–	–	–
Татары	1875	28,75	8,43	5,49	3,52	4,39	3,20
	1897	31,11	8,76	6,00	3,93	3,98	5,26
Чуваши	1875	21,62	8,53	3,49	0,67	–	–
	1897	23,12	10,45	3,33	0,59	–	–
Мордва	1875	1,13	11,29	9,92	5,82	10,35	–
	1897	1,02	12,36	8,67	–	12,77	–
Марийцы	1875	6,11	–	–	–	–	–
	1897	5,65	–	–	–	–	–
Киргизы ¹¹³	1875	–	–	–	–	–	–
	1897	–	–	–	–	–	24,99
Немцы	1875	–	–	7,52	6,98	–	–
	1897	–	–	8,15	–	–	4,98

Русские, татарские, мордовские села давали не только наибольшее количество переселенцев, но и отходников в города и на сельскохозяйственные работы. Население Чувашского края было менее подвижным и предпочитало отходу занятия земледелием и промысловой деятельностью. Уменьшение удельного веса русских наблюдалось там, где преобладал прусский путь аграрной эволюции и сильнее проявлялись остатки крепостничества (Казанская и Симбирская губ.). Некоторое сокращение произошло и в Самарской губернии, а в Саратовской и Пензенской губ. удельный вес русских увеличился и достиг соответственно 76,4 и 82,97 %. Всего в Поволжье по данным переписи 1897 г. насчитывалось 7122 тыс. русских, 1180 тыс. татар, 768 тыс. чувашей, 763 тыс. мордвы, 398 тыс. немцев, 384 тыс. украинцев, 122 тыс. марийцев¹¹⁴. Следует отметить, что в Поволжье в XVII–XIX вв. шел процесс формирования этнически смешанного населения. Русские крестьяне жили совместно с мордвой, чувашами, татарами, марийцы, и между ними не возникали конфликтные ситуации и противоречия. Колонизация Поволжья русскими ускорила хозяйственное освоение края, оказала прогрессивное влияние на социальное и культурное развитие народов Поволжья.

Русское население было сосредоточено в юго-восточной части Казанской губернии, в междуречье Камы и Волги, на месте бывших закамских городков и укрепленных линий, в Спасском, Тетюшском, Лаишевском, Чистопольском, Мамадыжском уездах. Большую часть населения русские составляли в Симбирском, Карсунском, Сызранском уездах Симбирской губернии, большинстве уездов Пензенской, Саратовской; Самарском, Ставропольском и Бузулукском уездах Самарской губернии. Татары компактными группами проживали в Казанской губернии, Бугульминском и Бугурусланском уездах Самарской губернии и в Астраханской губернии. Чуваши жили на юге Казанской, в северной части Симбирской и Самарской губерний, села и деревни мордвы располагались вперемешку с русскими селениями в Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерниях. Более 1/3 населения Камышинского и 2/3 Новоузенского уездов составляли немцы. Украинцы поселялись, главным образом, во всех уездах Астраханской и Саратовской губерний, а также в Новоузенском, Николаевском и Бугурусланском уездах Самарской губернии; башкиры – в трех восточных уездах Самарской губернии, киргизы и калмыки – в Астраханской губернии.

86 % населения Казанской, Пензенской и Самарской губерний занимались сельским хозяйством, лесоводством, охотой и рыболовством; в Симбирской губернии этот показатель достиг 84,3 %, в Саратовской – 77,3, а в Астраханской – 73,6 %¹¹⁵.

К началу XX в. в регионе наблюдалось аграрное перенаселение в 2 раза¹¹⁶ (табл. 23).

Таблица 23

Занятость населения Поволжья в сельском хозяйстве и промышленности

Сельское население, тыс. чел.	10533,7
Общая площадь под посевами хлебов, тыс. дес.	10956,3
Требуется рабочих во время уборки хлебов, тыс. чел.	2871,6
Наличное число местных работников обоего пола, тыс. чел.	5772,1
Занято в местной неземледельческой промышленности (фабрики, заводы, кустарные промыслы), тыс. чел.	434,4
Избыток рабочей силы в деревне, тыс. чел.	2900,3

Таким образом, из 5,7 млн чел. использовались в сельском хозяйстве эффективно только 2,8 млн; 434,4 тыс. чел. работали на предприятиях местной фабрично-заводской и мелкой промышленности, 2,9 млн чел. лишь частично были заняты в сельском

хозяйстве и вынуждены были сочетать земледелие с промысловой деятельностью или уходить на заработки в города, в степные уезды Поволжья и др. Аграрная перенаселенность с наибольшей силой проявлялась в Казанской, Симбирской и Пензенской губерниях (избыток рабочей силы здесь составлял 1,7 млн чел.), в районе прусского типа аграрной эволюции. В Заволжских степях, наоборот, ощущался острый недостаток рабочей силы, и именно сюда шел массовый приток сезонных сельскохозяйственных рабочих. Южные степные окраины Самарского, Бугурусланского, Бузулукского, а также Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губернии стягивали от 250 до 300 тыс. крестьян-отходников из Пензенской, Симбирской, Казанской, Тамбовской и других губерний¹¹⁷.

Итак, удельный вес населения, занятого в сельском хозяйстве края, был выше (82 %), чем в Европейской России (75 %), но по занятости в таких отраслях народного хозяйства, как промышленность, торговля, административный аппарат и полиция, богослужение, армия, — Поволжье отставало. Перед нами типичный аграрный район, в котором промышленность сосредоточивалась, главным образом, в сельской местности¹¹⁸. Например, в Самарской губернии в 1905 г. из 1533 промышленных предприятий 1304 располагались в селах¹¹⁹. Аналогичная картина наблюдалась и в других губерниях Поволжья.

То обстоятельство, что 82 % населения края было занято в сельском хозяйстве, оказало влияние на его сословный состав. Удельный вес крестьянского сословия здесь был несколько выше, чем в Европейской России. В Казанской, Симбирской, Пензенской губерниях на 1 000 чел. приходилось более 940 крестьян (табл. 24). Это объясняется тем, что в земледелии были заняты как коренное население края (татары, чуваша, мордва, мари), так и русские, украинцы и представители других национальностей. Лишь в Астраханской губернии на 1 000 чел. населения приходилось 480 крестьян в связи с тем, что на ее территории жили казаки, калмыки и киргизы. В 1897 году здесь проживало более 250 тыс. киргизов.

Сравнивая другие показатели, мы отмечаем, что в Поволжье был такой же удельный вес духовенства, как и в Европейской России, но удельный вес дворян был в 2,5 раза меньше, удельный вес купцов и почетных граждан — в 1,5 раза меньше, мещан — в 1,7 раза меньше.

Таблица 24

Состав населения по сословиям (данные переписи 1897 г.)

Губернии	Приходилось на 1000 чел.							
	Дворян и чиновников	Духовенства	Почетных граждан и купцов	Мещан	Крестьян	Казakov	Иностранцев	Прочих
Астраханская	6	3	6	90	480	18	393	4
Казанская	7	5	3	41	942	–	–	2
Пензенская	7	7	3	41	940	–	–	2
Самарская	4	4	3	57	927	–	–	2
Саратовская	6	4	5	87	891	4	–	3
Симбирская	6	6	3	42	942	–	–	1
Поволжье (в среднем по региону)	6	5	3,8	59,6	853	11	393	2,3
Воронежская	6	6	4	30	952	–	–	2
Московская	32	11	21	139	779	1	–	17
Нижегородская	8	9	6	45	930	–	–	2
Орловская	9	7	8	71	903	–	–	2
Тамбовская	6	7	5	43	937	–	–	2
Тульская	10	8	8	72	897	–	–	5
Европейская Россия (в среднем по региону)	15	5	6	106	841	16	5	6
Сибирь	9	3,3	3,2	56	610	71,5	221,3	25,7
По России в целом	15	5	5	107	771	23	66	8

В сословном составе населения Поволжья низкий процент дворян объясняется тем, что здесь наряду с помещичьим землевладением существовало землевладение казны и удела, что не могло не оказать влияния на сословную структуру населения. К тому же часть дворян, владевших здесь именьями, в конце XIX – начале XX в. проживала в столицах.

В половозрастном составе населения Поволжья на том этапе также прослеживаются некоторые отличительные особенности от Европейской России. Если в Европейской России в 1897 г. на 100 мужчин приходилось 103 женщины, то в Симбирской – 110, Пензенской – 109, Казанской и Саратовской – 105, Самарской – 104. В Астраханской губернии доля женщин была несколько ниже и достигала 95 чел.

Преобладание доли женского населения над мужским было связано с большей мобильностью мужской группы населения, так как в связи с перенаселением в регионе был развит отхожий промысел. Причем на отхожие промыслы крестьяне уходили не только в заволжские степи и в Астрахань, но и в порты Каспийского моря, Донбасс и даже в Сибирь. Например, в начале XX в. из Симбирской губернии ежегодно уходило от 40 до 70 тыс. чел.¹²⁰ Довольно значительных масштабов достиг отлив рабочих из Саратовской губ. – 142 тыс. чел., Казанской – более 60 тыс., Пензенской – 58 тыс. чел.¹²¹

Демографическая ситуация изменилась в период Первой мировой войны. В связи с призывом около половины трудоспособных мужчин в действующую армию во всех губерниях Поволжья женщины численно значительно преобладали. В Пензенской и Симбирской губерниях на 100 мужчин приходилось 128 женщин, в Казанской – 124, Самарской – 122, Саратовской – 120, Астраханской – 102¹²².

О соотношении возрастных групп населения можно судить лишь по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Несмотря на отсутствие данных о половом составе, делении на трудоспособное и нетрудоспособное население по возрастным группам, перепись дает представление о возрастном составе населения. Как писал Н.А. Рубакин, «Россия же беднее всех других стран стариками, зато богаче всех стран молодежью дорабочего возраста, представляющей, как и старики, в хозяйственном отношении сравнительно непроизводительный элемент»¹²³.

В губерниях Поволжья удельный вес детей и молодежи был ниже, чем в Европейской России (табл. 25), исключение составляет Самарская губерния, в которой этот показатель достиг среднего по Европейской России. В Поволжье доля группы жителей 20–29-летнего возраста была почти такой же, как и в Европейской России, причем в Астраханской губернии она была выше среднего показателя, а в остальных губерниях – ниже. Другие трудоспособные группы населения имели равный удельный вес, но доля стариков свыше 60 лет в Поволжье была выше, чем в Европейской России.

Быстрый рост сельского населения шел параллельно увеличению числа горожан. Темпы прироста населения городов были более высокими, чем в сельской местности. Причем они были почти равными как в пореформенный период, так и в начале XX в. (табл. 26).

Таблица 25

**Возрастные группы населения Поволжья и Европейской России
на 1897 год (% к итогу)¹²⁴**

Губернии	Возраст населения							
	0-9	10-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	Свыше 70
Астраханская	26,1	21,5	16,1	12,9	9,8	6,6	3,8	2,1
Казанская	26,5	22,6	15,4	12,2	9,7	6,5	4,2	2,4
Пензенская	26,1	22,1	15,2	12,4	10,2	6,9	4,5	2,6
Самарская	27,3	21,7	15,6	12,3	9,8	6,5	4,3	2,5
Саратовская	26,3	20,9	15,5	12,7	10,1	6,9	4,8	2,8
Симбирская	26,3	21,7	15,3	12,1	9,8	6,9	5,1	2,8
Итого Поволжье	26,4	21,7	15,6	12,4	9,9	6,7	5,1	2,5
Европейская Россия	27,3	21,4	15,8	12,4	9,4	6,7	4,4	2,6

Таблица 26

Рост сельского и городского населения Поволжья, тыс. чел.¹²⁵

Категория населения	1867 г.		1897 г.			1914 г.			1916 г.		
	тыс. чел.	Ко всему населению, %	тыс. чел.	Ко всему населению, %	Прирост за 1867–1897 г.	тыс. чел.	Ко всему населению, %	Прирост за 1897–1914 г.	тыс. чел.	Ко всему населению, %	Прирост за 1914–1916 г.
Сельское	7420,7	91,6	9638,3	90,3	30,0	13665,6	89,7	42	14443,4	89,2	5,6
Городское	682,3	8,4	1034,3	9,7	52,0	1566,8	10,3	51	1746,6	10,8	11,4
Всего	8103,0	100	10672,6	100	32,0	15292,4	100	43	16190,0	100	6,2

Города Поволжья (их насчитывалось в Пензенской и Казанской губ. по 13, в Самарской и Симбирской – по 8, Саратовской – 10, Астраханской – 5), являлись и в начале XX в. основными потребителями сельскохозяйственной продукции, центрами ее переработки и торговли¹²⁶. Они оказывали заметное воздействие на темпы аграрной эволюции.

Как отмечает в своем исследовании В.И. Петров, «переселение крестьян в город шло вопреки попыткам правительства сдерживать уход крестьян из общины на основе паспортного законодательства и ряда административных мер»¹²⁷. Для переселения необходимо было получить увольнение из сельского общества, отказаться от надела, не иметь недоимок, быть свободным от рекрутской повинности, не состоять под судом и не иметь взысканий от волостного правления¹²⁸. Главной возможностью для перемещения крестьян из деревни в город было отходничество. Крестьянин, решившийся на отход из деревни, сохранял свой крестьянский ста-

тус и не терял связь с общиной. Но для отходничества крестьянин должен был получить паспорт или вид на жительство. По «Уставу о паспортах» письменные виды выдавались крестьянам, если они отлучались из деревни не более чем на 30 верст. Если крестьянин убывал более чем на 30 верст и на срок до 6 месяцев, то он брал одно-, двух- или трехмесячный билет на отлучку. Если крестьянин выезжал более чем на 6 месяцев, он получал паспорт.

Тем не менее остановить процесс переселения крестьян в города было невозможно. Развитие принципиально новой для той эпохи транспортной структуры региона и активное формирование регионального рынка способствовали урбанистическим процессам: многие крестьяне ехали в города, сознательно выбирая статус горожан, а вместе с ним «городское достоинство и уверенность в себе, и даже определенный снобизм, столичность по отношению к селам»¹²⁹. В 1867 г. в Самаре из 34 494 жителей 2 932 чел. принадлежали к крестьянскому сословию¹³⁰. В 1897 г. из 89 999 чел. жителей города – 39 826 были крестьянами по сословной принадлежности¹³¹. В Симбирске в 1867 г. крестьяне численно составляли 4 848 чел. из 24 607 чел. населения всего города¹³².

Б.Н. Миронов, иллюстрируя тезис о борьбе менталитетов сельских мигрантов в городе и самих горожан, приводит отрывок из воспоминаний И. Столярова, бывшего крестьянина, закончившего впоследствии Тулuzский университет: «Культурный городской слой плохо понимал язык деревни и даже отвергал его, а деревня совсем перестала понимать городской культурный язык... Так обрзовывались две культуры: городская и крестьянская, два разных мира. Город был ближе к европейскому, деревня не отличалась от мира, каким он был при Петре Великом, до реформ»¹³³. Однако в зоне «внутренней окраины», каковой являлось Среднее Поволжье, все процессы были интенсивнее и выразительнее. Деревня шла в город не для того, чтобы отгораживаться от городской культуры, а чтобы уловить этот европейский месседж и принять именно городские тексты поведения. Поэтому не представляется возможным согласиться с мнением о том, что «быстро и успешно интегрировать отлученного от земли мужика в городское общество и изменить его ценностную систему оказалось не под силу ни официальным реформаторам, ни оппозиционным либералам. Зачастую не город... менял облик своих иммигрантов, а они меняли (его) облик»¹³⁴. Крестьянин, приезжая в город и сознательно вы-

бирая городской образ жизни, не «окрестьянивал»¹³⁵ городское население, а сам инкорпорировался в городскую среду, городскую культуру.

Городское население быстрее росло в губернских центрах и в уездных городах – Сызрани, Царицыне, Вольске, которые в период нового промышленного подъема стали новыми центрами промышленного производства. Население городов увеличивалось в результате роста промышленности и торговли в основном за счет притока разоренного крестьянства. Причем в Поволжье, как и в целом в Европейской России, население увеличивалось как в городах, так и в торгово-промышленных селах. Например, в слободе Покровской Новоузенского у. Самарской губ. в 1909 г. насчитывалось 27,5 тыс. чел., Балаково – 18,9, Кинель-Черкасске – 16,4, Баронске – 12 тыс.¹³⁶ Отметим также наличие довольно крупных сел и деревень в Астраханской, Самарской и Саратовской губерниях. В первых двух на одно селение к концу XIX в. приходилось более 620 жителей, в Саратовской – 443¹³⁷. В Симбирской губернии было 11 крупных селений с числом жителей более 5 тыс. чел.: села Ключищи, Порецкое, Пронзино, Барышская Слобода, Старое Тимошкино, Старые Костычи и др.

По данным переписи 1897 г., довольно высоким среди городского населения был процент уроженцев других уездов и других губерний. В Самаре этот показатель составил 66,1 %, Казани – 64,7 %, Саратове – 59,9 %, Симбирске – 55,3 %, Царицыне – 63,4 %, Пензе – 54 %¹³⁸.

Можно заключить, что темпы прироста населения средневожских губерний в начале XX в. были примерно такими же, как и в пореформенный период. Среди поволжских губерний самый высокий прирост населения был в Самарской и Саратовской губерниях: за счет естественного прироста населения и переселений сюда крестьян из других районов России. Самарская и Саратовская губернии занимали первое место также по темпам естественного движения населения и естественного прироста, а по числу родившихся Поволжье находилось на первом месте в России, опережая Сибирь, Центрально-земледельческий, Приуральский и другие районы.

Особенности колонизации Поволжья, географические, почвенные, климатические условия оказывали определенное влияние на плотность населения. Более высокой она была в лесостепных уез-

дах края, в черноземной полосе, там, где находились помещичьи земли, на месте бывших укрепленных линий и засечных черт, по берегам реки Волги и ее притоков Камы, Свияги, Суры, Самары и др. Меньшей плотность населения была в степных уездах, но и здесь в колонизируемом районе сельское население постоянно увеличивалось.

В составе населения Поволжья преобладали русские, но в конце XIX – начале XX в. удельный вес русского населения в Казанской, Симбирской, Самарской губерниях несколько снизился, а в Саратовской и Пензенской губерниях численность русского населения увеличилась.

Приведенные данные о сословном, половозрастном составе населения края позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые отличительные особенности, здесь протекали сходные с Европейской Россией процессы. Поволжье органически входило в состав центральной части страны, «ядра» Российской империи.

В начале XX в. Среднее Поволжье перестало ощущаться окраиной империи – не только за счет интеграции в имперское экономическое пространство, но и благодаря колонизации этого края населением, принесшим с собой автохтонные пространственные представления и распространившим их на новую обретенную территорию. В результате миграционных переносов пространственных представлений, подкрепленных численностью мигрантов, оформился географический образ Среднего Поволжья как трансграничного пространства. В романе современного сербского писателя М. Павича «Хазарский словарь» есть некий пассаж, позволяющий провести аналогии между Хазарским царством и Средним Поволжьем: «Все перемешалось. Никого нельзя было дважды встретить в одном и том же месте. Один свидетель видел толпу людей, которые несли огромные камни и спрашивали: где их положить? Это были пограничные знаки хазарского государства, которыми отмечалась их граница. Дело в том, что принцесса Атех приказала поднять их с места и носить до тех пор, пока не будет принято решение о вере хазар»¹³⁹. «Образ хазарской границы как текучего, неустойчивого, подвижного рубежа, как бы постоянно убегающего и неуловимого, глубоко родственен понятию и образу фронта»¹⁴⁰. И как хазарская граница, «по существу, зона борьбы, взаимодействия, переплетения различных географических представлений, сформированных в разных цивилизационных и куль-

турных мирах»¹⁴¹, так и фронтирное Среднее Поволжье, созданное из вечной дихотомии «свободы и власти как несвободы», как пространство борьбы между этими началами, маркером которой выступали миграции крестьян и мещан, православных и «инородцев» в поисках лучшей доли, свободной земли и свободного промысла, стремятся тем не менее закрепить свой географический образ в качестве стабильного целостного освоенного региона. Фронтиру свойственна разреженная в плане импульсов власти атмосфера. Никакие катаклизмы политического порядка, которые пришлось испытать региону на протяжении XX в., не смогли уничтожить этот продуцированный властью, но исключительно свободлюбивый мир. За счет особенностей национальной принадлежности населения края Поволжье фронтирно и менталитетом. Азия и Европа выпускают здесь такие устойчивые флюиды, которые тем не менее не противоборствуют, а создают особый синкретический микрокосм, позволяющий рассматривать городские организмы региона и как типично азиатские, и в то же время как типично европейские. «Пэчворк» национально-конфессиональной структуры Поволжья позволил этому региону пережить «платье империи» под свой размер: колонизации, миграции, демографические процессы региона были направлены к этой финальной «примерке». В рамках тотального властного дискурса был создан географический образ, чей символический капитал абсолютно не связан с властью, а связан с серединой: не «обочина» империи, а середина великой русской реки, середина между Европой и Азией, середина между властью и безвластием, середина истории государства, середина между городом и деревней, середина между лесом и степью, середина между Сводом законов Российской империи и его претворением в социальную жизнь Среднего Поволжья.

3. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Изучение истории Поволжья в период капитализма является крупной комплексной проблемой, включающей в себя социально-экономический, политический и культурный аспекты¹⁴². Большой интерес при изучении всего многообразия тем, связанных с изучением этого обширного региона, занимающего территорию

вдоль Волги от ее слияния с Камой до берегов Каспия¹⁴³, представляет вопрос о национальной структуре его населения.

В многочисленных работах, посвященных истории автономных республик и областей Поволжья, приводятся отдельные сведения об этническом составе их населения на различных этапах исторического развития, однако эта проблема в целом по региону не была еще предметом специального изучения.

Цель данной работы – показать на основе материалов государственной статистики дореволюционной России национальную структуру населения Поволжья к концу XIX века, выявить ее особенности и некоторые причины ее возникновения.

В состав исследуемого региона мы включаем территорию пяти поволжских губерний – Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской.

Как показывают материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, определяющей национальную принадлежность на основе родного языка, Поволжье отличалось исключительным этническим многообразием. Проанализируем численность и расселение тринадцати наиболее многочисленных народов края (русских, татар, чувашей, мордвы, украинцев, немцев, киргизов, калмыков, марийцев, башкир, вотяков, евреев и поляков), расположив их в порядке количественного представительства в составе его населения к концу XIX века. Указанные народы составляли от 97,6 (в Самарской губернии) до почти 100 % (в Казанской губернии) жителей региона (табл. 27).

Из коренных народов Поволжья самыми многочисленными являлись татары (11,4 % всего населения). Наиболее компактной группой проживали они в Казанской губернии, составляя 31,1 % ее жителей. В то же время и в других губерниях они были представлены весьма значительно, что позволяет нам говорить о более или менее равномерном расселении их по территории всего Поволжского региона. Несколько уступали татарам по численности чуваша и мордва (7,8 и 5,8 % населения Поволжья). Однако основная масса чувашского населения края концентрировалась в основном в двух губерниях – Казанской и Симбирской, а мордовского – Симбирской, Самарской и Саратовской.

Русская колонизация региона, наиболее интенсивно осуществлявшаяся со второй половины XVI века после падения Казанского и Астраханского ханства, привела к тому, что к концу XIX века

русские уже доминировали в Поволжье, составляя 59,9 % его населения. Однако в Казанской и Астраханской губерниях они не находились в абсолютном большинстве, уступая общей численности представителей других народов. Из некоренных народов края также выделялись своим количеством украинцы и немцы. Первые украинские поселения появились в Поволжье с конца XVII века, а к концу XIX века украинцы составляли 4,1 % населения региона. Немецкая же колонизация края началась, как известно, в XVIII веке после появления манифестов Екатерины II от 4 декабря 1762 г. и 22 июля 1763 г., призывавших из Европы всех желающих, кроме евреев, свободно поселяться в «наивыгоднейших к населению и обитанию рода человеческого полезнейших местах империи, до сего праздно остающихся»¹⁴⁴. К переписи 1897 г. немецкое население Поволжья достигло 4 % жителей региона, а в Самарской и Саратовской губерниях соответственно 8,2 и 6,9 %.

Такие народы, как киргизы, калмыки, марийцы, составлявшие весьма небольшой процент населения края, были тем не менее довольно значительно представлены в отдельных его губерниях. Доля калмыков в Астраханской губернии достигала 13,5 %, а киргизов – 25 % ее жителей. 5,7 % населения Казанской губернии составляли марийцы. Такова вкратце общая этническая структура населения Поволжского региона к концу XIX века.

Значительно отличался от общей картины национальный состав жителей городов края.

86,3 % их населения приходилось на долю русских, за ними шли татары (7,4 %), немцы (1,9 %), евреи и украинцы (по 0,9 %), поляки (0,7 %) (табл. 28). Русские находились в абсолютном большинстве во всех без исключения городских центрах Поволжья, в том числе и в тех губерниях, где составляли меньшинство населения губерний.

В то же время представительство коренных народов региона в городах было значительно ниже, чем их доля среди его населения в целом. Так, например, чуваша, составляя в крае 7,8 %, а в Казанской губернии даже 23,1 % населения, среди горожан были представлены крайне незначительно – 0,3 и 0,9 % соответственно. Еще меньше было среди городских жителей калмыков, марийцев, вотяков и представителей некоторых других народов, которых можно отнести к коренным для данного региона.

Определенное исключение представляли татары. И хотя их представительство в составе городского населения было также

значительно выше, чем среди населения региона в целом, они образовывали относительно многочисленную группу горожан Поволжья. Их доля колебалась от 1,4 % в городах Саратовской губернии до 12,2 и 19 % в городах Астраханской и Казанской губерний (табл. 28).

Такая картина складывалась под воздействием целого комплекса специфически проявившихся политических, идеологических и социально-экономических факторов. Следует учитывать, что в своем большинстве города Поволжья возникали как военные укрепления, форпосты колонизации края, центры административного управления новыми территориями, базы распространения православия. Торгово-промышленное значение как приоритетное направление развития приобрели они в основном позже, причем большинство перечисленных выше функций, за исключением военной, продолжало сохраняться за ними и во второй половине XIX века. В этих условиях основным первоначальным этническим ядром их населения должно было стать пришлое, прежде всего, русское население. Это, в свою очередь, создавало благоприятные условия для новых русских переселенцев в города, которые попадали уже в родственную этническую среду. Немногочисленные древние городские центры Поволжья, такие, как Казань, Астрахань, являвшиеся в прошлом столицами самостоятельных государств, после их присоединения начинали выполнять новые функции. Их старое население, состоявшее в основном из коренных народов региона, в ходе боевых действий было либо уничтожено, либо в значительной степени разогнано. Таковы были в самых общих чертах условия, в которых складывалось городское население Поволжья, начиная со второй половины XVI века. Но если на ранних этапах его становления доминировали политические и идеологические факторы, то на более поздних, и особенно в пореформенный период на первое место выходят факторы социально-экономические и демографические.

Особенно отчетливо это проявлялось в крупных городах региона, в число которых, прежде всего, входили все его губернские центры: Казань, Симбирск, Самара, Саратов и Астрахань. Во второй половине XIX века они превращаются в крупные центры торговли и переработки пищевых продуктов, идущих в промышленные районы страны и на экспорт. С 1880-х гг., когда по Волге двинулся основной поток нефти с Апшеронского полуострова, в

этих городах получает развитие нефтяная торговля и химическая промышленность. Росли предприятия по обслуживанию водного и железнодорожного транспорта, производству строительных материалов.

Нельзя недооценивать роль губернских центров и в общественно-политической, культурной и религиозной жизни не только русского, но и других народов Поволжья. В Казани жили и работали известные татарские ученые К. Насыри, Х. Фаизханов, Ш. Марджани, действовала учительская семинария Н.И. Ильминского по подготовке преподавателей для начальных школ из представителей коренных народов края. В Симбирске, преодолевая сопротивление консервативных кругов, осуществлял свои планы чувашский просветитель и педагог И.Я. Яковлев. Значительное влияние на социально-экономическое и культурное развитие народов Нижней Волги оказывали Самара, Саратов и особенно Астрахань, исторически сложившийся как крупный центр всероссийской и международной торговли. Таким образом, указанные населенные пункты носили многофункциональный профиль и характеризовались разнообразным развитием своей городообразующей базы, что, безусловно, способствовало притоку в них значительных групп нерусского населения.

Из нерусских народов в губернских городах Поволжья в наибольшем количестве проживали татары. Так, в Казани и Астрахани они составляли соответственно 21,9 и 13,6 %, а в целом по губернским центрам края – 9,8 % их жителей (табл. 29). Таким образом, удельный вес лиц татарской национальности в крупнейших городах Поволжья приближался к уровню их представительства в составе населения всего региона (11,4 %). Характерной особенностью губернских центров являлась довольно значительная прослойка лиц немецкого, еврейского и польского происхождения. В Астрахани проживало также значительное количество армян и персов. В ряде городов Поволжья существовали отдельные улицы, кварталы, целые районы со своей архитектурой, культурно-бытовыми традициями, где проживали наиболее многочисленные этнические группы горожан из числа нерусских народов. В частности, обширные татарские районы существовали в Казани и Астрахани.

Как многонациональный отряд российского рабочего класса с самого начала складывался пролетариат Поволжья. Наряду с русскими, которые составляли костяк промышленных рабочих фаб-

рично-заводских центров региона, в его состав постоянно вливались люди из числа татар, чувашей и некоторых других национальностей. На отдельных предприятиях Казани, например, татары составляли от 30 до 50 процентов от общего числа работавших¹⁴⁵.

Однако применительно к Поволжью не стоит преувеличивать значение отмеченных факторов, даже для крупных экономических, политических и культурных центров. К концу XIX века русские составляли 82,9 % населения губернских городов Поволжского региона. Это свидетельствует о том, что экономическое развитие отдельных городов, расположенных в центре тех или иных этнических ареалов, еще не всегда автоматически вело к росту представителей коренной национальности в составе их населения. Капиталистической промышленности и транспорту во все большей мере необходимы были работники, обладающие определенным уровнем квалификации и грамотности, а таковых не могла дать национальная деревня, поэтому потребность в кадрах покрывалась за счет притока рабочей силы из других районов страны. Это сдерживало рост численности национального городского промышленного пролетариата. Определенное тормозящее воздействие на процесс вселения представителей коренных народов региона в города оказывал и языковой барьер, существовавший между русским этническим ядром городских жителей и основной массой коренного населения. Исключительно русской оставалась местная администрация, расположенная в городах.

Особенно разительным было отличие этнической структуры населения уездных городов Поволжья от общей национальной структуры региона в целом. К концу XIX века большинство из них не имели сколько-нибудь крупной промышленности, культурного потенциала и играли важную роль, прежде всего, как административные центры. В конце XIX века 90,8 % населения этих городов приходилось на долю русских. Даже в таких губерниях, как Казанская и Астраханская, где русские находились в меньшинстве, их удельный вес среди жителей уездных центров достигал соответственно 64,7 и 79,8 % (табл. 30). Татары составляли 4,2 % их населения, представительство же других коренных народов региона среди жителей этих городов было крайне незначительно.

Национальный состав населения Поволжья в конце XIX века¹⁴⁹

№ п/п	Национальность	Губернии Поволжья										В целом по региону	
		Казанская		Симбирская		Самарская		Саратовская		Астраханская		Всего данной нац.	%
		Всего данной нац.	%										
1	Русские	832475	38,4	1038493	68,0	1775839	64,5	1846436	76,7	409306	40,8	5902549	59,9
2	Татары	675419	31,1	133977	8,8	165191	6,0	94673	3,9	52799	5,3	1122079	11,4
3	Чуваши	502042	23,1	159766	10,5	91839	3,3	14403	0,6	292	*	768342	7,8
4	Мордва	22187	1,0	188980	12,4	238598	8,7	123893	5,1	1852	0,2	575510	5,8
5	Украинцы	789	*	1271	*	119301	4,3	149291	6,2	133115	13,3	403767	4,1
6	Немцы	1155	*	593	*	224336	8,2	166528	6,9	5162	0,5	397774	4,0
7	Киргизы	21	*	1	*	7843	0,3	45	*	250820	25,0	258730	2,6
8	Калмыки	–	–	–	–	–	–	733	*	138572	13,8	139305	1,4
9	Марийцы	122717	5,7	13	*	25	*	21	*	16	*	122792	1,2
10	Башкиры	38	*	20	*	57242	2,1	1262	*	9	*	58571	0,6
11	Вотяки	9679	0,4	15	*	2118	*	68	*	7	*	11887	0,1
12	Евреи	1381	*	445	*	1669	*	2527	0,1	2214	0,2	8236	*
13	Поляки	1700	*	757	*	1940	*	2596	0,1	839	*	7832	*
Итого указанных народов		2169603	99,9	1524331	99,8	2685941	97,6	2402496	99,9	995003	99,9	9777374	99,2
Прочие народы		1062	*	3517	0,2	65393	2,4	333	0,1	8539	0,9	81846	0,8
ИТОГО		2170665	100	1527848	100	2751336	100	2405829	100	1003542	100	9859220	100

Примечание: В данной и последующих таблицах звездочками обозначены проценты численности народов, составлявших менее 0,1% от общего количества населения указанных регионов.

Таблица 28

Национальный состав населения городов Поволжья в конце XIX века¹⁵⁰

№ п/п	Национальность	Проживает в городах губерний Поволжья										В целом по городам региона	
		Казанская		Симбирская		Самарская		Саратовская		Астраханская		Всего данной нац.	%
		Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%
1	Русские	142567	76,8	100452	93,0	144855	91,2	282131	91,1	102216	77,1	772221	86,3
2	Татары	35252	19,0	4123	3,8	6536	4,1	4296	1,4	16137	12,2	66341	7,4
3	Чуваши	1645	0,9	456	0,4	186	0,1	43	*	32	*	2362	0,3
4	Мордва	148	*	947	0,9	1359	0,9	937	0,3	142	0,1	3533	0,4
5	Украинцы	724	0,4	436	0,4	822	0,5	2772	0,9	3004	2,3	7758	0,9
6	Немцы	1020	0,5	299	0,3	1226	0,8	12963	4,2	1590	1,2	17098	1,9
7	Киргизы	17	*	1	*	372	0,2	7	*	426	0,3	823	*
8	Калмыки	–	–	–	–	–	–	141	*	489	0,4	630	*
9	Марийцы	475	0,3	3	*	8	*	16	*	6	*	508	*
10	Башкиры	36	*	4	*	127	*	26	*	–	–	193	*
11	Вотяки	92	*	6	*	20	*	68	*	7	*	193	*
12	Евреи	1324	0,7	430	0,4	1423	0,9	2316	0,7	2128	1,6	7621	0,9
13	Поляки	1577	0,8	635	0,6	1123	0,7	2182	0,7	693	0,5	6210	0,7
	Итого указанных народов	184877	99,6	107792	99,8	158057	99,5	307898	99,5	126870	95,7	885491	99,0
	Прочие народы	711	0,4	257	0,2	785	0,5	1651	0,5	5632	4,3	9039	1,0
	ИТОГО	185588	100	108149	100	158842	100	309549	100	132502	100	894530	100

**Национальный состав населения губернских городов
Поволжья в конце XIX века¹⁵¹**

№ п/п	Национальность	Проживает в губернских городах губерний Поволжья										В целом по губернским городам региона	
		Казанская		Симбирская		Самарская		Саратовская		Астраханская			
		Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%
1	Русские	95402	73,4	37785	90,6	82907	92,1	121720	88,8	86563	76,7	424377	82,9
2	Татары	28520	21,9	2191	5,3	2301	2,6	1711	1,2	15355	13,6	50078	9,8
3	Чуваши	501	0,4	303	0,7	87	0,1	26	*	32	*	949	0,2
4	Мордва	77	*	189	0,5	636	0,7	394	0,3	137	0,1	1433	0,3
5	Украинцы	685	0,5	252	0,6	402	0,4	1159	0,8	476	0,4	2974	0,6
6	Немцы	982	0,8	172	0,4	995	1,1	8367	6,1	1573	1,4	12089	2,4
7	Киргизы	17	*	–	–	1	*	5	*	239	0,2	262	*
8	Калмыки	–	–	–	–	–	–	1	*	191	0,2	192	*
9	Марийцы	217	0,2	2	*	7	*	11	*	6	*	243	*
10	Башкиры	33	*	1	*	28	*	21	*	–	–	83	*
11	Вотяки	89	*	6	*	16	*	64	*	4	*	179	*
12	Евреи	1295	1,0	237	0,6	1119	1,2	1293	0,9	2115	1,9	6059	1,2
13	Поляки	1479	1,1	390	0,9	958	1,1	1728	1,3	640	0,6	5195	1,0
	Итого указанных народов	129297	99,5	41528	99,6	89457	99,4	136500	99,5	107331	95,1	504113	98,5
	Прочие народы	662	0,5	156	0,4	542	0,6	647	0,5	5549	4,9	7556	1,5
	ИТОГО	129959	100	41684	100	89999	100	137147	100	112880	100	511669	100

Таблица 30

**Национальный состав населения уездных городов
Поволжья в конце XIX века¹⁵²**

№ п/п	Национальность	Проживает в уездных городах губерний Поволжья										В целом по уездным городам региона	
		Казанская		Симбирская		Самарская		Саратовская		Астраханская		Всего данной нац.	%
		Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%	Всего данной нац.	%
1	Русские	46098	84,7	62667	94,4	58918	89,6	160411	93,0	15653	79,8	343747	90,8
2	Татары	6571	12,1	1932	2,9	4215	6,4	2585	1,5	782	4,0	16085	4,2
3	Чуваши	1144	2,1	153	0,2	97	0,1	17	*	-	-	1411	0,4
4	Мордва	71	0,1	758	1,1	723	1,1	543	0,3	5	*	2100	0,6
5	Украинцы	39	*	184	0,3	420	0,6	1613	0,9	2528	12,9	4784	1,3
6	Немцы	38	*	127	0,2	231	0,4	4596	2,7	17	*	5009	1,3
7	Киргизы	-	-	1	*	371	0,6	2	*	187	1,0	561	0,1
8	Калмыки	-	-	-	-	-	-	140	*	298	1,5	438	0,1
9	Марийцы	258	0,5	1	*	1	*	5	*	-	-	265	*
10	Башкиры	3	*	3	*	99	0,1	5	*	-	-	110	*
11	Вотяки	3	*	-	-	3	*	-	-	3	*	9	*
12	Евреи	29	*	193	0,3	304	0,5	1023	0,6	13	*	1562	0,4
13	Поляки	98	0,2	245	0,4	165	0,2	454	0,3	53	0,3	1015	0,3
	Итого указанных народов	54352	99,9	66264	99,8	65547	99,6	171394	99,4	19539	99,6	377096	99,6
	Прочие народы	49	*	101	0,2	239	0,4	1008	0,6	83	0,4	1480	0,4
	ИТОГО	54401	100	66365	100	65786	100	172402	100	19622	100	378576	100

Таким образом, следует отметить, что население Поволжья к концу XIX века отличалось исключительно многонациональным составом, который был обусловлен историческими судьбами этого региона и особенностями его социально-экономического развития. Крупные губернские города края, в отличие от мелких уездных центров, носивших преимущественно моноэтнический характер, являлись местом сосредоточения более пестрого в национальном отношении населения, центрами интенсивных межнациональных контактов, что оказывало позитивное воздействие на экономическое, политическое и культурное развитие всех народов данного региона.

4. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Территория Самарского Заволжья, где в середине XIX в. была образована Самарская губерния, на протяжении длительного исторического периода представляла собой типичный фронт континентальной империи – огромные слабозаселенные пространства, «ничейную землю» между ареалами обитания земледельческих народов и степных кочевников. Период интенсивного заселения и аграрного освоения Левобережного Заволжья начался лишь со второй половины XVIII в. – существенно позже официального закрепления этих земель в составе Российского государства и только тогда, когда они перестали быть опасным степным порубежьем.

Население региона формировалось как полиэтничное; переселенцы, приходившие на заволжские земли, принадлежали к разным этносам и были выходцами из разных губерний России. Современные ученые пришли к обоснованному выводу, что в основных чертах этнический состав населения Самарской губернии определился в конце XVIII – первой половине XIX в.; тогда же сложились и районы компактного проживания различных этнических групп¹⁵³. Но и после этого, в пореформенный период, территория Самарской губернии продолжала оставаться зоной миграций, активного движения населения. Земские статистики, исследовавшие в 1880-е гг. состояние крестьянских хозяйств различных уездов губернии, отмечали, что «процесс колонизации Самарского уезда не закончился еще и до настоящего момента»; «процесс колонизации [Ставропольского] уезда и до сих пор еще не закончился»; «переселенческое движение крестьян Бузулукского уезда

не прекратилось и до настоящего времени», «прилив новых переселенцев в Николаевский уезд не прекращается»; «процесс колонизации [Новоузенского] уезда далеко еще не закончился»¹⁵⁴. Следовательно, продолжались и изменения в национальном составе населения губернии, хотя уже не в таких масштабах, как прежде.

Проследить эти изменения на протяжении второй половины XIX в. позволяют статистические источники. Трудность их использования заключается в том, что для выявления динамики явлений необходимы не просто достоверные, а непременно сопоставимые данные. Однако сведения статистического характера на протяжении XIX в. собирали разные учреждения, исходя при этом из разных задач и используя неодинаковые методики. В интересующий нас период, с 1857 г., сбор и обработка статистических материалов были сосредоточены в руках Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, который координировал работу губернских статистических комитетов (Самарский губернский статистический комитет был создан в 1854 г., вскоре после образования Самарской губернии)¹⁵⁵. В 1870–1880-е гг., после проведения земской реформы, при губернских земских управах сложилась система земских статистических бюро; преимущественной сферой их интересов было проведение обследований крестьянских хозяйств. Земское статистическое бюро в Самарской губернии было сформировано в 1882 г.¹⁵⁶; с этого времени в губернии действовали две статистические службы – государственная (губернский статистический комитет) и общественная (земская).

Далеко не всегда при сборе сведений о населении империи статистики или чиновники интересовались его национальным составом: в XIX в. для идентификации и классификации подданных Российской империи чаще применялись такие характеристики, как сословный статус и вероисповедание¹⁵⁷. В силу этого такие интересные статистические источники, как «Памятные книжки» и «Адрес-календари» Самарской губернии, оказываются совершенно бесполезны для выяснения именно национального состава населения. В «Списках населенных мест Самарской губернии», подробнейших и крайне информативных источниках по истории края, приведены лишь общие сведения о том, представители каких народов и конфессий проживают в том или ином населенном пункте, без указания точной численности каждой этнической группы (например, «русские, чуваша, православные, раскольники» или «немцы, татары, меннониты, лютеране, католики, магометане»)¹⁵⁸.

Тем не менее ряд источников содержит достаточно полную и подробную статистическую информацию о национальном составе населения Самарской губернии.

В «Материалах для статистического описания Самарской губернии», составленных Б. Лясковским, «число жителей показано согласно официальным сведениям, собранным Самарским Губернским Статистическим Комитетом, за 1858 год»¹⁵⁹. Сведения о национальном составе населения приводятся Лясковским по Самарской губернии в целом, без выделения данных по отдельным уездам. Всего им выделено 12 этнических групп: русские (великороссы), малороссияне (в современной терминологии – украинцы), поляки, мордва, чувашаи, вотяки (в современной терминологии – удмурты), татары, тептяри (небашкирское население, жившее среди башкир), башкиры, «киргизы» (в современной терминологии – казахи), немцы и евреи. Графа «прочие» не предусмотрено. Ляковский особо уточнял, что данные о численности мордвы и чувашей, приведенные в указанном издании, относятся к более раннему периоду: сведения о численности государственных крестьян из мордвы и чувашей были получены в 1856 г. от управляющего Самарской папайой государственных имуществ Н.А. Кояндера, а о численности удельных крестьян из мордвы и чувашей – в 1857 г. от чиновников удельного ведомства¹⁶⁰.

«Статистические таблицы Самарской губернии» (в шести томах, 1870–1871 гг.) были изданы по итогам подворной переписи, проведенной Самарским губернским статистическим комитетом в 1866 г.; программа переписи была составлена помощником председателя комитета П.А. Рихтером¹⁶¹. Этот труд содержит сведения о национальном составе населения каждого из семи уездов Самарской губернии, а также сводные данные по губернии в целом¹⁶². Здесь выделены 10 национальных групп: «великороссияне», «малороссияне», поляки, немцы, мордва, чувашаи, вотяки, эсты, татары, башкиры; данные приводятся по мужчинам и женщинам отдельно. Графа «прочие» отсутствует.

«Сборники статистических сведений по Самарской губернии» (в семи томах, каждый из которых посвящен одному из уездов) были составлены земским статистическим бюро губернии по данным подворной переписи, осуществлявшейся в течение 1883–1889 гг. Эта масштабная работа была начата под руководством известного земского статистика В.Н. Орлова, а после его отъезда из Самары продолжена по установленной им программе статистиками И.М. Красноперовым, К.Э. фон Паприцем, А.Ф. Фортуна-

товым и другими¹⁶³. Затем, в 1892 г., ими был опубликован «Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии»¹⁶⁴. Таким образом, представленные в этом сборнике данные нельзя рассматривать как некий единовременный срез. На страницах «Сводного сборника статистических сведений по Самарской губернии» были выделены следующие этнические группы населения губернии: великорусы и малороссы (объединены в одну группу); мордва; чувашаи; немцы; татары и башкиры (объединены в одну группу); эстонцы; поляки; вотяки. Графа «прочие» и здесь не была предусмотрена.

Следует отметить, что в сборниках статистических сведений по отдельным уездам данные могли быть сгруппированы несколько иначе, чем в сводном сборнике. Так, например, в сборнике статистических сведений по Самарскому и Новоузенскому уездам данные о великорусах и малороссах указывались по отдельности; в сборнике по Бузулукскому уезду данные о численности татар и башкир приводились по отдельности, а в сборниках по Бугурусланскому и Бугульминскому уездам татары и башкиры были объединены в одну группу, как и в «Сводном сборнике статистических сведений по Самарской губернии». Безусловно, такая группировка затрудняет сопоставление данных за 1883–1889 гг. с данными за 1856–1858 и 1866 годы.

Наконец, уникальным по полноте представленного материала и по качеству его обработки является такой источник, как данные Всероссийской переписи населения 1897 г. (первой и единственной такой переписи в Российской империи). Общее руководство подготовительными работами для проведения переписи осуществляла Главная переписная комиссия во главе с министром внутренних дел; обработка собранных материалов была поручена отделу переписи Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Предварительные итоги переписи были опубликованы уже в 1898 г.; затем с 1899 по 1904 гг. публиковались основные результаты переписи в 89 томах (119 книгах) по отдельным губерниям и областям Российской империи¹⁶⁵; наконец, в 1905 г. был издан «Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.»¹⁶⁶ Среди 14 признаков каждого переписываемого лица, которые должны были указываться в переписных листах, значилась не национальность, а «родной язык»: как указывала инструкция, «здесь вписывается название того языка, который каждый считает для себя родным». При обработке данных пере-

писи население Российской империи и ее отдельных регионов группировали «по родному языку», а также «по народностям (на основании показаний о родном языке)»¹⁶⁷. Хотя, с точки зрения современной науки, национальная идентичность человека определяется не только тем, какой язык он или она считает родным (и одно не всегда совпадает с другим), следует признать, что именно материалы переписи содержат наиболее подробные и полные данные, которые могут быть использованы для анализа национального состава населения Российской империи и ее отдельных регионов. Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении статистические источники, относящиеся ко второй половине XIX в., составлены различными статистическими органами. Приведенные в них сведения получены путем применения разных методик обследования (в большинстве случаев это были подворные переписи, в случае переписи 1897 г. – непосредственный опрос населения). Имеются некоторые различия и в классификации этнических групп. Тем не менее, содержащиеся в этих источниках данные (табл. 31, 32) позволяют с достаточной степенью достоверности воссоздать картину этнического состава населения Самарской губернии и сделать некоторые важные выводы о динамике абсолютных и относительных показателей, характеризующих национальную структуру населения губернии.

Таблица 31

**Национальный состав населения Самарской губернии
во второй половине XIX в.¹⁶⁸**

Национальность	1856–1858 гг.		1866 г.		1883–1889 гг.		1897 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	1 052 013	68,75	1 032 293	62,72	} 1 433 009	67,88	1 775 839	64,54
Украинцы	45 000	2,94	68 573	4,17			119 301	4,34
Белорусы	418	0,02
Поляки	1 385	0,09	155	0,01	376	0,02	1 940	0,07
Удмурты	1 062	0,07	1 292	0,08	1 740	0,08	2 118	0,08
Мордва	127 398	8,33	180 971	11,00	156 636	7,42	238 598	8,67
Чуваши	60 318	3,94	59 328	3,60	67 745	3,21	91 839	3,34
Тепляри	36 520	2,39	} 70 184	} 4,26	47 684	1,73
Башкиры	20 934	1,37			57 242	2,08		
Татары	95 454	6,24	96 810	5,88	} 217 742	10,31	165 191	6,00
Мещеряки			6 580	0,24
Немцы	89 134	5,83	135 299	8,22	180 422	8,55	224 336	8,15
Казахи	750	0,05	7 843	0,29
Евреи	125	0,01	1 669	0,06
Эстонцы	693	0,04	1 713	0,08	2 029	0,07
Литовцы	650	0,02
Латыши	183	0,01
Цыгане	802	0,03
Турки	2 906	0,11
Туркмены	3 539	0,13
Общая численность населения ¹⁶⁹	1 530 093	100	1 645 598	100	2 111 043	100	2 751 336	100

Таблица 32

**Динамика численности населения Самарской губернии
во второй половине XIX в.**

Национальность	Абсолютный прирост (+/-), чел.			Темпы роста населения, %		
	1866 г. к 1856– 1858 гг.	1897 г. к 1866 г.	1897 г. к 1856– 1858 гг.	1866 г. к 1856– 1858 гг.	1897 г. к 1866 г.	1897 г. к 1856–1858 гг.
Русские	- 19 720	+ 723 826	+ 743 546	98,1	172,0	168,8
Украинцы	+ 23 573	+ 50 728	+ 74 301	152,4	174,0	265,1
Белорусы		+ 418	+ 418			
Поляки			+ 555			140,1
Удмурты	+ 230	+ 826	+ 1 056	121,6	163,9	199,4
Мордва	+ 53 573	+ 57 627	+ 111 200	142,0	131,8	187,3
Чуваши	- 990	+ 32 511	+ 31 521	98,3	154,8	152,3
Тептяри			+ 11 154			130,6
Башкиры			+ 36 308			273,4
Татары	+ 1 356	+ 68 381	+ 69 737	101,4	170,6	173,1
Немцы	+ 46 165	+ 89 037	+ 135 202	151,8	165,8	251,7
Казахи			+ 7 093			1045,7
Евреи			+ 1 544			1335,2
Эстонцы		+ 1 336			292,8	
Общая численность населения	+ 115 505	+ 1 105 738	+ 1 221 243	107,5	167,2	179,8

Как можно заключить из этих данных, численность населения Самарской губернии в целом и отдельных этнических групп на протяжении второй половины XIX в. неуклонно возрастала. Скачкообразные колебания численности поляков, башкир и (в меньшей степени) русских могут объясняться тем, что «в статистических данных того времени не совсем точно определялась этническая принадлежность, особенно грани между представителями близких по языку или культуре этнических групп»: например, грани между русскими и украинцами, поляками и белорусами, тептярями и башкирами и даже между русскими и «обрусевшей» мордвой¹⁷⁰.

Динамику национального состава населения Самарской губернии во второй половине XIX в. характеризуют показатели абсолютного прироста и темпов роста населения по каждой из этнических групп (безусловно, расчет произведен лишь в тех случаях, когда в нашем распоряжении имеются сопоставимые данные по разным временным периодам).

Таким образом, общая численность населения губернии в 1897 г. по сравнению с 1858 г. увеличилась более чем на 1 221 тыс. чел. или на 79,8 %. Наиболее существенным оказался абсолютный при-

рост численности русского населения Самарской губернии, составивший за период 1856–1897 гг. более 743 тыс. чел. или 68,8 %. В «первую пятерку» по показателям абсолютного прироста численности населения вошли также немцы (прирост более чем на 135 тыс. чел.), мордва (прирост более чем на 111 тыс. чел.), украинцы (прирост более чем на 74 тыс. чел.) и татары (прирост более чем на 69 тыс. чел.). Заметным оказался и абсолютный прирост численности башкирского населения: более чем на 36 тыс. чел.

Относительные показатели темпов роста численности населения за период 1856–1897 гг. выше среднегубернских (179,8 % по таким национальным группам, как башкиры (273,4 % , украинцы (265,1 % , немцы (251,7 % , удмурты (199,4 % и мордва (187,3 %). Крайне высокие темпы роста численности таких этнических групп, как казахи (более чем в 10 раз) и евреи (более чем в 13 раз), при небольшом абсолютном приросте, объясняются весьма низким «стартовым уровнем» их численности в 1856–1858 гг.

Если обратиться не только к итоговым (1856–1897 гг.), но и к промежуточным данным, можно увидеть, что на разных временных отрезках первенство по темпам роста численности населения принадлежало разным народам. Так, за период 1856–1866 гг. темпы роста существенно выше среднегубернских (107,5 %) зафиксированы по таким национальным группам, как украинцы (152,4 %), немцы (151,8 %), мордва (142,0 %), удмурты (121,6 %). Эта картина существенно изменилась в период 1866–1897 гг.: выше среднегубернского уровня темпов роста населения (167,2 %) поднялись эстонцы (292,8 %), украинцы (174,0 %), русские (172,0 %), татары (170,6 %), тогда как темпы роста немецкого, мордовского, удмуртского населения оказались ниже среднегубернских показателей.

О факторах роста численности населения отдельных этнических групп можно судить по наблюдениям земских статистиков. Так, ими была отмечена «неравномерность естественного приращения населения» у разных народов: например, в Ставропольском уезде за 25-летний период от X ревизии 1857 г. до подворной переписи 1883 г. «русское крестьянское население возросло на 36,4 %, мордовское – на 48,5 %, чувашское – на 40,8 % и татарское – на 51,5 %»¹⁷¹. По Бугульминскому уезду, как констатировали статистики, «из племенных групп самый значительный прирост населения обнаруживается у татар, за которыми следуют русские и мордва; чуваша же и вотяки по приросту населения занимают после-

днее место»¹⁷².

Кроме того, динамику численности населения определял не только естественный прирост населения (за счет превышения рождаемости над смертностью), но и механический (за счет миграций). Так, отмечая «чрезвычайно резкую разницу в величине прироста населения у двух господствующих групп [населения Новоузенского уезда] – русских и немцев» за 30 лет, прошедших после ревизии 1858 г., земские статистики указывали: «У первых население увеличилось за описанный период времени на 46,3 %, у последних на 66,4 %, или иначе в первой группе оно ежегодно увеличивалось на 1,35, в последней на 2,21 %. На сильное увеличение немецкого населения влиял помимо естественного прироста еще механический путем переселения немцев из Саратовской губ. в Новоузенский уезд уже после X ревизии, так что в течение 60 и 70 годов из таких переселенцев образовалось в уезде 16 новых колоний»¹⁷³.

К сожалению, материалы государственной и земской статистики за 1856–1858, 1866, 1883–1889 гг. не содержат систематизированной информации о миграции отдельных национальных групп населения, а также о соотношении естественного и механического прироста населения. Определить масштабы миграционного движения можно по материалам Всеобщей переписи населения 1897 г.: переписные листы содержали вопросы «Родился ли здесь, а если не здесь, то где именно? (губерния, уезд, город)»; «Приписан ли здесь, а если не здесь, то где именно?»; «Где обыкновенно проживает: здесь ли, а если не здесь, то где именно? (губерния, уезд, город)». В совокупности ответы на эти вопросы позволяли определить численность и удельный вес неместных уроженцев по каждой губернии и уезду империи – и тем самым «подвести итог внутренним миграциям населения» на протяжении почти всего пореформенного периода¹⁷⁴.

Согласно подсчетам Б.В. Тихонова и П.И. Савельева, на 1897 г. в составе населения Самарской губернии было 244 974 чел. неместных уроженцев (8,9 % всего населения губернии), в том числе 115 133 чел. (47 %) – выходцев из-за пределов Поволжья и 129 841 чел. (53 %) – уроженцев Поволжья. Численность неместных уроженцев, проживавших в Самарской губернии, была выше, чем численность местных уроженцев, выехавших в иные регионы Российской империи; следовательно, наблюдался «прилив» населения в губернию, составлявший 5 304 чел.¹⁷⁵ Это отличало Самарс-

кую губернию от других губерний Поволжья: по Казанской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерниям, как и по региону в целом, к концу XIX в. наблюдался «отлив» населения¹⁷⁶. Как отмечает П.И. Савельев, во второй половине XIX в. «из всех губерний Поволжья лишь Самарская сохранила статус колонизируемой территории, только здесь наблюдался прилив населения, хотя разность между приходом и выходом была невелика»¹⁷⁷.

Как указывают Б.В. Тихонов и П.И. Савельев, у Самарской губернии был положительный баланс взаимного обмена переселенцами с губерниями Центрально-Черноземного и Центрально-Промышленного районов – Тамбовской, Нижегородской, Курской, Рязанской, Владимирской, а также с губерниями Поволжья – Симбирской, Саратовской, Пензенской и Казанской. Этот вывод соответствует данным, приводимым в «Сборниках статистических сведений по Самарской губернии» 1883–1889 гг.: как отмечали земские статистики, в числе переселенцев, селившихся на землях Самарской губернии в пореформенный период, были представлены уроженцы Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской, Курской, Тамбовской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Уфимской, Вятской и других губерний. В статистических сборниках того периода особо оговаривается национальная принадлежность нескольких групп переселенцев: «малороссов» (из Киевской губернии), мордвы (из Казанской губернии и других «губерний промышленного района»), немцев (переселенцев из соседней Саратовской губернии), эстонцев (переселенцев из Эстляндии, Лифляндии и Ревеля), евреев и латышей¹⁷⁸. Показательно, что именно по украинскому, немецкому, мордовскому и еврейскому населению губернии нами были отмечены высокие темпы роста (выше среднегубернских) за период 1856–1897 гг., а по эстонскому – за период 1866–1897 гг. В большинстве же случаев национальная принадлежность переселенцев не уточнялась; судя по географии регионов выхода, можно предположить, что среди мигрантов преобладали русские и украинцы.

Следствием различной интенсивности изменений численности национальных групп стали сдвиги в национальном составе населения губернии. Можно отметить, что на протяжении всего исследуемого периода большинство населения губернии составляли русские, хотя доля этой национальной группы в общем составе

населения несколько снизилась (с 68,75 в конце 1850-х гг. до 64,54 % по данным 1897 г.). Заметно вырос за полвека удельный вес немецкого населения губернии (с 5,83 до 8,15 %), украинцев (с 2,94 до 4,34 %), а также башкир (с 1,37 до 2,08 %). Доля мордвы в составе населения губернии существенно повысилась в промежуток между 1856–1857 и 1866 гг. (с 8,33 до 11 %) и вновь снизилась к 1897 г. до 8,67 %. Несколько снизился к 1897 г. по сравнению с серединой XIX в. удельный вес татарского (с 6,24 до 6,00 %) и чувашского населения (с 3,94 до 3,34 %). В целом же картину распределения различных национальных групп в составе населения губернии за вторую половину XIX в. можно признать достаточно стабильной. Это подтверждает вывод самарских исследователей о том, что в основных чертах этнический состав населения Самарской губернии сложился к середине XIX в.

5. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ ПОЛИЭТНИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В данном разделе под Самарским Заволжьем понимается территория бывшей Самарской губернии – современной Самарской, отдельных районов Ульяновской, Оренбургской, Саратовской областей, республик Татарстан и Башкортостан. В предшествующих разделах, а также в целом ряде других публикаций¹⁷⁹ рассматривалась история формирования этнически смешанного населения Самарской губернии в XVI – первой половине XIX в. Здесь же анализируются процессы взаимодействия различных этнических и конфессиональных групп на указанной территории в ходе аграрного освоения степного Заволжья во второй половине XIX – начале XX в. (с некоторыми необходимыми экскурсами в предысторию). Основное внимание уделяется прежде всего конкретным проявлениям этнокультурных процессов: движению потоков переселенцев из различных регионов и формированию этнической карты Самарского Заволжья; процессам диффузии, ассимиляции и аккультурации различных этнических, конфессиональных и земляческих групп; изменениям их самоидентификации; формированию новой историко-культурной области.

Этнокультурные процессы в отечественной науке принято разделять на внутриэтнические, межэтнические и надэтнические¹⁸⁰.

Внутриэтнические включают, главным образом, процессы консолидации, или усиления внутренней культурно-бытовой однородности этноса в результате распространения элементов материальной и духовной культуры, свойственных в прошлом какой-то одной локальной группе, на другие подразделения этноса. Убедительным примером этих процессов для данной работы могут служить русские переселенцы из различных регионов России, формировавшиеся в единую этнотерриториальную группу русских Поволжья. Аналогичные процессы характерны для других, традиционных для исследуемой территории народов – башкир, немцев, татар, украинцев, чувашей и др.

К *межэтническим* этнокультурным процессам относятся изменения этноса в результате заимствований тех или иных элементов материальной и духовной культуры у контактирующих с ним народов; возникающая при этом этнокультурная ассимиляция сегодня чаще называется аккультурацией, диффузией культур. Культура практически всех народов региона Поволжья и Приуралья свидетельствует об активном характере указанных процессов, характерных для всего периода аграрного освоения Заволжья, значительно усилившихся в исследуемый период, в связи с формированием стабильной этнодемографической ситуации и контактов между разнородными этническими группами на постоянной основе.

Надэтнические процессы характеризуются культурно-бытовыми изменениями, обусловленными сменой способов производства культурных ценностей, вытеснением традиционных элементов культуры этноса унифицированным промышленным продуктом. Эти процессы можно рассматривать в качестве основы для модернизации и трансформации культуры.

Этнокультурные процессы в регионе степного Заволжья были обусловлены хозяйственно-экономическим освоением территории в XVII – XIX вв., характеризующимся взаимодействием двух хозяйственно-культурных типов – кочевническо-скотоводческого и оседло-земледельческого.

Формирование этнической карты южных и юго-восточных уездов Самарской губернии. К началу XIX в. земледельческим населением были освоены в большей мере северные и северо-восточные уезды Самарской губернии – Самарский, Ставропольский, Бугульминский, Бугурусланский. В XIX веке аграрное освоение распространилось, главным образом, на южные и юго-восточные –

Бузулукский, Николаевский и Новоузенский уезды, где еще существовало значительное количество незаселенных земель, зачастую принадлежавших кочующим народам.

Различия в освоении указанных территорий подчеркивались И.М. Красноперовым: «Проезжая Бузулукский уезд с запада на восток, т. е. вдоль всего уезда, вы заметите большую скученность населения в западной и северной его частях, нежели в восточной. Главная причина такого неравномерного распределения населения в уезде заключается в направлении русской колонизационной волны с запада на восток, преимущественно в первой четверти текущего [XIX. — Т. В.] столетия. В направлении колонизации Бузулукского уезда мы замечаем совершенно аналогичное явление с Ставропольским: как там, так и здесь пришлое русское население первоначально селилось по берегам рек и речек, подвигаясь постепенно вглубь уезда с запада на восток, тогда как инородческое население с востока подвинулось навстречу русскому населению по другим рекам и речкам. Но в Ставропольском уезде инородческое население с течением времени перемешалось с русским населением, а некоторые отдельные его ветви, например, мордва, почти совершенно ассимилировались с русскими, чему помогла, главным образом, общность культурных начал, лежащих в основе занятий и образа жизни того и другого населения, тогда как в Бузулукском уезде наоборот, калмыки и башкиры, неспособные культивировать занятые ими степи, были отеснены русским земледельческим населением от центральных частей уезда к самой границе. Большая часть восточной, некогда «ковыльной» стороны уезда, вплоть до начала текущего столетия принадлежала полукочующему скотоводческому племени башкир»¹⁸¹.

Существенным препятствием для аграрного освоения заволжских степей являлись также кочевья и набеги казахов (киргис-кайсаков), в народе чаще называемых «киргизами». О присутствии кочующих «киргиз» в Бузулукском уезде в 1853 г. сообщалось в Самарское губернское правление: «С зимы 1851 г. в здешнем уезде находилось 85 киргизских кибиток»¹⁸².

Набеги казахов на существовавшие в Заволжье селения со временем приняли своеобразную форму конокрадства. «Киргизы уводили лошадей целыми косяками в 200–300 голов. В 1810 г. крестьяне села Балаково просили у правительства вознаграждения за убытки от нападения на них кочевников»¹⁸³.

Нередко казахи нанимались к крестьянам пасти стада. Правительством подобные действия не только не поощрялись, но и запрещались. Так, в 1852 г. Оренбургская пограничная комиссия просила Самарского генерал-губернатора сделать распоряжение, «чтобы жители Самарской губернии, нанимая киргиз в работники, не дозволяли им ни в каком случае иметь оседлость, т. е. засеивать хлеб и накашивать сена»¹⁸⁴.

Вследствие подобных распоряжений казахи выселялись за пределы губернии. В 1853 г. в Бузулукском уезде оставалась всего 1 кибитка, а «прочие киргизы с кибитками и имуществом высланы в места их родины в разные орды»¹⁸⁵.

В дальнейшем кочевавшие казахи встречались в Новоузенском – самом южном уезде губернии. В 1866–1869 гг. Новоузенскому уездному земскому собранию вместе с предложением учредить конную объездную команду против грабежа со стороны «киргиз», сообщалось, что «кочующие по границам уезда киргизы, не довольствуясь мелкою поштучною кражею скота, предпринимают на хутора открытые шайками наезды и, отбивая лошадей целыми косяками, скрываются в степи. Замечено также, что немало способствует развитию конокрадства наем крестьянами к своим табунам пастухов из киргиз»¹⁸⁶.

Несмотря на указанные обстоятельства, после усиления «кордонной линии» по рекам Еруслану, Торгуну и Большому Узеню, русские селения стали появляться в самых южных пределах Самарского Заволжья. Увеличение численности населения здесь отмечается особенно между седьмой и восьмой ревизиями (1816–1834 гг.). В этот период население Николаевского и Новоузенского уездов увеличилось более чем на 50 %, почти половина этого количества (около 23 %) приходилась на долю переселенцев¹⁸⁷.

Вследствие роста численности жителей бывшие слободы Чертанла и Мечетная по правительственному указу от 18 декабря 1835 г. были переименованы в уездные города Саратовской губернии – Новоузенск и Николаевск. На левой стороне Волги им отводились земли «по полторы четырехверстные пропорции», остальные земли Саратовского Заволжья были оставлены для наделения малоземельных переселенцев¹⁸⁸.

В последующий период (с 1835 по 1855 гг.) в Николаевский и Новоузенский уезды переселилось «одних лишь государственных крестьян, самовольно и с разрешения правительства, более 20 тысяч семейств, что составляло почти 100 тысяч жителей»¹⁸⁹.

В Бузулукском уезде в период с 1816 по 1834 гг. появилось 160 новых селений, что составляло почти 40 % от существовавших в уезде к концу XIX в. В целом в XIX в. в Бугульминском уезде возникло 94 новых селения, что составляло примерно 26 % от общего числа существовавших в уезде к этому времени, в Бугурусланском – 269 селений или 69 %, в Николаевском – 272 селения или 71 %¹⁹⁰.

Основным районом выхода переселенцев в южное Заволжье в данный период был черноземный центр России, где все больше ощущалось малоземелье. Большинство русских жителей Николаевского и Новоузенского уездов явились выходцами из Тамбовской губернии; в Бузулукском уезде тамбовцами было основано 116 селений¹⁹¹.

Материалы восьмой ревизии (1834 г.) показывают, что в 1827–1833 гг. в Заволжье переселилось значительное количество однодворцев из черноземного центра; по частоте встречаемости здесь преобладали выходцы из Тамбовской губернии, уездов – Кирсановского, Козловского, Лебедянского, Липецкого, Моршанского, Спасского, Темниковского), Усманского, Щецкого. Много переселенцев дали Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская и Саратовская губернии¹⁹².

В Бузулукском уезде с начала XIX в. до 1840-х гг. «курские поселенцы из уездов Шигровского, Фатежского, Старо- и Ново-Оскольского и Тимковского основали 59 деревень, пензенские – из уездов Саранского, Краснослободского и Чембарского – 58 деревень, рязанские – из уездов Ранненбургского, Скопинского и Сапожковского – 28 деревень, воронежские – из уездов Ливенского, Новохоперского и Вилуйского – 29 деревень, орловские – из уездов Елецкого, Севского, Брянского и Карачевского – 20 деревень»¹⁹³.

Как и в предыдущий период, основной причиной движения населения в Заволжье являлось малоземелье в районах их прежнего обитания. Так, однодворцы селений Лозного, Кускина, Бубнова, Сорокиной, Волобуевой и других Курской губернии в прошении о переселении их в Бузулукский уезд Оренбургской губернии в 1827 г. писали: «К крайнему нашему недостатку в земляных участках имеем мы только на душу не более как по полторы десятины удобной и неудобной земли, почему и приискали мы Оренбургской губернии Бузулукского уезда отрезанную разных владельческих дач по течению рек Кутулука и Самары в достаточном количе-

стве земли, простирающейся не менее 16 тыс. десятин, на которой поселение имеют деревни Тростянка и Курапова, всего 626 душ с принадлежащей к ним землею, а оная 16 тыс. десятин никем не заселена, на которую всеохотно желая переселения нашего из 210 душ жителей, почему и явились мы к Оренбургскому губернатору»¹⁹⁴.

Из донесения в Министерство государственных имуществ в 1825 г. видно, что «у изъявивших на переселение желание однодворцев Старооскольского уезда сел Мелового и Толстого причитается владеемой ими земли на ревизскую душу у немногих не более двух десятин, у некоторых – по одной десятине, а прочие вовсе безземельные». В числе 142 душ мужского пола указанные однодворцы были поселены в Бузулукском уезде Оренбургской губернии¹⁹⁵.

В силу указанных причин возник целый ряд селений южных районов нынешней Самарской области. Так, село Малая Малышевка Кинельского района основано переселенцами из Рязанской и Тамбовской губерний. В селе помнят о сражениях с кочевавшими здесь башкирами и место, где была похоронена предводительница кочевников. Иногда само село называли Башкиркой.

Деление на три конца современной Парфеновки Кинельского района – Тверской, Курский и Тамбовский – позволяет судить о районах выхода переселенцев-основателей села. По мелодичному звону церковного колокола Парфеновка имела второе название – Звонка¹⁹⁶.

Однодворцы – выходцы из Тамбовской губернии в начале XIX в. значительно увеличили численность жителей и Борской крепости (ныне – райцентра Самарской области). В материалах Генерального межевания в этом селении наряду с количественно преобладавшими военными и отставными офицерами числятся «переведенные из Тамбовской губернии Козловского уезда села Ярославки однодворцы» в числе 15 дворов и 125 человек обоего пола. Здесь же, недалеко от Борской крепости при большой столбовой дороге из Бузулука в Самару значится «отрезанная от сельца Михайловского Коропцово тож в казенное ведомство земля, на которой вновь поселена деревня Заплавная перешедших из Тамбовской губернии однодворцев» в числе 105 дворов и 626 человек обоего пола¹⁹⁷. Ныне это село Заплавное Борского района.

С тамбовскими переселенцами связано образование выселков из Пестравки (райцентр Самарской области), где проживали с

конца XVIII в. вместе украинцы, мордва и русские. В 1834 г. тамбовцы отселились на один из дальних участков от села, где и возникла деревня Тамбовка (ныне – Большеглушицкого района). В 1837 д. Тамбовка насчитывала 148 дворов и 1 313 жителей.

В 1836 г. от Пестравки отселились группы крестьян. Одна группа, выходцы из Орловской губернии, поселились на правом притоке Иргиза, с левой стороны, на Каралыке. По имени речки и селение назвали Каралык (Орловка). По девятой ревизии 1850 г. в деревне насчитывалось 123 двора и 873 жителя. С открытием церкви в 1854 г. Каралыку присвоили статус села. В 1858 г. оно насчитывало 1 038 жителей.

Вторая группа переселенцев выбрала место для селения выше по Иргизу, в 16 верстах от Тамбовки, селение назвали Августовка (Лемеховка). В 1840 г. Августовка имела 78 дворов, где проживали украинские крестьяне (792 человека) и в 15 дворах – русские (143 человека).

В 1840 г. еще одна группа переселенцев из Пестравки на правой стороне речки Каралык, напротив деревни Каралык, основала деревню Морша (Моршанка). В 1850 г. Морша насчитывала 24 двора, проживало в ней 99 человек мужского и 95 – женского пола. В 1854 г. построили церковь.

Августовка сегодня входит в состав Большечерниговского района; остальные села – Тамбовка, Каралык и Морша – находятся в Большеглушицком районе.

Изначально деревня Черниговка была заселена украинцами – выходцами из различных селений и уездов Черниговской губернии; русские переселенцы прибыли сюда из деревень Герасимовка и Сбродово Лихвинского уезда Калужской губернии. Часть крестьян отделились в деревню Волчанку, впоследствии переименованную в Малую Черниговку. По переписи 1858 г. из 1305 человек жителей Большой Черниговки половина приходилась на украинцев, остальные – русские.

Переселенцы в степной зоне устраивали свои селения по берегам рек или в непосредственной близости от них. Во многих случаях названия рек давали наименование селам. Так, на речках Глушицах (притоках Иргиза) возникли Большая и Малая Глушицы. «Вновь заведенная в 1779 году деревня на Большом Иргизе» – Большая Глушица к концу XVIII в. насчитывала 32 двора: в 26 проживали крестьяне экономического ведомства, по 2 двора – удельные, ясачные крестьяне и однодворцы, общей численностью 275 чело-

век. К 1804 г. количество жителей возросло до 367 человек.

Экономическими крестьянами сел и деревень Одоевского уезда Тульской губернии в 1831 г. была основана Малая Глушица. В октябре 1832 г. сюда прибыли еще переселенцы из разных губерний – Тульской, Курской, Рязанской, Воронежской. В 1840 г. в деревне насчитывалось 256 дворов и 1 979 человек обоего пола. По первой переписи населения 1897 г. Малая Глушица имела 628 дворов и 4 304 жителя¹⁹⁸.

В 1830–1840-е гг. в нынешнем Большеглушицком районе возникли такие крупные селения, как Вязовка (Большая Дергуновка) и Александровка. Основателями первой из них были вольные переселенцы из Рязанской, Тульской и Тамбовской губерний; вторую заселили выходцы из-под Тамбова и Орла.

Таким образом, в XIX в. завершилось формирование современной карты южных районов Самарской области. В разноэтничном составе жителей наиболее характерным в указанный период было соседство русских с украинцами и мордвой.

В основной своей массе русские переселенцы в Самарское Заволжье в XIX в. были отнесены к разряду государственных крестьян; лишь незначительное их количество попадало в крепостную зависимость. Земли и селения частного владения располагались вдоль рек Волги, Большого и Малого Иргизов, «занимая почти всю границу между Николаевским и Новоузенским уездами, вплоть до Уральской области»¹⁹⁹. Большой частью это были жалованные правительством земли военным чинам и лицам администрации – в размере от 1 000 до 3 000 дес.²⁰⁰

К примеру, крупные земельные владения в Новоузенском уезде с 1840-х гг. принадлежали «по купчим крепостям» статскому советнику Л.К. Нарышкину и членам его семьи, «лежащие Новоузенского уезда в участках по рекам Большому Узеню, Муханихе, Семенихе и Порубежке, Камышевой и Голинькой»²⁰¹. На этих землях были основаны деревни: Камышева на р. Камышевой и Головинщина на р. Узень, находившиеся во владении М.В. Нарышкиной.

По 10 ревизии (1858 г.) в первой из них числилось 94, во второй – 148 человек мужского пола. Крестьяне М.В. Нарышкиной состояли на оброке, выплачивая «ежегодно по 30 рублей с тягла»²⁰². Незаселенные земли Новоузенского уезда, перешедшие после смерти Льва Кирилловича Нарышкина в наследственное владение его сыновьям – Василию и Кириллу Львовичам²⁰³, большей час-

тью сдавались в аренду различным съемщикам. По сдаточной описи 1868 г. выясняется, что к этому времени во владении Нарышкиных состояло 34 820 дес. земли. Управляющий землями В.Л. Нарышкина в этом же году доносил, что «арендаторы не вспахали даже и половины того, что им назначено было по контракту, по случаю удалившегося оттуда рабочего народа из боязни набегов киргиз, которые целыми табунами угоняли лошадей и другую скотину»²⁰⁴. Отсюда явствует, что арендаторы обрабатывали землю «наездом», а селения как помещичьи, так и государственные в южной части уезда были еще довольно редки.

Складывание этнического облика населения северных районов Самарского Заволжья. Некоторое увеличение русского населения за счет переселенцев в первой половине XIX в. происходило и в северных районах Самарского Заволжья, хотя и не такое значительное, как в южных. Переселенцы оседали на землях, занятых ранее калмыками. Ставропольские калмыки, составлявшие особый иррегулярный казачий полк, в 1842 г. были переведены на Оренбургскую линию, а оставшиеся после них свободные земли предназначались «под поселение нижних чинов, преимущественно поступивших в рекруты из мещан и крепостных, а также для наделения бедных дворян»²⁰⁵.

Так, с 1847 по 1850 гг. в Самарском уезде правительством было поселено 120 семей малоимущих дворян, которые получили по 60 десятин земли²⁰⁶. По преимуществу это были выходцы из Смоленской губернии, поселившиеся особыми поселками в степях между реками Сок и Кондурча – в волостях Старобуянской, Стародворянской и Каменной²⁰⁷.

Самовольно или с разрешения правительства на калмыцкие земли переселялись и крестьяне других губерний. «В 1858 г. по течению Сока, по правую сторону, на казенной земле, прежде бывшую калмыцкую, с разрешения правительства поселились государственные крестьяне в числе 425 душ мужского пола и образовали сельцо Киндяково и деревни – Мартышкино, Базовку, Вислюю Дуброву, Ветлянку, Жареный Бугор и Камышинку». Все эти деревни были причислены к Царевщинскому приходу. Русские жители этих деревень переселились сюда из Курской, Нижегородской, Пензенской и Тверской губерний «за неимением в тех местностях достаточного количества земли»²⁰⁸.

Одновременное движение различных этнических групп из многих губерний России вело к образованию на бывших калмыцких

землях смешанных селений. Так, с. Краково, возникшее в 1845 г., заселилось выходцами из Симбирской губернии, Алатырского уезда села Манадыш и деревни Дюрек. Еще в 1843 г. жители указанных селений получили разрешение переселиться «восьмидесяти ревизским душам русских и таковому же количеству мордвы. В 1844 году некоторые из переселенцев явились на новую землю для сенокоса, а к озимому посеву и все способные к работе двинулись сюда». В 1855 г. в с. Краково прибыли еще мордовские переселенцы из Алатырского уезда села Кочкурова. Таким образом возникло русско-мордовское селение; последующие переселения в село дали численное преобладание мордве-эрзе. «По 10 ревизии (1858 г.) в Кракове уже состояло 254 души. Сделавшись из коронных удельными, в 1864 году они стали крестьяне – собственники»²⁰⁹.

На р. Кондурче в 1858, 1859 и 1862 гг. путем переселений крестьян на калмыцкие земли из Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Рязанской, Тверской, Тульской и особенно Курской губерний возникли удельные русско-украинские селения – Березовка, Васильевка, Лузановка, Опальково и Четыровка²¹⁰.

Роль различных этносов в заселении Самарского Заволжья. К концу XIX в. в основном завершился процесс формирования этнотерриториальной группы *русских* Самарского края. Русское население проживало по всей губернии, очень неравномерно в разных уездах губернии. Это были выходцы из различных регионов России, осевшие в заволжских степях в XVII – XIX вв. Адаптируясь к местным условиям жизни, переселенцы долгое время сохраняли свои особенности говора, быта, культуры. Благодаря этому современники в XIX в. отмечали пестроту русских: «Что ни город, то норы, что ни деревня – то обычаи. Если справедливость этого присловья приложима ко всей земле «свято-русской», то по отношению к Самарской губернии можно сказать, что оно идет к ней в особенности. Пестрота народонаселения составляет характеристическую особенность здешнего края, объясняемую его недавней и разносторонней колонизацией»²¹¹.

Среди русских жителей Самарской губернии еще в конце XIX в., по районам их выхода, отмечались «пензяки, туляки, москвичи, питерцы, тамбовцы, нижегородцы, куряки, воронежцы». Это отражалось в названиях селений или их улиц (концов) и представляло многоликую Россию, объединившуюся на самарской земле. Как отмечал П.В. Алабин, «нет почти губернии даже самой отдаленной, которая не имела бы своих представителей в Самаре»²¹². Со

временем, в результате консолидации различных этнотерриториальных групп русских, а также их хозяйственно-бытовых контактов с другими народами региона, первые приобретают своеобразные черты культуры. Это позволяет сегодня говорить о «средне-волжских» русских, рассматривая под этим термином жителей Ульяновской, Самарской и Саратовской областей.

Как указывалось выше, в Заволжье русские переселялись одновременно с мордвой, чувашами, татарами, украинцами, немцами. В XVIII – XIX вв. в степях возникло большое количество смешанных селений, где русское население проживало вместе с представителями других народов.

В XIX в. в южные уезды Самарской губернии прибыли многочисленные вольные переселенцы с Украины. К 1859 г. в губернии проживало 55 тыс. украинцев в 75 населенных пунктах. В 1910 г. насчитывалось уже 289 украинских селений, преимущественно в Николаевском (94) и Новоузенском (83) уездах, далее (по убывающей численности) шли Бугурусланский, Бузулукский и Самарский уезды.

На раннем этапе истории самарские украинцы, переселенцы из разных территорий Украины, консолидируясь внутри этно-территориальной группы, предпочитали жить обособленно от других этнических групп. Ярким примером этому служит история Кинель-Черкасской слободы, возникшей в 1744 г. К 1760-м гг. она стала крупным украинским селением в Заволжье со сложившимся здесь специфическим укладом жизни и культуры «малороссов». Однако многочисленные миграции в Кинель-Черкасскую слободу в 1780-е гг. южнорусского населения из-под Тамбова и нежелание украинцев потерять свою идентичность привели к выселению их на хутора. По описаниям XIX в. это происходило следующим образом: «В 1781–1784 гг. прибыло сюда несколько семей тамбовцев, потом в два новых переселения их нашло столько, что численность тамбовцев превысила народонаселение казаков. С водворением тамбовцев... хохлы начали терпеть разного рода стеснения. Не раз казаки восставали за свои права, не раз происходили у них ссоры и даже драки с тамбовцами, но кончилось, однако, тем, что хохлы понемногу начали выселяться на хутора»²¹³. Так были основаны нынешние селения Кинель-Черкасского района – Винновка (Винно-Банново), Кохановка (Коханы), Прокопенки, Стародубовка (Дубовый Колок), Бражниковка, Семеновка.

Украинцы основали множество селений Самарской губернии, среди них: Б. Черниговка, Августовка, Пекилянка, Украинка, пос. Алексей-Орловский, Ново-Никольский, Глушицкий (ныне Большечерниговского р-на); Богдановка (Кинельского р-на); Николаевка, Новокиевка, Преображенка (Безенчукского р-на); Подъем-Михайловка, Домашкины Вершины (Волжского р-на); Б. Глушица, М. Глушица, Тамбовка (Больше-Глушицкого р-на); Пестровка, Осинный Гай – Мосты (Пестровского р-на); Хмелевка (Камышлинского р-на), Украинка (Красноярского р-на) и др. К началу XX в. 196 селений в губернии было чисто украинскими; 79 – русско-украинскими, 7 – украинско-мордовскими, 6 – русско-мордовско-украинскими.

В заселении *мордвой* Самарского Заволжья в XIX в. существовали некоторые особенности по сравнению с предшествующим временем: если для XVII–XVIII вв. было характерно заселение северных районов, то сейчас, аналогично русским переселенцам, мордва направлялась и в южные уезды Самарской губернии.

Основной причиной переселений мордвы в Заволжье в указанный период по-прежнему оставалось малоземелье в районах прежнего ее обитания. В.П. Тумайкин, рассматривая рост переселений в XIX в., писал, что «подавляющее большинство мордвы относилось к разряду государственных крестьян и в меньшей степени – к удельным. Помещичьи крестьяне из мордвы составляли лишь около 9 % от общей численности мордовского крестьянства. Поэтому значительные ее переселения в районы левобережья Средней Волги следует объяснять ростом относительного аграрного перенаселения и разложением мордовской сельской общины в ходе развития в ней капиталистических отношений»²¹⁴. Вследствие этого только за 10 лет количество селений, где проживала мордва в Самарской губернии, увеличилось с 203 в 1859 г.²¹⁵ до 279 в 1869 г.²¹⁶

По данным М. Гребнева в первой четверти XIX в. мордовскими переселенцами в Заволжье были образованы селения: в Самарском уезде – Мордовская Липовка, Горки, Тростянка, Шиланский Ключ, Рузаевка, Вязовка, Никольское (Красные Дома); в Ставропольском уезде – Никольское, Выселки, Верхнее Санчелеево, Пискалы, Узюково, Александровка, Новая Бесовка, Новая Малыкла, Бирля, Васильевка, Чувашский Сускан; в Бугульминском уезде – Домосейкино, Новые Маклауши с деревней Тириклюю, деревни Дмитриевка и Измайлова, Секретарка, Новая Борискина, Петровская и Тихоновка; в Бугурусланском уезде – Кирюшкино,

Семеновка, Захаркино, Вечканово, Исаково, Ново-Ганькино, Мартыново, Григорьевка, Мордовская Бокла, Нойкино, Пронькино, Рычково, Краснаярка, Павлушкино, Петровка, Большой Сурмет, Борискино, Зернаевка, Камыш-Садак, Тимошкино, деревни Емантаева и Радовка; в Бузулукском уезде – Гришкино, Благодаровка, Георгиевка, Филипповка, Неприк, деревни Новотоцкая, Каменка, Пронькина, Шулаевка, Шестаковка, Большая Ремизенка, Кималовка; в Новоузенском уезде – с. Калдино²¹⁷.

К заселению бывших калмыцких земель в районе Ставрополя правительством привлекались, наряду с русскими переселенцами, и мордовские крестьяне. Среди мордвы-эрзи д. Лопатино Ставропольского района Самарской области сохранились предания о кочевьях калмыков в окрестных степях и перелесках и о переселении мордвы в эту деревню из с. Атяшева Симбирской губернии на земли, принадлежавшие уделу²¹⁸. Эти предания подтверждаются и архивным «Делом по отношению Самарской удельной конторы о поселении новой деревни Лопатиной в удельном имении Ставропольского уезда»²¹⁹.

В 1858 г. вместе с русскими переселенцами из Курской, Нижегородской, Пензенской и Тверской губерний в Царевщинском приходе Самарского уезда по р. Сок на бывших калмыцких землях поселилась и мордва из Бугурусланского уезда. Причиной их переселения явилось малоземелье в прежнем районе жительства²²⁰.

По-прежнему районами выселения мордвы в Заволжье оставались средне-волжские губернии – Казанская и Симбирская, а также правобережье Волги – Пензенская, Саратовская и Тамбовская губернии. Характерным для исследуемого периода явилось преобладание выходцев из правобережья Волги; наибольшее количество мордовских переселенцев явилось в заволжские степи из Пензенской и Тамбовской губерний. Об этом свидетельствуют данные восьмой переписи населения Самарской губернии²²¹.

В XIX в., по сравнению с более ранним периодом, среди мордовских переселенцев численно преобладала мордва-мокша. Так, «в трех исследованных земскими статистами уездах – Бугурусланском, Бузулукском и Ставропольском преобладающее население (среди мордвы. – *Т. В.*) принадлежало к ветви мокши, тогда как в Бугульминском уезде эрзя составляла значительное большинство»²²².

Не имея возможности образовывать новые селения с большими земельными владениями, в указанный период мордва селилась

дисперсно с иноэтничными жителями. В южной части Самарской губернии мордва проживала в основном в смешанных селениях, «хотя основная масса ее находилась в селениях, где она составляла большинство»²²³.

Согласно «Спискам населенных мест Самарской губернии», на 1859 г. здесь мордвы насчитывалось около 140 тыс. человек²²⁴. Численность мордвы по уездам показывает табл. 33 (подсчитано В.И. Козловым²²⁵):

Таблица 33

Численность мордовского населения в Самарской губернии на 1859 г.

Уезды	Данные «Списков населенных мест» 1859 г. (тыс. чел.)	После исправления с округлением	% мордвы по уезду
Бугульминский	13,1	19	10,9
Бугурусланский	43,6	50	20,9
Бузулукский	12	16	5,3
Самарский	23,1	10	6,0
Ставропольский	19,8	24	13,6
Николаевский	21,4	14	5,0
Новоузенский	7,0	2	1,1

По данным «Списков инородческих селений Казанского учебного округа», на 1869 г. в губернии проживало уже 174 867 чел. мордвы, по уездам: в Бугульминском – 27 564, Бугурусланском – 58 823, Бузулукском – 24 124, Самарском – 16 693, Николаевском – 15 651, Новоузенском – 2 541²²⁶.

В целом к 1869 г. в Самарской губернии насчитывалось 279 селений, в которых проживала мордва. Смешанный этнический состав этих селений представляет таблица, составленная В.П. Тумайкиным²²⁷:

В большинстве смешанных селений заволжская мордва проживала совместно с русскими; нередко это вело к ее обрусению. Сведения об ассимиляционных процессах в среде мордвы Самарского Заволжья появились уже в 1880-е гг. Авторы «Сборников статистических сведений» исключили мордву из перечня этнических групп Самарского уезда. По их мнению, «она в настоящее время почти совершенно утратила свои племенные отличия и вполне ассимилировалась с великорусским элементом»²²⁸. М. Гребнев в своем исследовании (1886 г.) сделал заключение: «Дело обрусения мордвы подходит к концу. Еще какая-нибудь сотня лет, и от мордовского имени в Самарском крае останется одно воспоминание»²²⁹. При этнографическом обследовании нами в 1980 г. селений, кото-

рые по данным «Списков населенных мест» названы мордовскими, на территории бывших Николаевского и Новоузенского уездов, обнаружилось, что их жители считают себя русскими по культуре и языку²³⁰ (табл. 34).

Таблица 34

**Этнический состав селений с мордовским населением
в Самарской области на 1869 г.**

Уезд	Мордов.	Морд-рус.	Морд-чув.	Морд-тат.	Морд-рус.-чув.	Морд-рус-тат.	Морд-рус-мещер.	Морд-рус-башк.	Морд-рус-тат-чув.	Всего уезд-де
Бугульмин.	34	3	2	-	2	-	-	1	1	43
Бутурус.	64	25	2	2	3	1	-	-	-	97
Бузулук.	11	29	-	1	1	2	-	-	1	45
Самар.	16	15	-	-	2	-	1	-	-	34
Ставроп.	13	14	2	-	1	1	-	-	1	32
Николаевс.	5	15	-	-	-	-	-	-	-	20
Новоузен.	1	7	-	-	-	-	-	-	-	8
Всего в губ.	144	108	6	3	9	4	1	1	3	279

В определении численности мордвы в Самарском Заволжье в XIX в. существуют некоторые сложности. На них обращает внимание В.И. Козлов: «Общая численность жителей в селениях, отнесенных составителями “Списков населенных мест Самарской губернии” к числу мордовских, резко превышала численность мордвы по тем же уездам, приведенную во вступном очерке к “Спискам”». Исследователь объясняет это явление тем, что «в начальный период заселения края мордва была основателем многих селений. По традиции они впоследствии долго считались мордовскими, хотя мордва в них составляла уже меньшинство населения или успела совершенно раствориться в массе более поздних, но и более многочисленных пришельцев»²³¹.

Процессы ассимиляции были характерны и для чувашского населения губернии. В конце XIX в. это отмечалось И.М. Краснопоровым: «Среди множества разнообразных по своему этнографическому составу инородческих групп населения Самарского уезда особое внимание исследователя обращает на себя группа чувашей, живущих рассеянно по уезду, частью отдельными поселками, частью смешанно с великорусскими крестьянами и мордвою. В 1870 г.

мужского чувашского населения числилось в уезде 1,614 душ, из коих большая половина, находясь под непосредственным влиянием русской культуры, утратила свои нравы и обычаи и почти совершенно ассимилировалась с русскими; но там, где чуваша не родятся, не сливаются с русскими крестьянами, живут особняком, как, например, в южной части уезда, они вполне сохранили типические черты своего племени и, несмотря на обращение в православие, до сих пор остаются упорными последователями культа фетишизма. Обруселые чуваша, подобно соплеменникам своим, мордве, крепки физически, в труде чрезвычайно выносливы, живут зажиточно и вполне усвоили себе систему хозяйства русских крестьян, тогда как чуваша, живущие отдельными поселками в южной части уезда, в физическом отношении слабы, живут грязно, бедно и постепенно вымирают»²³².

В XIX в. продолжалось движение в Заволжье и татарского населения. Основной его причиной по-прежнему оставалось малоземелье крестьян, особенно усилившееся после Генерального межевания. В данный период сохранялась и лашманская повинность, она была ликвидирована только в 1859 г., когда «корабельные леса были переданы из Морского ведомства в Министерство государственных имуществ, и лашманы переведены в общий разряд государственных крестьян»²³³.

В составе переселившихся татар в Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губернии в XIX в. преобладали мишари, выходцы с правобережья Волги – из Саратовской и Тамбовской губерний.

К 1859 г. в Николаевском уезде существовало лишь одно селение, в Новоузенском – 5, в которых проживали татары²³⁴. Эти селения – Алтата, Верхазовка, Дергачи, Осинов Гай, Сафаровка – были основаны переселенцами «в числе 1634 семьи и 9628 душ обоего пола» из правобережных земель Саратовской губернии. Самым древним селением среди названных считается Осинов Гай, татары которого переселились сюда из Хвалынского уезда; поселенцы других селений – Алтаты, Верхазовки и Сафаровки явились отсюда же в 1841–1842 гг. и основали особую волость – Осинowo-Гайскую»²³⁵.

Татары указанных селений в нынешнем Дергачевском районе Саратовской области живут по-прежнему достаточно изолированно от инонациональных групп большими многодворными деревнями²³⁶.

Переселившиеся в Самарское Заволжье в XIX в. татары-мишари причислялись к категории удельных или государственных крестьян – в зависимости от проживания их на землях, принадлежавших уделу или государственной казне. Проживавшие на территории восточных уездов тептяри (в 1806 г. тептярей вместе с бобылями числилось в Бугульминском уезде 4 400, в Бугурусланском – 1 076, в Бузулукском – 6 человек²³⁷), после включения их в 1855 г. в состав башкирского войска, были зачислены в категорию казенных крестьян; тептярские селения в «Списках населенных мест» показаны вместе с башкирскими, а по переписи 1897 г. тептяри в значительной своей массе были причислены к башкирам, будучи на самом деле татарами. «Тептяри как этническая группа в XIX – начале XX вв. переживали процесс потери этнического самосознания, а с ним и этнонима, и постепенно превратились в этнографическую группу татар Среднего Поволжья и Приуралья»²³⁸.

По «Спискам населенных мест Самарской губернии» выясняется, что большинство татар к 1859 г. жили в Бугульминском и Ставропольском уездах, менее значительное количество – в Бугурусланском и Бузулукском уездах, всего же татарских селений в губернии насчитывалось более 100²³⁹. По первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.) татары составляли более 11,2 % жителей Самарской губернии.

В сложном процессе формирования поволжско-приуральского татарского этноса существенную роль играли этнокультурные контакты переселившихся татар с местным и пришлым в степное Заволжье населением. Расселение татар в иноэтничной среде способствовало консолидации и тесному взаимодействию культур субэтнических групп (казанских татар и мишарей), в контакте с другими этническими группами – русскими, чувашами, мордвой, башкирами.

Этнокультурные контакты в пределах смешанных селений вели к сближению проживавших в них различных групп населения. Ассимиляционные процессы были отмечены в Самарском Заволжье в XIX в. и в чувашской среде. Благодаря тесным контактам с татарами соседних и в пределах смешанных селений, а также вследствие проживания чувашей и татар на бывших башкирских землях и связанного с этим выделения особой социальной и этнической группы – тептярей, в исследуемом районе нередко происходило отатаривание чувашей²⁴⁰. Авторы «Сборников статистических сведений по Самарской губернии» отмечали, например, что к 1880-м гг.

«чуваши деревни Артемьевки Больше-Сурметевской волости Бугурусланского уезда, постоянно вращаясь среди татар, совершенно подчинились влиянию татарских элементов: платье носят татарское, вся домашняя утварь, пища, даже самые имена людей носят отпечаток татарского влияния, говорят по-татарски не хуже настоящих татар». Те же этнографические особенности наблюдались у чувашей д. Абдулиной Сарайгирской волости Бугурусланского уезда, «которые хотя крещены были в православную веру более лет сто тому назад, но в настоящее время отатарились: язык, платье и вся домашняя обстановка чисто татарские. Большинство чуваш вместо церкви посещают мечеть»²⁴¹. Сегодня жители с. Абдулино Бугурусланского района Оренбургской области идентифицируют себя с крещеными татарами – кряшенами²⁴².

Время формирования особой этноконфессиональной группы кряшен – крещеных татар, исповедующих православное христианство, – в исследуемом регионе установить практически невозможно, в «Списках населенных мест...» они обозначались иногда русскими, чаще – «новокрещеными» чувашами. Об этом свидетельствует история села Назаровка Бугурусланского уезда (ныне – Клявлинского района) – единственного кряшенского селения Самарской области.

Изменения в этническом составе жителей села (согласно «Спискам...») отражают сложные процессы взаимодействия крещеных татар с чувашами и русскими.

Сегодня кряшены с. Назаровка проживают в окружении чувашей и русских, с которыми они взаимодействуют. Как говорят сами жители, «наше село имеет три конца – чувашский, русский и кряшенский».

Проживание в русско-чувашском пограничье, «смешанность» с чувашами, христианское вероисповедание придают местным кряшенам довольно неопределенный, промежуточный статус. Про себя они иногда говорят так: «Мы не татары настоящие и не чистые кряшены, и не чувашаи». Кроме того, по их словам, чувашаи воспринимают их как татар, а татары называют «чувашаи». В отношении характера и специфики родственных связей, этнокультурного взаимодействия кряшен с соседними народами следует отметить распространенность межэтнические браков особенно между кряшенами и чувашами. Большинство опрошенных ничего не имело против браков с людьми из других этнических групп.

При этом верующие люди с предубеждением относились к бракам с татарами-мусульманами²⁴³ (табл. 35).

Таблица 35

Численность, этническая и конфессиональная принадлежность населения д. Назаровка Сходневской волости Бугурусланского уезда во второй половине XIX в.

	Название волостей, сел, деревень и хуторов. Разряды крестьян, национальностей и вероисповеданий	Положение при реке, озере, овраге, колоде	Число дворов	Число жителей		Дополнительные сведения
				Мужского пола (ревизских)	Налицо обоюто пола	
1859	д. Назаровка	р. Урдала	53	168	159	–
1889	Сходневская волость; д. Назаровка; казенные; русские, татары, чуваш	р. Урдала	105	210	845	Православные раскольники
1900	д. Назаровка; чуваш и русские; православные	р. Урдала	124	353	722	Школа грамоты
1910	д. Назаровка; русские и чуваш.	р. Урдала	195	635	670	Школа грамоты

Самарская губерния, в частности, Самарский и Ставропольский уезды вместе с Симбирской губернией выделены Д.М. Исхаковым в особый район, «где этнические процессы привели к ассимиляции значительного числа чувашей». Большинство из 4 тыс. чувашей, проживавших в середине XVIII в. в Самарском и Ставропольском уездах совместно с татарами в одних и тех же деревнях, к концу XIX в. было ассимилировано татарами²⁴⁴.

Аналогичные процессы наблюдались в XIX в. в Самарской губернии и в башкирско-татарской среде. Так, по подсчетам Д.М. Исхакова, башкир смешанных селений для конца XIX в. следует считать причисленными к татарскому этносу²⁴⁵.

Особую страницу в этнокультурном развитии самарско-саратовского Заволжья в XIX в. занимают немцы. Начало активных миграций немцев в Поволжье связано с указами Екатерины II 1762

и 1763 г., приглашавшими иностранцев на льготных условиях к поселению и аграрному освоению степных окраин России. В 1766 г. в Саратове было открыто отделение канцелярии опекунства иностранцев. К концу XVIII в. на обоих берегах Волги в районе Саратова на особых условиях возникли 142 немецкие колонии. Переселенцы начала XIX в. осваивали преимущественно территории Николаевского и Новоузенского уездов будущей Самарской губернии. К 1910 г. немцы составляли здесь 300 тыс. чел.

В 1858–1870 гг. в Самарский уезд из Восточной Пруссии прибыли около 3 тыс. немцев. Это меннониты, которые заселили Александртальскую волость (ныне с. Надеждино Кошкинского р-на), и выходцы из Силезии (Царство Польское), основавшие Больше-Константиновскую волость. Первая в 1880-е гг. состояла из 10 колоний: Александрталь, Нейгофнунг, Мариенталь, Орлов, Либенталь, Муравьевка, Мариенау, Гротсфельд, Линденау, Шенау. В Больше-Константиновской волости было 16 колоний, в их числе – Б. и М. Константиновка, Б. и М. Романовка, Сосновка и др.

Кроме меннонитов в Александртальской волости поселились немцы-евангелисты из-под Данцига и небольшая группа обедневших немцев из австрийской Галиции (из-под Львова). С немцами прибыли их работники из обедневших крестьян и онемеченных поляков. Изначально с момента расселения немцев в Поволжье можно говорить о процессах их внутренней консолидации. Выходцы из разных земель Германии, они объединялись в этно-территориальную группу «поволжских» немцев, долгое время сохраняя, помимо разговорного, литературный немецкий язык (готический шрифт).

В конфессиональном отношении в Александртальской волости проживали лютеране, католики, евангелисты, но в хозяйственном отношении доминировали меннониты. Последние долгое время сохраняли этноконфессиональную замкнутость, нанимая себе работников из татар, чувашей и мордвы.

Сложными оказались взаимоотношения меннонитов с русскими соседями. По описанию И.М. Красноперова, «первоначально среди наемных рабочих встречались и русские, мало-помалу замененные татарами. Меннониты объясняют это тем обстоятельством, что содержание русских работников, вследствие их постоянных постов, обходится очень дорого, тогда как татары круглый год питаются скоромной пищей. Это справедливо только отчасти. Наши крестьяне, как известно, не требовательны в пище, большинство

из них питаются одним картофелем без масла, супом из каких-нибудь круп или кашей не всегда с маслом. Всех этих продуктов у меннонитов в изобилии, да к тому же меннониты дают мясо и татарам только по праздникам. Татарин, несомненно, хороший, прилежный работник, как вол, как автомат, но плутоват и нечист на руку, русский же, наоборот, честней татарина и сознательно относится к труду. Татары, к тому же, и плохие земледельцы. Причины удаления русских работников из меннонитских колоний были совершенно иные. Грубое третирование работников меннонитами, их неумолимая требовательность в исполнении принятых на себя обязательств, денежные вычеты и взыскания за малейшее упущение в работе – все это и многие подобные условия не внушали крестьянам желания наниматься к меннонитам. Все отношения меннонитов с русскими ограничиваются ближайшими кошчинским и самарским рынками, куда меннониты привозят время от времени на продажу продукты своей земледельческой промышленности. Такое изолированное, замкнутое положение меннонитов среди русских крестьян, могущих кое-чему и научиться от них, делает затруднительным, почти невозможным воздействие меннонитской земледельческой культуры на русскую»²⁴⁶.

Константиновская волость была полиэтничной. Здесь, кроме немцев, селились русские, поляки, эстонцы. В Константиновскую волость переселялись немцы-ткачи из предместий г. Лодзи Петраковской губернии Царства Польского, католики. Подданными России они были уже с 1815 г. Экономический кризис вытолкнул их в российскую глубинку²⁴⁷.

Немецкие переселенцы выполняли задачу развития земледелия в крае. Они привезли с собой плуг, косу, деревянную молотилку, почти не используемые в России; приняли трехпольный оборот. На удобряемых полях культивировали пшеницу (полбу и белотурку), рожь, овес, просо, картофель, табак и др.

Своеобразие немецкой культуры отражали архитектурные и жилищные комплексы типа «Niederdeutsche Haus» (нижненемецкий дом), сохранившиеся и сегодня в Кошкинском р-не, построенные из красного кирпича, крытые черепицей или железом.

Долгое время колонисты (в 1870-е г. с упразднением колонистской системы они были переведены в статус поселян-собственников на казенных землях), живя обособленно, сохраняли свои обычаи, язык (диалект). После Февральской революции 1917 г. среди бывших немецких колонистов стала популярной идея авто-

номизации, поддержанная большевиками. В 1918 г. был создан Поволжский комиссариат по немецким делам; 19 октября 1918 г. возникла автономная область немцев Поволжья, в которую, помимо Камышинского и Аткарского уездов Саратовской губернии, вошли Николаевский и Новоузенский уезды Самарской губернии. С 1924 г. АОНП была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья (АРНП).

Этнический состав населения Самарской губернии в конце XIX в. К концу XIX в. в этническом составе населения Самарской губернии большинство жителей составляли русские (вместе с украинцами); за ними шли татары (вместе с башкирами); немцы, мордва и чуваша. Русское население проживало по всей губернии и являлось преобладающим во всех уездах, кроме Бугульминского (в численном сравнении с иноэтничными группами в отдельности).

В целом этнический состав населения губернии²⁴⁸ на конец XIX в. отражает табл. 36:

Таблица 36

Этнический состав населения Самарской губернии в конце XIX в.

Уезд	Русск. и укр.	Мордва	Чуваши	Немцы	Татары и башк.	Эстонцы	Поляки	Удмурты	% не рус.
Бугульминский	61928	35413	23052	–	117842	–	–	1740	74,4
Бугурусланский	173105	72804	27862	–	28671	–	–	–	42,7
Бузулукский	360192	7408	3609	–	13101	–	–	–	6,2
Самарский	188749	–	4443	3646	7183	841	–	–	7,8
Ставропольский	150907	26145	8779	–	32354	–	–	–	30,9
Николаевский	327400	13659	–	49087	8317	10	–	–	17,3
Новоузенский	170728	1007	–	127689	10274	862	376	–	45,2
Всего по губ.	1433009	156636	67745	180422	217742	1713	376	1740	–
%	70	7,6	3	8,7	10,2	–	0,5	–	–

Таким образом, в трех северных уездах Самарской губернии – Бугульминском, Бугурусланском и Ставропольском русские лишь незначительно превосходили по численности остальное население (50,8 % против 49,2 %). В Бугульминском уезде проживали в основном татары и башкиры, они составляли 49,1 % от всего населения уезда; в Бугурусланском уезде значительный процент составляла мордва (24 % всего мордовского населения губернии) и татары (9,47 %). В двух южных уездах – Николаевском и Новоузенском – 1/3 населения составляли немцы, которых в одном лишь Новоузенском уезде числился 41 %. Только 2 уезда – Самар-

ский и Бузулукский – были со значительно преобладавшим русским населением.

В расселении русских, мордвы, татар и чувашей с начала до середины XIX в. произошли значительные изменения. В начале века на территории Самарского Заволжья преобладали однонациональные селения. Так, из 816 селений пяти уездов (Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского, Самарского и ставропольского), существовавших ко времени Генерального межевания (1801 г.), 409 являлись русскими, 96 – мордовскими, 91 – татарскими, 84 – чувашскими, лишь остальные 136 – разноэтничными (подсчитано нами²⁴⁹).

Рассмотренные выше условия переселений в XIX в. создавали возможность для возникновения в большинстве случаев полиэтничных селений – к ранее существовавшим подсеялись иноэтничные переселенцы. Только татары селились по преимуществу изолированно от других групп населения.

Разнородное по этническому составу население Самарской губернии принадлежало в XIX в. к трем социальным группам – государственных, удельных и помещичьих крестьян. Бывшие ясачные из мордвы, татар и чувашей с XVIII в. были причислены к категории государственных и удельных крестьян. Так, среди государственных крестьян губернии в предреформенный период 39 % составляли мордва, татары, украинцы и чувашаи. Они имели большие земельные наделы, чем русские, но «положение их было более тяжелым, так как они подвергались не только социальному, но и национальному угнетению»²⁵⁰. Значительное количество мордвы и чувашей состояло в XIX в. в крепостной зависимости. Исключение в этом отношении составляли татары: среди них крепостные – редкое явление. Тептяри, ранее находившиеся в экономической зависимости от башкир, в конце XVIII в. были переведены в категорию государственных крестьян.

Людность селений, в которых проживали крестьяне Самарской губернии, была обусловлена рядом факторов – этническим и социальным составом жителей, а также условиями организации быта переселенцев.

Величина селений «совершенно соответствовала в XIX в. географическому расположению уездов: 2 южных уезда имели селения с более густым населением, чем северные». Губернскими статистиками в «Сборниках статистических сведений» селения, имеющие менее 50 дворов, приняты за мелкие; от 50 до 100 дворов –

за средние, а более 100 дворов – за крупные. Таким образом, соотношение селений по губернии на 1880-е гг. представляется следующим: мелких – 552, средних – 401, крупных – 1160. Отсюда явствует, что крестьянское население Самарской губернии расселилось по преимуществу крупными селениями, которых в губернии насчитывалось 50 %, а в пяти уездах – Бугурусланском, Бузулукском, Ставропольском, Николаевском и Новоузенском – 60,9 %; только в Самарском уезде преобладали мелкие селения, а в Бугульминском – средние.

Большинство мелких селений принадлежало помещичьим крестьянам; в других случаях – крестьянам, «владеющим подворными земельными участками, на которых никогда не садились новые поселенцы, никогда не практиковалось приема новых душ на выморочные участки, как это сплошь практиковалось у государственных крестьян»²⁵¹. Крупные селения, как правило, образовывались государственными крестьянами.

В зависимости от этнической принадлежности, наибольшим количеством жителей отличались татарские и чувашские селения; за ними следовали мордовские и русские. Во второй половине XIX в. людность мордовских селений значительно уменьшилась, что было связано главным образом с процессом образования новых селений в результате продолжавшегося распада большой патриархальной семьи и выделения из нее малых семей, организовывавших свои хозяйства²⁵².

Средняя людность селений Самарской губернии к концу XIX в. была весьма высока – 783 человека; по отдельным уездам: Бугульминскому – 664, Бугурусланскому – 750, Бузулукскому – 557, Самарскому – 506, Ставропольскому – 1017, Николаевскому – 872, Новоузенскому – 1245²⁵³ (5.10; с. 5, 26). Таким образом, наибольшей людностью отличались селения Новоузенского – самого южного уезда губернии, и Ставропольского, где располагались огромные земельные владения удела и дворянского рода Орловых-Давыдовых.

Конфессиональный состав населения Заволжья в конце XIX в. Ретроспективный анализ социально-культурной ситуации, складывавшейся на протяжении веков в степном Заволжье, позволяет определить на каждом отрезке времени четкую дифференциацию населения по религиозному принципу.

Специфика исторического развития Самарского края определялась процессом заселения региона в XVIII–XIX веках, характе-

ризовавшихся в истории России формированием множества религиозных сект и старообрядческих течений. В указанный период исследуемый регион стал территорией активного аграрного освоения множественными конфессиональными группами; как христианскими (православными, старообрядцами, молоканами, баптистами), так и мусульманскими. В крае, как в зеркале, отражались общероссийские тенденции религиозного развития.

К концу XIX – началу XX вв. преобладающее большинство верующих в Самарской губернии составляли *православные* («нововерцы», «никонианцы» в лексике более раннего периода). Кроме того, в рамках православия в крае наличествовали многочисленные старообрядческие и духоборческие общины.

В религиозной жизни православного населения края большую роль играли монастыри: они были духовными центрами, очагами распространения нравственности и просвещения²⁵⁴.

После издания Екатериной II в 1762 г. Манифеста о веротерпимости, в России характерной особенностью этнокультурного развития Самарского края стала многоконфессиональность его жителей. Правобережные районы (ныне – Шигонский, Сызранский) еще со второй половины XVII в. явились местом активного расселения русских *старообрядцев* различных толков. В обзоре Симбирской губернии за 1911 г. отмечено наибольшее количество раскольников в Сызранском уезде: в г. Сызрани – 573 мужчины и 688 женщин; в уезде – 6 739 мужчин и 7 524 женщины. Большинство раскольников принадлежали к австрийскому согласию и беспоповцам разных толков; также отмечены сектанты²⁵⁵. Лесной массив Самарской Луки был привлекателен для старообрядческих общин. С ними связана история таких сел, как Печерское, Старая Рачейка (Сызранского района), Аскулы, Сосновый Солонец (Ставропольского района), Костычи (район г. Октябрьска Сызранского района) и др.

Четкая самоидентификация этноконфессиональных групп в XIX в. приводила нередко к выделению общины и образованию ею самостоятельного поселения. Примером может служить образование села Новые Костычи (ныне с. Обшаровка Сызранского района) на левом берегу Волги как результат переселения из Старых Костычей и Рачейки старообрядцев поморского федосеевского толка после их разделения на так называемые брачное и даниловское (безбрачное) согласия. Часть последних, приняв таинство брака в качестве основы семейной жизни, отселились из Ко-

стычей на правом берегу Волги во вновь образованное село в Левобережье.

Православным священником в публикации «Самарских Епархиальных ведомостей» отмечено различие между указанными общинами: «Федосеевцы – безбрачники разделяются на чистых (девицы, молодые парни и все мужчины, вдовцы и вдовицы) и нечистых (кто вступил в брак по какому-нибудь обряду). По учению сей секты отвергаются таинства, кроме крещения, которое совершается у них уставщиком. По делам веры федосеевцы имеют сношения с московским Преображенским кладбищем и с сызранскими односектаторами. Даниловцы признают браки и крещение. Федосеевцы не приносят молитв за царя и за власти. Даниловцы приносят»²⁵⁶.

Старообрядцы беглопоповской общины в селах Печерское и Нижние Печерские хутора представляли собой австрийское согласие. К этой категории старообрядчества относились приемлющие священство с целью сохранения церкви, а потому принимающие священников, отошедших от православной церкви. Австрийское согласие берет свое начало в Австро-Венгрии в XIX в.

Село Аскулы на Самарской Луке четко делилось на три конца – православный, Спасова согласия, кулугурский. Жители двух последних – старообрядцы: спасовцы и «кулугуры» (этим термином часто обозначаются все старообрядцы). Спасовцы тайно придерживались традиций старообрядчества, внешне мало отличались от других прихожан православной церкви. Исключением являлось тайно совершавшееся погребение умершего.

По информации старожилов села Аскулы, «кулугуры» имели свою молельню – отдельно построенное здание или жилой дом участника этой общины, куда все собирались на богослужение, не признавая православного храма²⁵⁷.

В XVIII в. степное Заволжье (р. Б. Иргиз) стало одним из центров российского старообрядчества. Иргизские монастыри – женский Средне-Никольский и два мужских – Верхне-Спасо-Преображенский и Нижне-Воскресенский – поповщинского согласия, а также возникшие около них многочисленные селения представляли собой компактный старообрядческий массив. Несомненно, что наряду с массовыми миграциями в Заволжье старообрядцев поповщинского толка сюда также переселялись носители культуры и религии беспоповства: поморцы, федосеевцы, филипповцы.

Разнообразен был и социальный состав переселенцев: «Иргизские монастыри населены были пришельцами из разных мест России, принадлежащими разным сословиям. ...Они происходили из купцов, мещан и крестьян, преимущественно Саратовской губернии, также из Донских и Уральских казаков, немало было и из губерний Московской, Петербургской, Воронежской. Были иноки из Сибири и даже Молдавии (из Никольского монастыря). Много было отставных и беглых солдат, и лиц, принадлежащих прежде православному духовенству: среди прочих в списках монашествующих встречаются имена дворян мужского и женского пола»²⁵⁸.

Приток старообрядцев в нынешний Самарский край особенно усилился в связи с переводом указанных монастырей в первой половине XIX в. в единоверие.

Реакция крестьянских масс на преобразование Иргизских монастырей не замедлила сказаться – отток населения с Иргиза свидетельствовал о массовом недовольстве в среде верующих. Монастыри пользовались авторитетом у народа, теперь целый пласт духовной культуры должен был исчезнуть, и это воспринималось на социально-психологическом уровне трагически. Миграционные движения иргизских старообрядцев ощутило на себе, в первую очередь, Самарское Заволжье. Старообрядческие общины различных толков появились в первой половине XIX в. практически в каждом районе современной губернии.

В «Отчете о состоянии Самарской епархии» за 1893 г. содержатся поуездные сведения, свидетельствующие о многоконфессиональном составе верующих. Материал одного лишь (второго) округа Самарского уезда демонстрирует, при численном преобладании православных – 29 108 человек, наличие раскольников. Среди 2 199 старообрядцев наиболее многочисленны беспоповцы поморского согласия – 1 143 человека и поповцы – 557²⁵⁹.

С момента образования Самарской губернии до начала XX в. старообрядцы не имели храмов, тайные моленные возводились без официального разрешения и в случае обнаружения запечатывались. В 1883 г. старообрядцам разрешили открывать новые и распечатывать старые моленные без права устанавливать на них кресты и колокола. Так в губернии появились первые, официально зарегистрированные молитвенные дома старообрядцев.

В 1905 г. старообрядцам было дозволено открывать храмы, духовным лицам присваивались наименования «настоятель» и «на-

ставник», закрытые в административном порядке молитвенные дома разрешалось распечатать. Началось строительство новых храмов, на старые моленные водружали кресты и ставили колокола. В г. Самаре в 1910–1915 гг. были построены молитвенный дом спасовцев; белокрыницкий храм во имя иконы Казанской Пресвятой Богородицы (ныне действующий – угол ул. Куйбышевской и Л. Толстого), федосеевский храм Успения Пресвятой Богородицы (возрожденный с 1994 г. храм Древлеправославной общины Поморского согласия – угол ул. Куйбышевской и Л. Толстого).

Начиная со второй половины XVIII в., южные районы степного Самарского Заволжья оказались в ареале расселения различных неортодоксальных течений христианства, в частности – *молокан и субботников*.

Религиозная секта молокан (название возникло из православной ее трактовки – «пьющие в пост молоко»), как одно из духовборческих течений, была создана в XVIII в. в Тамбове Семеном Уклеином. Главным содержанием учения явилось отрицание храмов, икон, богослужения, поста, употребления креста и крестного знамения, понимание таинств в духовном смысле, идея о воскресении «в новом теле». С православными молокан роднило представление о святой Троице, молитвы за умерших. Все учение молокан ставилось под защиту Священного Писания.

Идеология молоканства в XVIII–XIX вв. быстро распространилась ее носителями в Поволжье. Территория Самарского края оказалась включенной в этот процесс. Среди наиболее ранних молоканских селений можно назвать Тяглое Озеро (ныне – Пестравского р-на), Яблонный Овраг, Сухая Вязовка, Дубовый Умет (Волжского р-на), Константиновка (Большеглушицкого р-на), Богдановка (Кинельского р-на), Хворостянка (райцентр), Кануевка (Безенчукского р-на), Максимовка – Коржевка (Богатовского р-на).

Достаточно многочисленная община молокан сформировалась и в г. Самаре. Об этом свидетельствуют отдельные факты. Так, в XIX в. на городской территории между современными ул. Осипенко и Полевой, Ново-Садовой и больницей им. Пирогова существовали Молоканские сады, посаженные в конце 1820-х гг. купцом Акинфием Прохоровичем Грачевым, молоканином по вероисповеданию. В 1857 г. А.П. Грачева не стало. Сад перешел к его наследникам. В 1908 г. на территории Молоканского сада образовался новый поселок, т. к. наследники Грачева разбили сад на мелкие участки и распродавали их под жилые постройки.

Окрестные улицы этой окраины Самары тогда были заселены приверженцами молоканского учения. Молельня располагалась в доме № 36 по ул. Сокольничьей (ныне – Ленинской) и была закрыта в годы советской власти, хотя еще в 1925 г. именно Самара была выбрана местом Всероссийского съезда молокан²⁶⁰.

В «Самарских епархиальных ведомостях» в 1870-е гг. рассмотрены монтанские общины – плясуны, хлысты, молокане – в пригороде Ерыклинске Ставропольского уезда, в с. Дубовый Умет Самарского уезда. В «Сборнике статистических сведений по Самарской губернии» в 1885 г. в Бузулукском уезде отмечено, помимо численно преобладающих православных, наличие молокан и субботников: «В Виловатовской, Павловской и Максимовской волостях молоканства и субботничества придерживаются преимущественно крестьяне бывшие государственные – переселенцы из Тамбовской и Пензенской губерний. К ним принадлежит немало и мордвы, но ни один мордвин не придерживается староверства»²⁶¹.

В настоящее время сложно определить первоочередность в формировании смешанных в религиозном отношении селений. Совместное проживание в русских селениях представителей двух, трех и более конфессий характерно и сегодня в целом для региона, а особенно для южных районов Самарской губернии, пограничных с Саратовской. Память о молоканских общинах сохраняется сегодня в названиях концов отдельных селений: в Тяглом Озере Пестравского района – православный и молоканский; в Покровке Борского р-на – православный, молоканский и мормонский («жидовский» – местн.); в Максимовке Богатовского р-на – православный («русский» – местн.) и молоканский.

В смешанных в религиозном отношении селениях существовали отдельные кладбища: православные огораживались, здесь надгробные холмы и кресты обозначали принадлежность умерших к вере. Молоканские (субботнические) кладбища располагаются и сегодня среди степной равнины, захоронения определяются по вертикально стоящим простым деревянным столбикам. Эти кладбища, как правило, не посещались родственниками.

Ярким примером сосуществования носителей разных религиозных традиций являлось в XIX в. село Максимовка (Коржевка) Бузулукского уезда (ныне – Богатовского р-на), где отдельными концами улицы проживали православные и молокане. По данным 1885 г., село состояло из двух обществ: «из крестьян бывших удельных (828 ревизских душ) и бывших государственных (572 души).

Первые – православные, последние – молокане, переселившиеся сюда в 1780 году из села Бойкина Козловского уезда Тамбовской губернии. Оба общества живут между собой в антагонизме. Православные по характеру своему слишком смирны и непредприимчивы, тогда как молокане – народ бойкий, предприимчивый, “проныры”. ...Школа – только в молоканском конце, где учатся только молоканские дети и два православных мальчика. ...Процент грамотных в обществе молокан достигает 19,4, тогда как у православных он равен 6,7, то есть почти вдвое ниже среднего по волости»²⁶².

Путешественником М. Семевским, заезжавшим в село Максимовку-Коржевку в 1862 г., оставлено описание образа жизни молокан: «Избы у них и снаружи, и внутри обыкновенно крестьянские, но только отличаются необыкновенной чистотой. За печкой в избе у богатого молокана вы непременно приметите узенькую, чуть не потаенную дверь в большую сборную избу, это – молельня молоканская. В ней, кроме лавок и ложа в роде налоя, да книг священного Писания, нет ничего. Какой-нибудь старец внятно, громко читает по книгам, и старые, и малые, мужчины и женщины, преимущественно сидя, слушают чтеца с напряженным вниманием. Чтение сопровождается объяснением со стороны того же чтеца; эти разъяснения прерываются иногда общим чтением псалмов. Знание молоканами книг священного писания поразительно»²⁶³.

Молокан Максимовки в конце XIX в. прославили изготавливаемые ими кушаки – обязательный элемент в традиционном костюме местного населения. Их производство вышло далеко за рамки домашних нужд и превратилось в художественный промысел, продукция которого приобрела товарный характер и получила широкую известность за пределами края. По числу задействованных в изготовлении кушаков это ремесло, хотя и ограничивалось в основном селом Максимовкой и его женским молоканским населением, тем не менее было самым массовым во всем Бузулукском уезде²⁶⁴.

Кроме производства кушаков, молоканское население занималось и хлебопекарным делом. По воспоминаниям старожилов села, здесь были богатые молокане, владевшие пекарнями, где выпекались, помимо хлеба, калачи, коржики и т. д. По производству коржей и село называлось Коржевка. В селе до сих пор сохраняется здание молоканской молельни, построенной в начале XX в. После

революции 1917 г. она была превращена в детский дом, ныне – жилое строение. В хорошо сохранившемся кирпичном здании бывшей молоканской школы сегодня разместился пансионат для престарелых жителей Богатовского района²⁶⁵.

Православным священником Д. Орловым в публикации «Самарских епархиальных ведомостей» представлены сведения о монтанской секте в с. Дубовый Умет Самарского уезда: «Сектанты эти не духоборы, а похожи на древних монтан. Последователи этой секты называются различно: плясунами, хлыстами, иногда же молоканами, весьма редко монтанами. Впервые секта была обнаружена в Дубовом Умете в 1835 г. у Горбачихи. В избе множество мужчин и женщин сидели вдоль стен, а хозяйка в одной белой рубахе среди избы кружилась быстро. Во второй раз – в 1860 г., где обнаружились вещественные доказательства – рубашки девственников особого покроя»²⁶⁶.

В состав молоканских общин, помимо русских жителей губернии, входила и мордва, в процессе своего развития значительно ассимилированная русскими.

Еще одно направление духовного христианства – субботничество – также нашло благодатную почву на самарской земле. Секта субботников, в народе часто называемых «жидовствующими» и «жидами», особенно широко была распространена в XVIII в. среди жителей Саратовского края, где у них был свой наставник – Семен Долматов. В вопросах веры и обрядовой культуры у субботников было много общего как с молоканами, так и с иудаистами. С последними роднило признание единого Бога, обрезание, запрет на свиное мясо и рыбу, лишенную чешуи, празднование выходного дня в субботу, соблюдение сроков еврейской (иудаистской) Пасхи за неделю до православной и т. д.

Особое развитие субботничество, как и сектантство в целом, в России пережило в начале XIX в., в царствование Александра I. Разрешение сектантства привело к его территориальному и численному росту по всей стране, что нашло отражение в Самарском крае. В нынешнем Богатовском районе, ранее – в трех волостях: Максимовской, Виловатовской и Павловской Бузулукского уезда – как молокане, так и субботники жили чересполосно с православными, иногда отдельными концами в селении. По воспоминаниям старожилов, в деревне Федоровке в конце XIX – начале XX вв. жило около 10 семей субботников, имевших ветхозаветные фамилии – Абрамовы, Давыдовы, Исаковы, Моисеевы.

О самобытности поведенческой культуры субботников свидетельствуют воспоминания пожилых людей в деревне Федоровке: «На Пасху хозяйки у субботников пекли пресные сочни (наподобие еврейского ритуального хлеба – маца. – *Т. В.*). В случае, если сочень вспыхнет, вздуется и станет похожим на православный кулич, его выбрасывали в помойное ведро со словами: «Тут Христос ночевал!»²⁶⁷.

В статистических материалах I Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. вероисповедный состав русских жителей Самарской губернии представляет 3 конфессии: православные – 95,1 % мужчин и 94,8 % женщин, староверы – 4,8 % мужчин и 5,1 % женщин, иудеи – по 0,1 % мужчин и женщин²⁶⁸. Под «иудеями», по всей видимости, могли пониматься и молокане, и субботники.

Основательную этнопсихологическую характеристику представителей различных конфессий в Самаре в середине XIX в. мы встречаем в «Очерках русской жизни» публициста, литературного критика Н.В. Шелгунова: «...На разных разномыслии приходится в Самаре почти 40 тысяч (при общей численности горожан 80 тысяч. – *Т. В.*). Понятно, что православие, окруженное таким сильным сектантством, едва ли в состоянии сохраняться в чистоте. Но, с другой стороны, соблазн, окружающий православие, и необходимость призадуматься порождает и более крепкое православное убеждение. Здесь всякая секта и всякая вера машет на другую руку, и все враждует друг другу: на молокан же смотрят как на отщепенцев.

Самые фанатичные – староверы, они суровы, нетерпимы и строги. Эти застывшие на старине и старом обычае люди не знают уступки, твердо стоят на своем и не умеют ни миловать, ни прощать. Православных они не любят, но, однако, чувствуют, что имеют с ними что-то общее; зато фанатично ненавидят молокан.

Молокане мягче и общительнее; в них нет ни суровости, ни фанатизма, они даже мало похожи на религиозную секту, – это скорее люди мысли и убеждения, чем люди веры. Старовер берет все без размышления, без проверки... Молоканин же рационалист, а некоторые из более мыслящих молокан допускают даже прогрессивное молоканство. Раз встав на путь критической мысли, молоканин легко идет вперед и хотя сказанное в Евангелии признает основой молоканства, но допускает, что и жизнь идет вперед, а с нею должно, конечно, меняться и верование. Молоканин и видом отличается от раскольника. В каждом старовере сидит в

большем или меньшем количестве отец Аввакум, во взгляде чувствуется подозрительность и недоверие. Может быть, все это выработалось и историей, т. е. многовековым преследованием и страхами, под которыми жил у нас раскол...

Молоканин, напротив, общителен и прост. Он ни от кого не отделяется и никого не чуждается, смотрит он прямо и открыт, ходит опрятнее и чище всех других. Но, в то же время, чувствуется в молоканине и то, что здесь называется гордостью. Молоканин, а особенно из наиболее выдающихся или главарей, не всегда скрывает сознаваемое им свое умственное превосходство над другими сектантами и верующими, и это сознание умственной уверенности и внутренней правоты выражается во все более открытой фигуре молоканина.

Православное население занимает здесь середину между молоканством и староверством. Раскольник, уткнувшись лбом в стену, глух и слеп для всего, что не раскол, и почти ни в чем не уступает от жизни. Молоканин, напротив, хочет относиться ко всему сознательно, хочет понять, что он видит, так сказать, обнять критическим оком окружающий его мир и отношения (конечно, преимущественно нравственного порядка) и изображает собою несомненное прогрессивное народное начало. Православные, занимая середину, стоят ближе к староверам, ибо держатся строже буквы и формы. Что же касается того, что молокане усерднее молятся золотому тельцу, то, кажется, в этом обвинении участвует несколько личное чувство. Золотой телец здесь общий бог, которому одинаково молятся люди всех состояний, всех сект и всех религий. Только один этот бог их всех примиряет и заставляет забывать религиозно различие, и потому понятно, что лишь в его руках и вся судьба здешнего человека»²⁶⁹.

Свои симпатии молоканам, подобно Н.В. Шелгунову, выражает в конце XIX в. английский писатель Макензи Уоллес: «Молокане, хотя и принадлежат к той же расе и поставлены в те же условия, как и православные крестьяне, живут в лучших хатах, лучше одеваются, исправнее платят налоги, словом, пользуются большим материальным достатком. ...У молокан введена строгая система надзора за нравственностью членов. Если кто-нибудь из братии провинится в пьянстве или в другом поступке, неподобающем христианину, пресвитер на первый раз увещает его наедине или в присутствии всего собрания; если эта мера не окажет желаемого действия, виновный отлучается на более или менее продол-

жительное время от участия в собрании и от всякого общения с остальными членами секты; наконец в крайних случаях прибегают к изгнанию неисправимого члена. С другой стороны, если кто-нибудь из братии впадет, не по своей вине, в материальную нужду, остальные спешат к нему на помощь. Этою-то системою взаимного надзора и взаимной помощи вероятно объясняется то обстоятельство, что молокане постоянно отличаются от окружающего их населения трезвостью, честностью и материальным благосостоянием»²⁷⁰.

Живя в самарском имении (ныне – пос. Льва Толстого Алексеевского р-на), Л.Н. Толстой свой духовный интерес удовлетворял сближением с самарскими сектантами – молоканами, субботниками и другими. 20 июля 1881 г. он пишет графине Софье Андреевне: «...Нынче (воскресенье) я с Василием Ивановичем провел целый день в Патровке, на молоканском собрании, обеде, и на волостном суде, и опять на молоканском собрании. В Патровке мы нашли Пругавина (он пишет о расколе). Очень интересный и степенный человек. Весь день провел очень интересно. На собрании была беседа о Евангелии. Есть умные люди и удивительные по своей смелости».

О местных молоканах он сообщает в письме к Софье Андреевне и 24 июля: «Интересны молокане в высшей степени. Был я у них на молении, присутствовал при их толковании Евангелия и принимал участие, и они приезжали и просили меня толковать, как я понимаю; и я читал им отрывки из моего изложения; и серьезность, и интерес, и здравый, ясный смысл этих полуграмотных людей – удивительны. Был я в Гавриловке у субботника. Тоже очень интересно. Вообще впечатлений за эту неделю даже слишком много».

Особая ситуация возникла у Л.Н. Толстого в связи с молоканскими детьми. 8 мая 1897 г. к нему в Ясную Поляну приехали самарские молокане: В.И. Токарев и В.Т. Чипилев просили совета и помощи в деле возвращения отнятых у них детей. Местная власть, выполняя предписания правительства в том, что все люди обязаны воспитываться в православной вере, направили ночью в деревню урядника с полицейскими. В результате в нескольких семьях были взяты дети, в том числе и малолетние, чтобы поселить их в монастыре.

Л.Н. Толстой начал сразу действовать. 10 мая были написаны и отданы ходокам письма к Николаю II, А.В. Олсуфьеву (помощни-

ку командующего императорской главной квартирой), К.О. Хису (воспитателю Николая II и его братьев, учителю английского языка), А.С. Танееву (главноуправляющему императорской канцелярией, дяде композитора), А.А. Толстой (родственнице Л.Н. Толстого, фрейлине императорского двора). Составлено было письмо к сыну Льву для Великого князя, у которого тот служил в полку. Лев Николаевич дважды обращался к Николаю II в 1897 году (10 мая и 19 сентября), прося принять меры к возвращению детей. Однако на его письма не было никакого ответа.

После вторичного обращения к царю в сентябре 1897 г. Лев Николаевич отправляет письма в редакции газет «Гражданин» и «Русские ведомости». В октябре он направляет заметку на эту тему редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» Э.Э. Ухтомскому. 15 октября она была опубликована в газете.

Трагические события не могли оставить безучастной и Татьяну Толстую, старшую дочь писателя. Стремление «жить нравственно и небесполезно для других», фанатичная преданность отцу, горячее желание совершать любое благое дело, одобряемое им, побудили ее к участию в спасении молокан. В сентябре 1898 г. Татьяна находилась в Петербурге в связи с подготовкой художественных изданий. Получив телеграмму от отца, в которой сообщалось о трагических происшествиях с крестьянами-сектантами Бузулукского уезда, она откладывает свой отъезд из Петербурга и добивается встречи с Победоносцевым.

Во время своего визита к обер-прокурору Синода Татьяна Толстая напомнила ему о судьбах молокан и передала прошение на Высочайшее имя, написанное отцом от имени сектанта Ф.И. Самошкина, у которого был отнят пятилетний сын. По поводу отнятых у молокан детей Победоносцев в беседе с Т.Л. Толстой признался, что местный архиерей «переусердствовал», и обещал написать самарскому губернатору, чтобы детей, наконец, вернули. Действительно, вопрос был решен положительно и, благодаря активному участию Толстых, все дети сектантов были возвращены в семьи в начале марта 1898 г.²⁷¹

Политические и социальные процессы в советском обществе 1920–1930-х гг. способствовали сокращению религиозных общин и их численности. Многие из молокан и субботников в процессе жизни, часто всей семьей, переходили в православную веру. В случае предстоящего брака выходцев из разных религиозных общин – один из них «перекрещивался», чаще в православие. Все это сви-

детельствует о трансформации религии молокан и субботников, о развитии по нисходящей линии, особенно в XX в. Полевой материал сегодня фиксирует единичных представителей молоканства в крае, которые заявляют: «родились и умрем молоканами». Повсеместное разрушение храмов и внедрение массовых запретов на собрания вовсе не означали полной ликвидации религиозной убежденности верующих и их самоидентификации по вероисповедному принципу.

Католицизм в Самарском крае традиционно связывается с поляками. Их расселение в Поволжье происходило в контексте политических событий XVII в. – войны России с Польшей за Смоленск и Полоцк. В 1655 г. для поселения на Закамской черте перевели смоленских шляхтичей четырех «знамен». С поляками связана Ново-Кувакская слобода (ныне – село Шенталинского р-на Самарской обл.).

Потомки шляхтичей не платили податей и не несли повинностей, кроме подводной и квартирной, принятых ими на себя добровольно. В 1854 г. Самарское Дворянское депутатское собрание отказало шляхте в дворянстве, но некоторые из них, как потомки панцирных дворян, воспользовались своим правом, поступив на государственную службу.

Новые миграционные потоки переселенцев поляков в Самарский край связаны с ссыльными участниками польских восстаний 1830–1831, 1848, 1863–1864 гг. По социальному статусу это были на 30 % дворяне и шляхта, остальные – рабочие и крестьяне.

С началом I мировой войны в Самару пошел поток беженцев из Польши. Здесь оказалась часть кафедр Варшавского университета, некоторые лечебные, учебные заведения и заводы. В 1914–1918 гг. было 6 польских школ, детские дома, клубы, католический приход. По данным 1920 г., численность поляков в Самарской губернии составила 6 955 чел., 5 320 из них жили в городах, в том числе в Самаре – 3 861 чел.²⁷²

Протестантские конфессии появились в Самарском крае, в первую очередь, с немцами Поволжья. Культурные традиции немцев во многом основывались на религиозных нормах. Так, меннониты – последователи голландского протестанта XVI в. Менно Симонса – не признавали церковь, священство, воинскую повинность, активно мигрировали в Европе. Каждая самостоятельно организовавшаяся община существовала независимо от других, избирая своих духовных наставников и проповедников. Центром об-

щинной жизни немцев – лютеран и католиков – была церковь (кирха и костел). В меннонитских элементарных и лютеранских церковно-приходских школах дети, кроме Закона Божия, изучали пение божественных гимнов, основы арифметики и географии, чтение, письмо на родном (литературном) немецком языке. В двухклассных русскоязычных школах детей обучали русскому языку, на нем велось обучение и по другим предметам.

Самарская губерния в XIX – начале XX вв. являлась одним из крупных *мусульманских* центров России; мусульманские общины составляли татары, башкиры, в меньшей степени – тептяри и «мещеряки». По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г., численность татар составляла 165 191 человек, башкир – 57 242, тептярей – 47 684, «мещеряков» – 6 580²⁷³.

В дореволюционный период в г. Самаре имелись три мечети: в 1856–1890 гг. – на ул. Саратовской (ныне – угол ул. Фрунзе и Комсомольской), с 1891 г. по настоящее время – на ул. Казанской (ныне – ул. Алексея Толстого), с 1912 г. – на Оренбургском спуске (ныне – Чкаловский спуск). С 1907 по 1913 гг. в Самаре действовало татарское мусульманское общество, при нем – библиотека для взрослых, а также 4 русско-татарских школы, где обучались 160 человек²⁷⁴.

Иудаистскую общину в г. Самаре формировали евреи, начавшие здесь селиться во 2 пол. XIX в.: в 1853 г. – 8 чел., 1862 г. – 92, 1871 г. – 339, 1886 г. – 515 чел., 1897 г. – 1327, 1900 г. – 1547 чел. Это были купцы, ремесленники, отставные солдаты и их семьи. В годы I мировой войны в Самару прибыло значительное число евреев, бежавших из западных районов страны. К 1926 г. численность евреев – городских жителей составляла 6 981 человек.

В 1874 г. в город приехал первый раввин, в 1880 и 1887 гг. открылись два молитвенных дома, в 1895 г. была официально зарегистрирована иудаистская община при активном участии юриста и общественного деятеля Я.Л. Тейтеля. В 1908 г. открылась большая синагога (ныне – ул. Садовая, 49). Строительство самарской хоральной синагоги напрямую было связано с ростом еврейского населения в городе. Автором проекта стал архитектор Зельман Клейнерман. Синагога вмещала около тысячи человек и входила в число десяти лучших в мире. На сегодняшний момент она является второй по величине в Европе. В 1929 г. синагога была превращена в Дворец культуры, позднее – в хлебозавод²⁷⁵. В настоящее время культовое здание мавританского стиля находится на реставрации.

Распределение жителей города Самары по вероисповеданиям отражает табл. 37, составленная нами по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Таблица 37

Конфессиональный состав населения г. Самары по данным переписи 1897 г.

Вероисповедания	Мужского пола	Женского пола	Всего
Православные и единоверцы	40 632	39 861	80 493
Старообр. и уклон-ся от правосл.	1 626	1852	3478
Армяно-григориане	21	4	25
Римско-католики	789	455	1 244
Лютеране	537	465	1 002
Реформаты	10	8	18
Баптисты	4	5	9
Меннониты	5	2	7
Англикане	1	3	4
Лица ост. христ. исповеданий	12	14	26
Караимы	7	5	12
Иудеи	701	614	1 315
Магометане	1 489	875	2 364
Лица проч. нехрист. исповед.	2	-	2
Всего			89 999

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. регион Среднего Поволжья и Приуралья являл собой историко-культурную область, где активно взаимодействовали между собой различные этноконфессиональные группы.

Внутриэтническую консолидацию ярко демонстрировали русские переселенцы из различных регионов России. Разнородные в культурном и диалектно-языковом отношении локальные группы русских (москвичи, рязанцы, нижегородцы, пензяки, куряки, тамбовцы, воронежцы и т. д.) или в более широком смысле – северные, средне- и южнорусские субэтнические группы оказались в одной географической среде, в контакте друг с другом и с иноэтническим населением региона. Результатом стало формирование этнотерриториальной группы русских Среднего Поволжья и Приуралья. Эти процессы характерны и для других народов края – украинцев, немцев, татар, чувашей, башкир и др.

Формирование смешанных в этническом и конфессиональном смысле селений способствовало ассимиляционным межэтническим процессам, а также диффузии культур различных групп населения. Этническая самоидентификация населения определялась как языковой, так и религиозной общностью с представителями своей этнической группы или конфессии. С частичной или полной утратой родного языка в XX в. отношение к национальной традиционной культуре выражалось, главным образом, религиозной принадлежностью к той или иной конфессиональной группе. Тенденция развития религиозного сознания населения степного Заволжья свидетельствовала о таких изменениях в этнической самоидентификации, при которых религиозный фактор становился определяющим.

Для исследуемого региона наиболее характерно размывание этнического самосознания мордвы, и это не следует воспринимать только как сегодняшний процесс, обусловленный потерей национального языка. Конфессиональная общность с православным населением региона сформировала в сознании мордвы представление о культурном единстве. Это отражается в настоящее время нередко в самооценке мордовских респондентов: «Мы – настоящая русская мордва». Самоидентификация при этом определяется религиозно-православными нормами. В этноконтактных мордовско-русских селениях у обеих этнических групп вырабатывались универсальные черты в культурных традициях. Примером может служить превращение мордовских молянов (озсков) в обряды «испрошения дождя» – хождения «по хлебам» с иконами, характерные для всего православного населения степного Заволжья.

Идентичность чувашей Самарского края напрямую связана с их религиозностью. Сегодняшнее возрождение чувашского язычества свидетельствует о четком выделении внутри этнической группы «настоящих» чувашей (язычников) и «русских» чувашей.

Надэтнические процессы, характеризующиеся модернизацией и почти полной утратой традиционной культуры и религиозной идентичности народов России, в целом характерны для послереволюционной эпохи, когда политической установкой государства обозначалось «формирование новой исторической общности – советского народа» и атеистическая пропаганда.

Вместе с тем полиэтнический и поликонфессиональный состав населения Самарского Заволжья как прежде, так и сейчас может рассматриваться гарантом стабильного развития российской провинции.

Примечания

¹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад / пер. с нем. М., 1997; Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2000; Верт П. Православие, инославиe, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012.

² *Imperial Rule* / A. Miller, A. J. Rieber, eds. Budapest; New York, 2004; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / пер. с англ. М., 2007; Российская империя в сравнительной перспективе: сб. статей / А. И. Миллер. М., 2004.

³ Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. (Библиотека журнала «Ab Imperio») / И. В. Герасимов, С. В. Глебов, А. П. Капуновский [и др.]. Казань, 2004; Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М., 2005; Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. Изд. 2, испр. и доп. М., 2010; и другие.

⁴ Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сб. ст. 2003. С. 8.

⁵ Каппелер А. Россия – многонациональная империя; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней; Каррер д'Анкоcс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / пер. с фр. М., 2007.

⁶ Верт П. Православие, инославиe, иноверие. С. 95–96.

⁷ Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В. Н. Данилова и П. С. Кабытова. Саратов, 2010. С. 309.

⁸ Geraci R. P. Window on the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. – В рус. переводе: Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / пер. с англ. М., 2013.

⁹ Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. С. 28, 31.

¹⁰ Стейнведел Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии. С. 610–633; Верт П. Православие, инославиe, иноверие. С. 5.

¹¹ Стейнведел Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума. С. 625.

¹² Стейнведел Ч. Племя, сословие или национальность? // Новая имперская история постсоветского пространства. С. 483.

¹³ Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 101–111.

¹⁴ Слокум Дж. Кто и когда были инородцами? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии*. С. 502–531.

¹⁵ Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740: Страницы истории империализма. Уфа, 1995. С. 260–261, 265.

¹⁶ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. С. 46; 121–122; 153.

¹⁷ Гальперин Ч. Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе; Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология / сост. Дж. Маджеска / пер. с англ. Самара, 2001. С. 85–93; 143–171.*

¹⁸ Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, 2002.

¹⁹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. С. 152–155.

²⁰ Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2007. С. 243–245, 267–268.

²¹ Стейнвелд Ч. Племя, сословие или национальность? С. 473–500.

²² Гальперин Ч. Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе. С. 65–97.

²³ Тагиров Э.Р. Народ в пути. История Татарстана в контексте мировой цивилизации. Казань, 2008. С. 165–176.

²⁴ Кефели-Клай А.Н. Народный ислам у крещеных православных татар в XIX веке // *Российская империя в зарубежной историографии*. С. 539–543; *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / Edited by Daniel Brower and Edward J. Lazzarini*. Bloomington, 1997. P. 139.

²⁵ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. С. 26–31; Тагиров Э.Р. Народ в пути. С. 181; Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009. С. 164–202, 410–411.

²⁶ Ногманов А. Мусульмане Волго-Уральского региона в Российском законодательстве XIX в. // *Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона*. С. 177.

²⁷ Там же. С. 182–187.

²⁸ Кефели-Клай А.Н. Народный ислам у крещеных православных татар в XIX веке. С. 543.

²⁹ Нисияма К. Принятие ислама крещеными татарами и православная церковь: этнокультурное противостояние на Среднем Поволжье в середине XIX в. // *Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона*. С. 200–224.

³⁰ Очерки истории Поволжья и Приуралья. С. 315.

³¹ *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. P. 43–46.

- ³² Geraci R.P. *Window on the East*. P. 142–143; 146–147.
- ³³ Khalid A. *The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia*. Berkeley, 1998.
- ³⁴ Кефели-Клай А.Н. Народный ислам у крещеных православных татар в XIX веке. С. 561–563.
- ³⁵ Цит.по: Очерки истории Поволжья и Приуралья. С. 325.
- ³⁶ *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. P. 138, 146–148.
- ³⁷ *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. P. 152; Geraci R.P. *Window on the East*. P. 148–153.
- ³⁸ Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии*. С. 416–421.
- ³⁹ Макаров Д.М. *Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.)*. Чебоксары, 2000.
- ⁴⁰ Слезкин Ю. *Арктические зеркала*. С. 69.
- ⁴¹ Dowler W. *Classroom and Empire. The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917*. Montreal and Kingston, 2001. P. 122.
- ⁴² Джераси Р. Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда: «Мултанское дело» 1892–1896 годов // *Российская империя в современной зарубежной историографии*. С. 259–261. См. также: Джераси Р. *Окно на Восток*. С. 243–274.
- ⁴³ Верт П. *Православие, инославие, иноверие*. С. 17–42.
- ⁴⁴ Джераси Р. Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда. С. 260–261.
- ⁴⁵ Шепталин А. *Правовой аспект Мултанского дела в Удмуртии // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона*. С. 225–262.
- ⁴⁶ Нисияма К. *Принятие ислама крещеными татарами и православная церковь*. С. 207.
- ⁴⁷ Geraci R.P. *Window on the East*. P. 117; 121–122; 125; 134.
- ⁴⁸ Dowler W. *Classroom and Empire*. P. 120–121; Geraci R.P. *Window on the East*. P. 124–126.
- ⁴⁹ Dowler W. *Classroom and Empire*. P. 237; Верт П. *Православие, инославие, иноверие*. С. 101; Geraci R.P. *Window on the East*. P. 129–133.
- ⁵⁰ *Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период*. С. 293, 316.
- ⁵¹ Верт П. *Православие, инославие, иноверие*. С. 100–102; 107.
- ⁵² Dowler W. *Classroom and Empire*. P. 235–240.
- ⁵³ Geraci R.P. *Window on the East*. P. 155–157.
- ⁵⁴ Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001*. С. 332–333.

⁵⁵ См.: Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca and London, 2001. В русском переводе: Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

⁵⁶ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. С. 46; 121–122, 153.

⁵⁷ Там же. С. 152–155.

⁵⁸ Там же. С. 203–207; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. С. 434–453.

⁵⁹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. С. 206–207.

⁶⁰ Dowler W. Classroom and Empire. P. 238.

⁶¹ Миллер А. Империя Романовых и национализм. С. 113–141.

⁶² Там же. С. 31–35.

⁶³ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976; Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973; Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XIII – первой половине XIX в. М., 1971; Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1972.

⁶⁴ Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. 60–90-е годы XIX века. Казань, 1973. С. 11–13; Хамитбаева Н.С. Народонаселение Среднего Поволжья в 60–90-е гг. XIX в. // Исследования по историографии Татарии. Казань, 1976; Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в.: по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978; Смыков Ю.И., Хамитбаева Н.С. Социально-классовая структура населения Среднего Поволжья в конце XIX века // Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск, 1981; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994.

⁶⁵ Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. СПб., 1912. С. 41–42.

⁶⁶ Симонов Б.П. Экономическое развитие российской провинции на рубеже XIX – XX вв. (на примере губерний Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003. С. 94.

⁶⁷ Рубакин Н.А. Россия в цифрах. С. 42.

⁶⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 46–47.

⁶⁹ Там же. С. 55.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 59.

⁷² Там же. С. 60.

⁷³ Там же. С. 60–61.

⁷⁴ Рубакин Н.А. Россия в цифрах; Суринов А.Е. Сто лет спустя. М., 2010. С. 46.

⁷⁵ Симонов Б.П. Экономическое развитие российской провинции на рубеже XIX – XX вв. (на примере губерний Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003. С. 91.

⁷⁶ Храмов Л.В. Введение в Самарское краеведение. Самара, 2003. С. 174.

⁷⁷ Рубакин Н.А. Россия в цифрах. С. 49.

⁷⁸ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994. С. 116.

⁷⁹ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. С. 111.

⁸⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 59–60.

⁸¹ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. С. 111.

⁸² Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006. С. 100.

⁸³ См. подробнее: Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 24.

⁸⁴ Очерки истории Поволжья и Приуралья. С. 141.

⁸⁵ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1972. С. 58.

⁸⁶ Очерки истории Поволжья и Приуралья. С. 165.

⁸⁷ Прилуцкая О.А. Столыпинская аграрная реформа в Среднем Поволжье в 1906–1917 гг. (по материалам Пензенской, Самарской, Симбирской губерний). Пенза, 2003. С. 117.

⁸⁸ Там же. С. 118–119.

⁸⁹ Там же. С. 119.

⁹⁰ Там же. С. 124.

⁹¹ Там же. С. 126.

⁹² Таблица составлена по данным: Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел. Вып. 2. СПб., 1863; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1–2. СПб., 1905; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915; Статистический ежегодник России 1916 г. Пг., 1918.

⁹³ Статистический ежегодник России 1916 г. Пг., 1918. С. 95–100.

⁹⁴ Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914. С. 13.

⁹⁵ Статистический ежегодник России 1916 г. Пг., 1918. С. 104–105.

⁹⁶ Тихонов Б.В. Переселение в России во второй половине XIX в. М., 1978. С. 190, 194.

⁹⁷ Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. С. 136.

⁹⁸ Статистика землевладения 1905 г.: Самарская губерния. Вып. 28. СПб., 1906. С. 10–11.

⁹⁹ Список населенных мест Самарской губернии за 1900 г. Самара, 1900. С. 497; Список населенных мест Самарской губернии за 1910 г. Самара, 1910. С. 385.

¹⁰⁰ Крестьянское хозяйство Симбирской губернии по подворной переписи 1910–11 гг. Симбирск, б.г. С. 1; 12–13; Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг.: Курмышский уезд. Вып. 6. Симбирск, 1914. С. 3.

¹⁰¹ Статистика землевладения 1905 г., вып. 2, 5, 12, 22, 28. СПб., 1906. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 2, 5, 12, 22, 28. СПб., 1906.

¹⁰² Рашин А.Г. Население России за 100 лет. С. 221–222.

¹⁰³ Статистический ежегодник России 1913 г. СПб., 1914.

¹⁰⁴ Рашин А.Г. Население России за 100 лет. С. 221–222; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. С. 138.

¹⁰⁵ Бухарова Ю.А. Социокультурный облик уездных городов Саратовской губернии в конце XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006. С. 23.

¹⁰⁶ Там же. С. 24.

¹⁰⁷ Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С. 56; Рашин А.Г. Население России за 100 лет. С. 79, 83; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма. С. 139.

¹⁰⁸ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6: Среднее и Нижнее Поволжье. СПб., 1901. С. 143.

¹⁰⁹ Крестьянское хозяйство Симбирской губернии по подворной переписи 1910–1911 гг. С. 6–7.

¹¹⁰ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978. С. 238; Россия... Т. 6. С. 24.

¹¹¹ Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875.

¹¹² Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. С. 204–206; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1–2. СПб., 1905.

¹¹³ В Астраханской губернии удельный вес киргизов и калмыков составлял в 1875 году 26,11 %.

¹¹⁴ Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1–2. СПб., 1905.

¹¹⁵ Статистический ежегодник России 1916 г. Вып. 1. Пг., 1918. С. 67–68.

¹¹⁶ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Т. 1. СПб., 1903. С. 16, 248.

¹¹⁷ ЦГАСО. Ф. 3, оп. 233, ед. хр. 1281, лл. 1–30.

¹¹⁸ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3. С. 523.

¹¹⁹ Водоватов Ф.Я. Крестьянское движение в Самарской губернии в 1905–1907 гг. Куйбышев, 1957. С. 44.

¹²⁰ РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 755. Л. 138.

¹²¹ Тихонов Б.В. Переселение в России во второй половине XIX в. С. 205–206.

¹²² Подсчитано нами по данным: Сельское хозяйство России в XX веке. М., 1923. С. 21–22.

¹²³ Рубакин Н.А. Россия в цифрах. С. 51.

¹²⁴ Статистический ежегодник России 1916 г. Вып. 1. Пг., 1918. С. 65.

¹²⁵ Статистический ежегодник Российской империи. Т. II. Вып. 1. СПб., 1871; Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1–2. СПб., 1905; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915; Статистический ежегодник России 1916 г. Вып. 1. Пг., 1918.

¹²⁶ Сельское хозяйство России в XX веке. С. 12–13.

¹²⁷ Петров В.И. Состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2005. С. 82.

¹²⁸ Там же. С. 74–75.

¹²⁹ Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. С. 216.

¹³⁰ Петров В.И. Состав населения Среднего Поволжья. С. 79.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Цит. по: Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. С. 337–338.

¹³⁴ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 32.

¹³⁵ Там же. С. 20.

¹³⁶ Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России. Киев, 1913. С. 156.

¹³⁷ Россия... Т. 6. С. 150.

¹³⁸ Тихонов Б.В. Переселение в России во второй половине XIX в. С. 187–188; Сельское хозяйство России в XX веке. С. 12–13.

¹³⁹ Павич М. Хазарский словарь: Роман-лексикон. Мужская версия. СПб., 1997. С. 217.

¹⁴⁰ Замятин Д.Н. Культура и пространство. С. 257.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Впервые опубликовано: Смыков Ю.И., Гончаренко Л.Н. Национальный состав населения Поволжья в конце XIX века // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990. С. 97–106.

¹⁴³ Советский Союз. Российская Федерация. Европейский Юго-Восток. Поволжье. Северный Кавказ // Географическое описание: в 22 т. М., 1968. С. 18.

¹⁴⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. Т. 6. С. 160.

- ¹⁴⁵ История Казани. Первая книга. Казань, 1988. С. 192.
- ¹⁴⁶ Астрахань и Астраханская губерния. СПб., 1897. С. 4.
- ¹⁴⁷ Алексеев В.А. Астрахань (Путевые впечатления) // Исторический вестник. 1910. № 3. С. 1079.
- ¹⁴⁸ Ленин В.И. Национальный состав учащихся в русской школе // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 24. С. 220.
- ¹⁴⁹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Астраханская губерния. Т. 2, тетр. 2. СПб., 1899. С. 42–43; Казанская губерния. Т. 14. СПб., 1904. С. 100–103. Самарская губерния. Т. 36. СПб., 1904. С. 56–59; Саратовская губерния. Т. 38. СПб., 1904. С. 78–81; Симбирская губерния. Т. 39. СПб., 1904. С. 62–63.
- ¹⁵⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Астраханская губерния. Т. 2, тетр. 2. СПб., 1899. С. 42–43; Казанская губерния. Т. 14. СПб., 1904. С. 100–103; Самарская губерния. Т. 36. СПб., 1904. С. 56–59; Саратовская губерния. Т. 38. СПб., 1904. С. 78–81; Симбирская губерния. Т. 39. СПб., 1904. С. 62–63.
- ¹⁵¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Астраханская губерния. Т. 2, тетр. 2. СПб., 1899. С. 42–43; Казанская губерния. Т. 14. СПб., 1904. С. 100–103; Самарская губерния. Т. 36. СПб., 1904. С. 56–59; Саратовская губерния. Т. 38. СПб., 1904. С. 78–81; Симбирская губерния. Т. 39. СПб., 1904. С. 62–63.
- ¹⁵² Источники: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Астраханская губерния. Т. 2, тетр. 2. СПб., 1899. С. 42–43; Казанская губерния. Т. 14. СПб., 1904. С. 100–103; Самарская губерния. Т. 36. СПб., 1904. С. 56–59; Саратовская губерния. Т. 38. СПб., 1904. С. 78–81; Симбирская губерния. Т. 39. СПб., 1904. С. 62–63.
- ¹⁵³ Ведерникова Т.И. Формирование этнически смешанного населения степного Заволжья (Самарской губернии) в середине XVII – середине XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; она же. Формирование этнически смешанного населения Самарского края в XVII–XIX веках // Этнос Самарского края: Историко-этнографические очерки / рук. проекта Н.П. Осипова, М.Г. Федоров. Самара, 2003. С. 272; Смирнов Ю.Н. Заволжье во второй трети XVIII – первой половине XIX вв.: от пограничья до «внутренней губернии» Российской Империи // Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2007. С. 118–193. Цит. С. 178–179.
- ¹⁵⁴ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Вып. 1: Самарский уезд. М., 1883. С. 10; Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 2: Ставропольский уезд. М., 1884. С. 18; Т. 3: Бузулукский уезд. Самара, 1885. С. 14, 121; Т. 4: Бугурусланский уезд. Самара, 1886. С. 172–177; Т. 6: Николаевский уезд. Самара, 1889. С. 14; Т. 7: Новоузенский уезд. Самара, 1890. С. 15.

¹⁵⁵ Леонов М.И. Из истории Самарского областного комитета госстатистики // Статистика и статистики Самарской области (Энциклопедия Самарской статистики): Сборник-эссе. Самара, 1998. С. 50.

¹⁵⁶ Левин С.В. Организация земского статистического бюро в Самарской губернии // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. 2011. № 7 (88). С. 49–53.

¹⁵⁷ Стейнвелд Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М., 2005. С. 610–633.

¹⁵⁸ Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 года / сост. В. Кругликов. Самара, 1890. С. 1.

¹⁵⁹ Лясковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии [Из Журнала МВД, ч. XLIII, кн.8 – 1860]. СПб., 1894. С. 52.

¹⁶⁰ Лясковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии. С. 62–63.

¹⁶¹ Леонов М.И. Из истории Самарского областного комитета госстатистики. С. 55.

¹⁶² Состав народонаселения Самарской губернии по племенам. Общий свод по уездам и губернии // Статистические таблицы Самарской губернии / Изд. Самар. губерн. стат. ком.; (табл. обраб. П. Рихтером, Е. Анучиным). Самара, 1870. Отд. 1, [ч.] 1. С. 278–279.

¹⁶³ Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.). Самара, 2009. С. 167–180.

¹⁶⁴ Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самара, 1892. Т. 8. Вып. 1.

¹⁶⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд-е Центр. стат. к-та Мин-ва внутр. дел под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 36: Самарская губерния. СПб., 1904.

¹⁶⁶ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 ч. СПб., 1905.

¹⁶⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 36: Самарская губерния. С. 2–3; 56; 122.

¹⁶⁸ Лясковский Б. Материалы для статистического описания Самарской губернии. С. 89; Статистические таблицы Самарской губернии. Отд. 1, [ч.] 1: Состав народонаселения Самарской губернии по племенам. С. 278–279; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 36: Самарская губерния. С. 2–3; 58–59. Многозначим помечены клетки таблицы в тех случаях, когда данные о численности национальной группы в источниках отсутствуют.

¹⁶⁹ Графа «общая численность населения» не является суммарной (итоговой) по отношению к остальным графам, т.к. при определении общей

численности населения статистиками учитывалась и численность малых этнических групп, не приведенная в данной таблице.

¹⁷⁰ Смирнов Ю.Н. Заволжье во второй трети XVIII – первой половине XIX вв. С. 177–178.

¹⁷¹ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 2: Ставропольский уезд. С. 9.

¹⁷² Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 5. Бугульминский уезд. Самара, 1887. С. 16.

¹⁷³ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 7. Новоузенский уезд. С. 22–23.

¹⁷⁴ Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в.: по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978. С. 23.

¹⁷⁵ Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. С. 177–179; Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994. С. 117–119.

¹⁷⁶ Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. С. 177–179; Морозов С.Д. Численность и этнодемографический состав населения Поволжья в период империализма // Социально-экономическое положение трудящихся Среднего Поволжья (дооктябрьский период). Саранск, 1989. С. 88–89.

¹⁷⁷ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. С. 117–119.

¹⁷⁸ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. 1: Самарский уезд. С. 10; Т. 3. Бузулукский уезд. С. 14–16; Т. 5. Бугульминский уезд. С. 9–12; Т. 6. Николаевский уезд. С. 12–14; Т. 7. Новоузенский уезд. С. 12–20.

¹⁷⁹ Ведерникова Т.И. Формирование этнически смешанного населения степного Заволжья (Самарской губернии) в середине XVII – середине XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; она же. Формирование этнически смешанного населения Самарской губернии в XVII – XIX вв. // Бородина Н.В., Ведерникова Т.И. Народный костюм Самарского края. Самара, 2007. С. 8–23; она же. Русские Самарского края: история и традиционная культура. Учеб. пос. Самара, 2007.

¹⁸⁰ Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989; Бромлей Ю.В. К типологизации этнических процессов // Проблемы типологизации в этнографии. М., 1979. С. 3–11; Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР: Стадийные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов в XIX – XX вв. М., 1990; Козлов В.И. Этнические процессы в современном мире. М., 1987; Садиков Р.Р. Этноконфессиональные процессы в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья (история и современность) // Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: сб. статей. М., 2009. С. 26–27.

¹⁸¹ Красноперов И.М. Самарская Башкирия // ЦГАСО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 234. Л. 1–1 об.

- ¹⁸² ЦГАСО. Ф. 21. Д. 597. Л. 7.
- ¹⁸³ Сборник статистических сведений... Т. 6. С. 11.
- ¹⁸⁴ ЦГАСО. Ф. 21. Д. 553. Л. 2.
- ¹⁸⁵ ЦГАСО. Ф. 21. Д. 597. Л. 7.
- ¹⁸⁶ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 12. Д. 30.
- ¹⁸⁷ Списки населенных мест Российской империи. Вып. 36. Самарская губерния. СПб., 1864. С. 25.
- ¹⁸⁸ РГИА.Ф. 379. Оп. 1. Д. 1503. Л. 1,4 – 5.
- ¹⁸⁹ Списки населенных мест Российской империи. Вып. 36. Самарская губерния. СПб., 1864. С. 25.
- ¹⁹⁰ Преображенский П.А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923. С. 55.
- ¹⁹¹ Преображенский П.А. Указ. соч. С. 56.
- ¹⁹² ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1–10.
- ¹⁹³ Сборник статистических сведений... Т. 3. С. 12.
- ¹⁹⁴ РГИА.Ф. 379. Оп. 1. Д. 600. Л. 3.
- ¹⁹⁵ Там же. Л. 7-8.
- ¹⁹⁶ Этнографические записки. Кинельский район / авторы-сост. А.В. Ломкин, Ю.И. Приходченко. Самара, 2003. С. 31–32.
- ¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932. Л. 96–100, 92.
- ¹⁹⁸ Русяев П.Я. Земля Глушицкая. Самара, 1998. С. 99–110.
- ¹⁹⁹ Преображенский П.А. Крестьянская реформа 1861 г. в Самарской губернии. Самара, 1923. С. 3.
- ²⁰⁰ РГАДА. Ф. 1335. Оп. 1. Д. 809. Л. 2.
- ²⁰¹ РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 244. Л. 3, 7, 9.
- ²⁰² РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 340. Л. 9, 15.
- ²⁰³ РГАДА. Ф. 1272. Оп. 3. Д. 34. Л. 123
- ²⁰⁴ РГАДА. Ф. 1272. Оп. 3. Д. 35. Л. 192, 241.
- ²⁰⁵ Списки населенных мест Российской империи. Вып. 36. С. 26.
- ²⁰⁶ Протопопов И.А. Пятидесятилетие Самарской губернии. Самара, 1901. С. 5.
- ²⁰⁷ Сборник стат. сведений... Т. 1. С. 10.
- ²⁰⁸ Ласточкин Н. Царевщинский приход Самарского уезда // Самарские епархиальные ведомости [далее СЕВ]. 1870. № 11. Ч. неоф. С. 247–248.
- ²⁰⁹ Приход Краковский Самарского уезда // СЕВ. 1872. № 17. С. 378... 379, 382; № 21. С. 483.
- ²¹⁰ Демидов Н. Исторический очерк села Березовки Самарского уезда // СЕВ. 1876. № 10. Ч. неоф. С. 230–232.
- ²¹¹ Архангельский И. Народные обычаи в селе Кракове Самарского уезда // СЕВ. 1875. Часть неофиц. № 3. С. 68.
- ²¹² Алабин П.В. 25-летие Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 73.
- ²¹³ Третьяков П. Слобода Кинель-Черкасская // Самарские губернские ведомости [далее СГВ]. Часть неоф. 1872. № 42(27 мая).

²¹⁴ Тумайкин В.П. Из истории заселения мордвой левобережья средней Волги (XVIII – XIX вв.). Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и этнографии (далее Морд. НИИЯЛИЭ). Вып. 47. Саранск, 1974. С. 82.

²¹⁵ Списки населенных мест российской империи. Вып. 36. С. 34.

²¹⁶ Списки инородческих селений Казанского учебного округа. СПб., 1870.

²¹⁷ Гребнев М. Мордва Самарской губернии // СЕВ. 1886. № 21. С. 434.

²¹⁸ Материалы этнографической экспедиции [далее МЭЭ] 1995 г. // Архив кафедры теории и истории культуры Самарской государственной академии культуры и искусств (далее СГАКИ).

²¹⁹ ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1156. Л. 1.

²²⁰ Ласточкин Н. Указ. соч. С. 248.

²²¹ ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1 – 10.

²²² Красноперов И. Мордовская община в Бугульминском уезде // Северный вестник. 1887. № 1. Отд. 2. С. 60–75.

²²³ Козлов В.И. Расселение мордвы (исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 63. М., 1960. С. 54.

²²⁴ Списки населенных мест Российской империи. Вып. 36. С. 34.

²²⁵ Козлов В.И. Расселение мордвы... С. 30.

²²⁶ Тумайкин В.П. Указ. соч. С. 82.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Сборник статистических сведений... Т. 1. С. 7.

²²⁹ Гребнев М. Указ. соч. С. 462.

²³⁰ МЭЭ 1980 г.

²³¹ Козлов В.И. Расселение мордвы... С. 27.

²³² Красноперов И. Самарские чуваша // ЦГАСО. Ф. 558. Оп. 1. Д. 262. Л. 1.

²³³ Залесский В. Казанские лашманы // Русская старина. Пг., 1916, август. С. 259.

²³⁴ Списки населенных мест Российской империи. Вып. 36. С. 33.

²³⁵ Сборник стат. сведений... Т. 7. С. 14.

²³⁶ МЭЭ 1980 г.

²³⁷ Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Т. 2. М., 1902. С. 303.

²³⁸ Исхаков Д.М. Тептяри. Опыт этностатистического изучения // Советская этнография (далее СЭ). 1979. № 4. С. 30.

²³⁹ Списки населенных мест Российской империи. Вып. 36. С. 33.

²⁴⁰ ЦГАСО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 105. Л. 2.

²⁴¹ Сборник статистических сведений. Т. 4. С. 9.

²⁴² МЭЭ 1983 г.

²⁴³ МЭЭ 2004 г.

²⁴⁴ Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-приуральской историко-этнографической области в XVIII – XIX вв. // Советская этнография. 1980. № 4. С. 30.

- ²⁴⁵ Исхаков Д.М. Расселение и численность татар... С. 30.
- ²⁴⁶ Красноперов И.М. Меннонитское хозяйство в Самарском уезде // Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 1. Самарский уезд. Самара, 1883. С. 89.
- ²⁴⁷ Савченко И.А. Немцы // Этносы Самарского края. Самара, 2003; Савченко И.А., Дубинин В.Ф. Российские немцы в Самарском крае. Самара, 1994; Дубинин С.И., Курсков Н.А. Немецкие поселения на северо-западе Самарской губернии в 19 – начале 20 века // Самарский краевед. Самара, 1995. Вып. 4.
- ²⁴⁸ Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 8. Вып. 1. Самара, 1892. С. 14.
- ²⁴⁹ Экономические примечания к Генеральному межеванию // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932, 1422, 1430, 1874, 1876.
- ²⁵⁰ Наякшин К.Я. Очерки из истории среднего Поволжья. Куйбышев, 1955. С. 103.
- ²⁵¹ Сводный сборник статистических сведений... С. 9–10.
- ²⁵² Козлов В.И. Расселение мордвы... С. 50; 51
- ²⁵³ Воейков Н.И. Людность селений Европейской России и Западной Сибири // Известия Русского географического общества. Вып. 1. Т. 45. СПб., 1909. С. 5, 26.
- ²⁵⁴ Православные святые Самарского края. Самара, 2001.
- ²⁵⁵ Обзор Симбирской губернии за 1911 год. Симбирск, 1912. С. 19.
- ²⁵⁶ Очерк раскола в с. Новых Костычах // СЕВ. 1870. Часть неоф. № 3. С. 51–53.
- ²⁵⁷ МЭЭ 1995 г.
- ²⁵⁸ О средствах, которые употребляли мнимо-старообрядческие Иргизские монастыри для распространения раскола // СЕВ. 1872. Часть неоф. № 14. С. 299.
- ²⁵⁹ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1893 год // ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Ед. хр. 305. Л. 20–31.
- ²⁶⁰ Мелехина (Бичурова) Н.Г. Молоканский сад. Самара 1870–1970. Ч. 1. URL: idsamara.samgtu.ru/part_3/page_htm.
- ²⁶¹ Сборник статистических сведений... Т. 3. Бузулукский уезд.
- ²⁶² Там же.
- ²⁶³ Семевский М. От Твери до Астрахани. Волжские заметки // Отечественные записки. 1862. № 12. С. 498–556.
- ²⁶⁴ Сборник статистических сведений... Т. 3. Бузулукский уезд... С. 142–145.
- ²⁶⁵ МЭЭ 2011 г.
- ²⁶⁶ Орлов Д. Сведения о монтанской секте в с. Дубовый Умет Самарского уезда // СЕВ. 1870. № 16. С. 377.
- ²⁶⁷ МЭЭ, 2000 г.
- ²⁶⁸ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд-е Центр. стат. к-та Мин-ва внутр. дел под ред. Н.А.Тройницкого. Т. 36: Самарская губерния. СПб., 1904. С. V.
- ²⁶⁹ Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. СПб., 1895. Стб. 383–387.

²⁷⁰ Уоллес М. Россия. Т. 2. СПб., 1881. С. 12.

²⁷¹ Лев Толстой в Самарской губернии. URL: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/tpt/tpt21442.htm>.

²⁷² Федоров М.Г. Поляки // Этнос Самарского края. Самара, 2003. С. 233–244.

²⁷³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Изд-е Центр. стат. к-та Мин-ва внутр. дел под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 36: Самарская губерния. СПб., 1904.

²⁷⁴ Гусева Ю.Н. Ислам в Самарской области. М., 2007.

²⁷⁵ Евреи Самары на пороге XXI века / авт.- сост. М.Г. Каплан. Самара, 2009.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение процесса «обретения Родины» — характера и особенностей развития средневожского региона в составе Российского государства — невозможно без обращения к проблеме складывания полиэтничного и поликонфессионального населения на территории региона. В настоящем исследовании прослежено, как в ходе колонизационных процессов, массового переселения на протяжении нескольких столетий формировался региональный социум с его специфическими особенностями, уникальным этноконфессиональным и социокультурным обликом населения.

Для российского общества и государства вторая половина XVI — XVII вв. явилась одним из самых противоречивых и сложных исторических периодов. Никогда ранее в истории страны не наблюдалось столь значительного расширения ее территории за счет слабообжитых, полупустынных земель и столь мощных миграционных потоков, направленных на их освоение. В состав Московского государства входили новые пространства на европейском юго-востоке со своим автохтонным, различным в этническом и конфессиональном отношении населением: оседлыми народами, населявшими бывшее Казанское ханство; полукочевыми жителями Башкирии и кочевниками. Все это порождало неравномерность в развитии отдельных территорий и придавало процессам, происходившим там, особый противоречивый характер.

После присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к России земледельческая колонизация затронула только территорию Казанского края. Все лесостепное пространство к югу и юго-востоку, оставаясь вне ареала постоянного оседлого расселения, являлось своеобразной буферной зоной, фронтиром, где соседствовали кочевые и полукочевые сообщества (до первых десятилетий XVII в. — ногаи, затем заменившие их калмыки, а также башкиры); представители автохтонных народов Среднего Поволжья (мордвы, чувашей, татар), осваивавших эти территории эпизодически, «наездом»; станицы вольного казачества (выходцев из кочевых сообществ, беглых из России и Украины); ватаги русских рыболовов, эксплуатировавших богатейшие речные ресурсы. В документах эпохи Московского царства новые территории называли «Диким полем», «порозжими землями».

Первым постоянным населением региона становятся служилые люди русских пограничных городов-крепостей по Волге —

Самары (1586 г.) и Саратова (1590 г.). Только после завершения Смуты в этих городах начинают возникать малочисленные общины посадских жителей. Длительное время волжские города развивались автономно, существовали вне ареала сельского расселения. Помимо выполнения своей основной военной функции они являлись перевалочными пунктами на волжском речном пути, торгово-промышленными центрами в зоне развития рыболовецкого предпринимательства.

Во второй четверти XVII в. на территории Южного Средневожья появились первые локальные районы сельского расселения: дворцовые и монастырские вотчины, оброчные земельные владения привилегированного купечества. Однако массовая колонизация новых территорий началась лишь в середине XVII в. Она стала следствием строительства системы оборонительных линий, протянувшихся от западных границ региона до Волги и далее до Камы, и расселения вдоль них гарнизонов служилых людей. Военно-государственные мероприятия этого времени защитили пространство юго-восточной лесостепи от нападений кочевников и создали условия для формирования постоянного сельского и городского населения. Тем не менее на протяжении второй половины XVII в. регион оставался опасным пограничьем, фронтиром, защищаемым, прежде всего, местным военизированным населением. Последующее распространение ареала сельского расселения на юг было возможно только при активном участии государства, после строительства новых засечных линий и крепостей.

Важной особенностью массового переселенческого движения на новые плодородные земли являлась этноконфессиональная неоднородность, свойственная всем сословным (служилым и тяглым) группам переселенцев. Этническое и конфессиональное разнообразие предполагало сложную систему повседневных взаимоотношений между разными категориями новоселов, с центральной и местной администрациями, православной церковью.

В конце 40-х – начале 60-х гг. XVII в. основными акторами расселения в регионе были ратные люди по прибору, мобилизованные для службы на засечных линиях. Их набирали из самых разных категорий населения – стрельцов и городских казаков, дворцовых крестьян, автохтонных жителей края и т. д. Массовое испомещение военизированного населения способствовало заселению широкой лесостепной полосы под защитой укрепленных линий и складыванию новых уездов – Симбирского, Саранского, закамской части Казанского и других. О степени «насыщения»

уездов Предволжья служилыми людьми свидетельствует тот факт, что уже в начале 1660-х гг. служилых людей начинают переводить в пункты, находившиеся в более опасных и стратегически важных районах юго-востока.

Важную роль в заселении новых территорий сыграло местное коренное служилое и ясачное население Среднего Поволжья. По своей численности ясачное крестьянство (чуваши, мордва, татары) лишь незначительно уступало населению помещичьих владений. Их переселение на новые земли в большинстве случаев происходило самовольно.

После завершения событий Разинщины началось усиленное испомещение дворян и детей боярских, выборных солдат на свободных землях Симбирского уезда, под защитой черты, а также на «Крымской стороне», «за валом». При заселении и обеспечении безопасности прилегающих к Волге земель Западного Закамья правительство пыталось опереться прежде всего на служилых иноземцев. Так, многочисленную группу очень своеобразного и нового для региона населения составили переведенные на Закамскую линию и в ее окрестности смоленские и полоцкие шляхтичи. Под защитой черты происходит интенсивный перевод в Закамье служилых татар. В 1680-е гг. в связи с принятием решения о строительстве Сызрани и Сызранской линии в волжско-сурском междуречье возникает район расселения служилых татар, чувашей и мордвы, которым позволяли селиться на новых территориях в обмен на сторожевую станичную службу. Очевидно, что закрыть от нападений кочевников водораздел между Волгой и Сурой силами только русских казаков и солдат было невозможно.

Можно сделать вывод, что вплоть до последних десятилетий XVII в. основными акторами освоения Южного Средневожья являлись русские ратные люди, представители автохтонного служилого населения Среднего Поволжья, ясачные и русские крестьяне. Особую роль в освоении края сыграли правительственные мероприятия, «насытившие» его служилыми людьми и позволившие обезопасить от нападений кочевников. Регион в этом отношении (за исключением сложного этноконфессионального состава населения) был похож на другие территории южного пограничья европейской части страны. Важнейшую роль в формировании его территории, систем расселения, состава и численности населения сыграли государственная и вольная колонизации. Слой владевших крестьянами местных мелко- и среднепоместных земле-

владельцев формировался из служилых людей по отчеству, в основном переведенных из уездов Нижегородского и Среднего Поволжья.

Притом, что в заселении Южного Средневолжья принимали участие различные этнические, конфессиональные и социальные группы переселенцев, среди них практически невозможно выделить автохтонное население, имевшее особые права на южную лесостепь. Несмотря на противоречия и нередкие конфликты между участниками освоения, все они расселялись на новых для них, «порозжих» землях. Государство, обеспечивая в лесостепной зоне фронта сравнительно безопасные условия для его новых жителей, выступало верховным судьей в урегулировании различных социальных, хозяйственных, этнических и конфессиональных конфликтов.

С 1680-х гг. на территории Симбирского и отчасти закамских земель Казанского уездов резко увеличивается крупное монастырское землевладение. Церковные владения стали крупнейшими в регионе как по территории, так и по населению. Монастыри в конце XVII в. сыграли одну из определяющих ролей в освоении Южного Средневолжья и переселении сюда крупных групп крестьян.

В самом конце XVII в. меняется геополитическая ситуация на южных и юго-восточных рубежах европейской России. Удачное завершение азовских походов, попытка строительства канала между Волгой и Доном, возведение городов по Хопру, Медведице и другим притокам Дона, концентрация там значительного количества военных сил — все это способствовало дальнейшему продвижению к югу ареала постоянного расселения. Одновременно значительно расширилась сеть сельских поселений и, соответственно, выросла численность жителей в ставших «глубинными» районах Среднего Поволжья. Правительство практически отказалось от традиционной для уездов южного и юго-восточного пограничья политики «заказных городов», следствием чего стало интенсивное формирование крупной привилегированной собственности на землю и угодья (светской и церковной), перевод значительных групп крестьян из других районов страны.

К рубежу XVII — XVIII вв. на территории региона в целом складывается устойчивая система сельского и городского расселения. Интенсивные колонизационные процессы и миграционные потоки в значительной степени смещаются к его южным границам. В основном это коснулось Правобережья на пространстве между Сызранью — Пензой и более южными районами. В Заволжье (преж-

де всего, в Западном Закамье) освоение новых территорий шло медленнее. Но и там начинают постепенно заселяться земли к югу от Закамской линии.

Во второй трети XVIII в. было положено начало процессу массового заселения и освоения Самарского Заволжья – территорий, оставшихся до того времени «Диким полем» на юго-востоке европейской части страны. Основным населением в Заволжье были калмыки и башкиры. Их подданство России было непрочным, мало препятствовало набегам на оседлых жителей, не раз ставилось под сомнение открытыми восстаниями и военными конфликтами с государством. Ситуация осложнялась взаимными столкновениями кочевых народов, из-за чего, а также в силу географических и природных условий, Заволжье использовалось ими только под летние пастбища и лесные ухозя. Такие места более или менее постоянного обитания кочевников, как башкирские селения и калмыцкие зимовья, находились на значительном отдалении от Самарского Заволжья.

Оседлые жители пришли в этот край, исключая редкие поселения по самому берегу великой реки, не только позже, чем на волжское правобережье, но даже позднее, чем на территории, окружающие Заволжье с севера и востока: Закамье, Башкирию и Приуралье. Начало массовому заселению края оседлыми жителями положило возведение во второй половине 1730-х гг. новых пограничных линий по р. Самаре и Яику. Меры по укреплению безопасности Самарского Заволжья привели к притоку новых переселенцев различного этнического и социального состава. Переселенцы, оседавшие на самой пограничной линии, как правило, были беглыми, с чем правительство было вынуждено смириться.

Одной из мер охраны и освоения Заволжья стало расселение здесь групп из кочевых народов, считавшихся лояльными Российскому государству. Крупнейшей акцией в русле этой политики стало строительство города Ставрополь специально для крещеных калмыков. Чересполосное расселение калмыков и государственных крестьян задумывалось как средство постепенного приобщения кочевников к земледелию и оседлости.

Среди еще немногочисленных крестьян Заволжья в тот период преобладали чуваша; за ними шла мордва и русские; менее заметную, хотя и весьма значимую роль в заселении края играли татары. В сословном составе очевидно преобладание государственных крестьян, заметную группу составляли дворцовые, присутствовали в крае также монастырские и частновладельческие крестьяне.

В числе казаков были представлены «русские» (под которыми в те времена понимали православное население в совокупности), «иноверцы» (татары, ногайцы, калмыки, некрещенные чувашаи), а также группа «черкас», то есть украинцев.

Создание Оренбургской губернии (1744 г.) ускорило процесс заселения и хозяйственного освоения края. Заволжские земли, находившиеся в ее составе, были ближним тылом юго-восточного российского пограничья, служили поставщиками людей, хлеба, других ресурсов, и, в свою очередь, пользовались защитой оренбургских укрепленных линий.

Успехи в заселении края были связаны в основном с вольной народной колонизацией. В первоначальном заселении Заволжья преобладающую роль играли «сходцы», в большинстве своем просто беглые люди. Большую часть сельского населения в середине XVIII в. составляли ясачные (государственные) крестьяне разных национальностей: чувашаи, мордва, татары. Среди различных народов быстрее всего росла за счет переходов численность русского крестьянства края (хотя среди старожилов русские уступали по численности и чувашам, и мордве). Вслед за русскими по числу переселенцев стояли чувашаи. Лишь незначительная часть крестьян были крепостными отдельных помещиков.

Определенными особенностями отличался начальный этап освоения заволжских территорий, лежавших восточнее Ставропольского уезда, где в 1740-е гг. для проезда из Казанского уезда к Оренбургу была учреждена Новая Московская дорога. В заселении Новой Московской дороги, начатом практически с нуля, до начала 1750-х гг. главную роль играли мероприятия властей. В частности, сюда высылали всех «не помнящих родства», обнаруженных во время ревизии в различных частях России

В 70-х гг. XVIII в. соотношение крестьян разных национальностей в Заволжье стало меняться. Это произошло в связи с массовым переселением в Степное Заволжье русских крестьян из владений графов Орловых, Самариных и других помещиков. На луговой стороне Волги от Еруслана до Иргиза постоянное население выросло за счет немецких и прочих иностранных колонистов, солевозчиков (выходцев из Слободской Украины), русских дворцовых и экономических крестьян, а также старообрядцев.

Районы кочевий некрещеных калмыков сократились по сравнению с началом XVIII в.: в 1771 г. из-за растущего вмешательства

царских властей в их дела калмыцкая знать и духовенство приняли трагическое решение об откочевке на родину предков в Джунгарию. Туда двинулись через уральские и киргизские степи почти все некрещенные калмыки, но дошли, выдержав изнурительный путь и уцелев от нападений других кочевников, лишь немногие из них. Исход калмыков имел дальние и серьезные последствия. С одной стороны, с уходом калмыков открылась дорога набегам казахов на русские селения и немецкие колонии волжского левобережья. С другой стороны, этот исход в конечном итоге стимулировал более быстрое освоение завожской степи оседлыми жителями. Малочисленное по сравнению с калмыками башкирское и казахское население просто не могло занять освободившиеся пастбища, которые все активнее стали обращаться в крестьянские пашни и сенокосы.

В целом пограничные рубежи, установленные в Заволжье, открыли возможности для мирного хозяйственного освоения обширных земель. Однако новая этнодемографическая ситуация на юге Заволжья получила развитие уже после подавления в 1775 г. пугачевского восстания. Процесс заселения активно продолжался уже в рамках новых административных единиц, образованных здесь в результате губернской реформы Екатерины II. В ходе этой реформы Заволжье было поделено между различными территориальными образованиями: Симбирской, Оренбургской и Саратовской губерниями.

В течение последней четверти XVIII и начала XIX вв. заселение Заволжья интенсивно продолжалось. Так, в северной его части численность населения увеличилась за 1780–1810-е гг. почти в 2,7 раза; основной прирост жителей приходился на северо-восток края, находившийся в составе Оренбургской губернии. Сохранялась неравномерность заселения территории Заволжья: плотность населения по-прежнему снижалась по мере удаления от соседних регионов более раннего заселения с севера на юг и с запада на восток. Это отчетливо видно как в сравнении заселенности отдельных уездов, так и внутри них.

Серьезные сдвиги в численности и составе населения, в уровне хозяйственного и культурного развития Заволжья происходили как в связи с правительственными мероприятиями, так и независимо от них, а иногда и вопреки установлениям, предписанным сверху.

Организация надежной обороны от кочевников, упрочение местных органов власти, подавление больших мятежей и локальных

волнений, энергичная борьба с побегами и разбоями делали окраинные земли Юго-Востока России все более привлекательными для помещиков. Участие их в освоении края становится заметнее по сравнению с предыдущим временем.

Сравнительно новым явлением в конце XVIII — начале XIX вв. было широкое переселенческое движение из губерний Черноземного Центра в Заволжье (до того времени в потоке здешних новоселов почти безраздельно преобладали выходцы из уездов, лежавших по Волге и ее притокам). Такое изменение географии выходцев означало усиление роли русских в освоении заволжских пространств. К переселению могли толкать не только социально-экономические условия, но и стремление избежать религиозных гонений (в числе переселенцев были представлены старообрядцы, образовавшие раскольничий центр общероссийского масштаба в Николаевском уезде на р. Иргиз, а также молокане).

При преобладании стихийного начала, естественного для вольной крестьянской колонизации, правительство все же пыталось регулировать этот процесс. Так, в начале XIX в. были утверждены правила о переселении казенных крестьян из внутренних губерний на окраины. Наряду с казенными активно переселялись в Заволжье дворцовые крестьяне. Поток крестьянской колонизации направлялся все дальше на восток и юг, подготавливая условия для грядущего решительного земледельческого освоения Заволжья и Приуралья. Освоение края принимало небывалый до этого размах и проходило во все более разнообразных формах.

За время, прошедшее от Генерального межевания рубежа XVIII — XIX вв. до образования Самарской губернии в 1851 г., население Заволжья выросло почти в 4 раза. Такое увеличение обеспечивалось не столько естественным приростом, сколько постоянным притоком переселенцев. Особо активно заселялись степные южные (Саратовское Заволжье) и юго-восточные районы (Бузулукский уезд) края, малолюдные в XVIII в., но увеличившие к середине XIX в. численность жителей в 7 раз.

К началу XIX в. земледельческим населением были освоены в большей мере северные и северо-восточные уезды Самарской губернии — Самарский, Ставропольский, Бугульминский, Бугурус-ланский. В XIX веке аграрное освоение распространилось главным образом на южные и юго-восточные — Бузулукский, Николаевский и Новоузенский уезды, где еще существовало значительное количество незаселенных земель, зачастую принадлежавших кочующим народам. Существенным препятствием для аграрного

освоения заволжских степей являлись кочевья и набеги казахов (киргис-кайсаков), в народе чаще называемых «киргизами». Несмотря на указанные обстоятельства, после усиления «кордонной линии» по рекам Еруслану, Торгуну и Большому Узеню русские селения стали появляться в самых южных пределах Самарского Заволжья. Увеличение численности населения здесь отмечается особенно в период между седьмой и восьмой ревизиями (1816–1834 гг.). Вследствие роста численности жителей в 1835 г. бывшие слободы Чертанла и Мечетная по правительственному указу были переименованы в уездные города Саратовской губернии – Новоузенск и Николаевск. Активное заселение вновь образованных уездов продолжалось в основном за счет государственных крестьян, переселявшихся туда самовольно или с разрешения правительства. Основным районом выхода переселенцев в южное Заволжье в первой половине XIX в. был черноземный центр России (Тамбовская, Воронежская, Курская и др. губернии), где все больше ощущалось малоземелье. В разноэтничном составе жителей наиболее характерным в указанный период было соседство русских с украинцами и мордвой. В основной своей массе русские переселенцы в Самарское Заволжье в XIX в. были отнесены к разряду государственных крестьян; лишь незначительное их количество попадало в крепостную зависимость. Некоторое увеличение русского населения за счет переселенцев в первой половине XIX в. происходило и в северных районах Самарского Заволжья, хотя и не такое значительное, как в южных.

Основную массу жителей края, как и прежде, составляли представители непривилегированных податных сословий. На городские сословия (почетных граждан, купцов, мещан, цеховых, иностранных подданных) приходилось 3,5 % населения, на крестьян – 89,1 %. Среди последних в Заволжье традиционно преобладали государственные крестьяне, которые вместе с иностранными колонистами и вольноотпущенниками составляли две трети здешних крестьян. Вторыми по численности среди сословных групп крестьян были удельные и лишь третьими – помещичьи, хотя дворяне продолжали весьма активно переводить своих крепостных на новые земли. Доля военно-служилых сословий и их роль в хозяйственном освоении края снижалась из-за постоянного притока переселенцев-крестьян. А в 1840-х гг. был осуществлен массовый вывод значительных групп населения, казаков и крещеных калмыков за пределы Заволжья.

По конфессиональной принадлежности преобладающей группой в населении региона в середине XIX в. были православные (83,92 %), второе место по численности со значительным отрывом занимали мусульмане (10,00 %); в регионе были также представлены католики, протестанты, иудеи и язычники. Преимущественно в крае росло православное население, хотя число православных следует считать завышенным за счет старообрядцев и разного рода преследуемых сект, а также за счет только формально крещеных язычников и мусульман.

В основных чертах этнический состав населения Самарского Заволжья определился в конце XVIII – первой половине XIX в.; тогда же сложились и районы компактного проживания различных этнических групп. Переселения в первой половине XIX века определили значительное преобладание в заволжском крае русского православного населения при сохранении многонационального характера и культурного разнообразия жителей. В середине XIX в. четко обозначились тенденции хозяйственного и культурного сближения различных этнических групп, шли процессы ассимиляции. Так, переходную группу между башкирским и татарским этносом представляли башкироязычные тептяри; в татаро-чувашской среде на территории Самарского и Ставропольского уездов происходила ассимиляция чувашей; ассимиляция заволжской мордвы шла в направлении сближения с русским населением.

Наиболее существенные перемены в правовом статусе и социально-экономическом положении во второй половине XIX в. коснулись башкир: в эпоху Великих реформ обособленное сословие «башкир» с особой кантонной системой управления, учрежденной после Пугачевского восстания, исчезло; башкирская элита влилась в состав элиты имперской, а рядовое население – в состав «свободных сельских обывателей». Вынужденный переход башкир от полукочевого к оседло-земледельческому образу жизни способствовал уменьшению их культурных различий с соседними народами. И все же именно эти процессы в конечном итоге послужили катализатором формирования башкирской национальной идентичности.

Во второй половине XIX – начале XX вв. демографические процессы в поволжских губерниях протекали с различной скоростью. Рост населения в большинстве губерний Поволжья шел, главным образом, за счет естественного прироста (Казанская, Симбирская, Пензенская губернии, северные уезды Самарской и Саратовской губерний). Выделялись из общего ряда Самарская и Саратовская губернии, отличавшиеся самыми высокими показа-

телями роста населения. Численность населения здесь возрастала как за счет естественного прироста населения, более многочисленного по сравнению с другими губерниями, так и за счет переселений.

Количественные и качественные изменения в составе населения происходили под влиянием становления и развития капитализма в сельском хозяйстве, аграрной политики правительства, социальных конфликтов в деревне. Сохранение крепостнических пережитков, перенаселенность приводили к тому, что из Казанской, Симбирской и Пензенской губерний в конце XIX – начале XX века увеличилось число переселенцев на окраины России и прежде всего в Сибирь, возросли масштабы отходничества. Напротив, в южных, степных районах Поволжья население росло за счет миграций: сюда шел колонизационный поток из центральных губерний России и Украины. Но и в этих некогда привольных землях создавалась перенаселенность, и колонизационные потоки устремлялись дальше, на восточные окраины России и в Сибирь. В течение второй половины XIX и начала XX века регион был своеобразным транзитным пунктом, через который шло массовое переселение крестьян.

Значительная часть переселенцев оседала в южных степных уездах Самарской и Саратовской губерний, в районе торгового зернового земледелия. Переселенцы, покупая землю у Крестьянского поземельного банка, поселялись в уездах с высокой плотностью населения; в результате там с наибольшей остротой сказывалось малоземелье, перенаселенность, наличие большого числа крепостнических пережитков. Все это не могло не вызывать конфликтных ситуаций между постоянным и пришлым населением. Вместе с тем приток в заволжские степи переселенцев существенно ускорил освоение новых районов, что, в конечном счете, превратило Поволжье в крупнейший район по производству сельскохозяйственной продукции как для внутреннего, так и для внешнего рынков. Строительство железных дорог также способствовало увеличению как численности, так и плотности населения.

Несмотря на высокий прирост населения, плотность его была различной в губерниях Поволжья. Неравномерность расселения жителей была связана как с климатическими, почвенными условиями, так и с особенностями колонизации региона. Основная часть сельского населения сосредоточивалась по берегам Волги и ее притоков Камы, Свияги, Суры, Самары и др. Наиболее густо заселенными были лесостепные уезды Казанской, Симбирской,

Пензенской губерний. Большая плотность населения была в черноземных уездах, где находились помещичьи земли, на месте бывших укрепленных линий и засечных черт, строившихся в XVII–XVIII вв. Высокой была плотность населения в северных уездах Самарской и Саратовской губерний, где колонизационный процесс в значительной степени завершился в конце XVIII – начале XIX века. Иная картина наблюдается в степных заволжских уездах, где процесс освоения новых земель продолжался в XIX – начале XX в.; поэтому плотность населения Самарской губернии была ниже, чем средний показатель по региону.

Городское население наиболее быстро росло в губернских центрах и в уездных городах – Сызрани, Царицыне, Вольске, – которые в период промышленного подъема стали новыми центрами промышленного производства. Население городов увеличивалось в результате развития промышленности и торговли в основном за счет притока крестьянства.

Как показывают материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, определявшей национальную принадлежность на основе родного языка, Поволжье отличалось исключительным этническим многообразием. Русская колонизация региона привела к тому, что к концу XIX века русские уже доминировали в Поволжье, составляя 59,9 % его населения. Однако в Казанской и Астраханской губерниях они не находились в абсолютном большинстве, уступая общей численности представителей других народов. Из коренных народов Поволжья самыми многочисленными являлись татары, несколько уступали им по численности чуваша и мордва. Из некоренных народов края также выделялись своей численностью украинцы и немцы.

Значительно отличался от общей картины национальный состав жителей городов Поволжья. Представительство коренных народов региона (чувашей, калмыков, марийцев, удмуртов) в городах было значительно ниже, чем их доля среди его населения в целом. Особенно разительным было отличие этнической структуры населения уездных городов Поволжья от общей национальной структуры региона в целом: в конце XIX века 90,8 % населения этих городов приходилось на долю русских. Определенное исключение представляли татары, которые образовывали относительно многочисленную группу горожан Поволжья: в частности, обширные татарские районы существовали в Казани и Астрахани. Характерной особенностью губернских центров являлась довольно

значительная прослойка лиц немецкого, еврейского и польского происхождения. Крупные губернские города, в отличие от мелких уездных центров, носивших преимущественно моноэтнический характер, являлись местом сосредоточения более пестрого в национальном отношении населения, центрами интенсивных межнациональных контактов. Все это свидетельствует о том, что экономическое развитие отдельных городов, расположенных в центре тех или иных этнических ареалов, не всегда автоматически вело к росту представителей коренной национальности в составе их населения.

В составе Поволжского региона территория Самарской губернии выделялась тем, что она и в пореформенный период продолжала оставаться зоной активного притока населения. Земские статистики, исследовавшие в 1880-е гг. состояние крестьянских хозяйств различных уездов губернии, отмечали, что процесс колонизации большинства уездов «не закончился еще и до настоящего момента». Согласно данным переписи населения 1897 г., численность уроженцев других губерний, проживавших в Самарской губернии, была выше, чем численность местных уроженцев, выехавших в иные регионы Российской империи; то есть наблюдался «прилив» населения в губернию. Судя по географии регионов выхода, среди мигрантов преобладали русские и украинцы; источники сообщают также о переселении в Самарскую губернию мордвы (из Казанской губернии и других «губерний промышленного района»), немцев (переселенцев из соседней Саратовской губернии), эстонцев, евреев и латышей. Наиболее высокие показатели абсолютного прироста населения с 1850-х по 1897 гг. зафиксированы по таким этническим группам, как русские, немцы, мордва, украинцы, татары; по таким национальным группам, как украинцы, немцы, мордва, темпы роста населения в указанный период были существенно выше, чем средние показатели по губернии.

В этническом составе населения Самарской губернии к концу XIX в. большинство жителей составляли русские (вместе с украинцами); за ними шли татары (вместе с башкирами); немцы, мордва и чуваша. Русское население проживало по всей губернии и являлось преобладающим во всех уездах, кроме Бугульминского (в численном сравнении с иноэтничными группами в отдельности). Наибольшей численностью жителей отличались татарские и чувашские, за ними следовали мордовские и русские селения.

Кроме того, если в начале века на территории Самарского Заволжья преобладали мононациональные селения, то в течение XIX в. в большинстве случаев создается возможность для возникновения полиэтничных селений — к ранее существовавшим подселались иноэтничные переселенцы.

Истоки этнокультурных процессов, наблюдавшихся в Самарском Заволжье на рубеже XIX–XX вв., можно проследить, начиная с XVIII или даже — в некоторых случаях — с XVII в. Так, к концу XIX в. в основном завершился процесс формирования этнотерриториальной группы русских Заволжья. Это были выходцы из различных регионов России, осевшие в заволжских степях в XVII–XIX вв. Адаптируясь к местным условиям жизни, переселенцы долгое время сохраняли свои особенности говора, быта, культуры. Так, среди русских жителей Самарской губернии еще в конце XIX в., по районам их выхода, отмечались «пензяки, туляки, москвичи, питерцы, тамбовцы, нижегородцы, куряки, воронежцы», что отражалось в названиях селений или их улиц (концов). Со временем, в результате консолидации различных этнотерриториальных групп, а также их хозяйственно-бытовых контактов с другими народами региона, русские приобретают своеобразные черты культуры. Это позволяет сегодня говорить о «средневолжских» русских, объединяя под этим термином жителей Ульяновской, Самарской и Саратовской областей.

В той же мере мы вправе говорить о формировании поволжско-приуральского татарского этноса; в этом сложном процессе существенную роль играли этнокультурные контакты переселившихся татар с местным и пришлым в степное Заволжье населением. Расселение татар в иноэтничной среде способствовало консолидации и тесному взаимодействию культур субэтнических групп (казанских татар и мишарей) в контакте с другими этническими группами — русскими, чувашами, мордвой, башкирами.

Как указывалось выше, в Заволжье русские переселялись одновременно с мордвой, чувашами, татарами, украинцами, немцами. В XVIII–XIX вв. в степях возникло большое количество смешанных селений, где совместно проживали представители разных народов. Так, за XIX в. в Заволжье было основано множество украинских, смешанных русско-украинских, а также некоторое число украино-мордовских и русско-украино-мордовских селений. Мордва в указанный период селилась дисперсно с иноэтничными жи-

телями в смешанных селениях. В большинстве смешанных селений заволжская мордва проживала совместно с русскими; нередко это вело к ее «обрусению», отмечавшемуся этнографами. Ассимиляционные процессы протекали также в Самарском Заволжье в XIX в. и в чувашской среде. Благодаря тесным контактам с татарами соседних и в пределах смешанных селений, а также вследствие проживания чувашей и татар на бывших башкирских землях и связанного с этим выделения особой социальной и этнической группы – тептярей, в исследуемом районе нередко происходило «отатаривание» чувашей. Этнокультурные контакты в пределах смешанных селений вели к сближению проживавших в них различных групп населения.

Своими особенностями в Заволжье отличалась и такая этноконфессиональная группа, как кряшены – крещенные татары, исповедующие православное христианство. Проживание в русско-чувашском пограничье и «смешанность» с чувашами, христианское вероисповедание придают местным кряшенам довольно неопределенный, промежуточный статус.

Особую страницу в этнокультурном развитии самарско-саратовского Заволжья в XIX в. занимают немцы. Изначально, с момента расселения немцев в Поволжье (конец XVIII в.), можно говорить о процессах их внутренней консолидации. Выходцы из разных земель (Восточной Пруссии, Силезии, из-под Данцига, из австрийской Галиции, из Царства Польского), приверженцы разных вероисповеданий (лютеране, католики, евангелисты, меннониты), здесь они объединялись в этнотерриториальную группу «поволжских» немцев.

Дифференциация населения Степного Заволжья по религиозному принципу определялась процессом заселения региона в XVIII–XIX вв. В указанный период исследуемый регион стал территорией активного аграрного освоения множественными конфессиональными группами, как христианскими (православными, старообрядцами, молоканами, баптистами, а также протестантами и католиками), так и мусульманскими. В рамках православия в крае наличествовали многочисленные старообрядческие и духоворческие общины. Южные районы степного Самарского Заволжья оказались в ареале расселения различных неортодоксальных течений христианства, в частности – молокан и субботников. Слияние переселенческих потоков приводило к формированию смешанных

в религиозном отношении селений (с отдельными кладбищами); совместное проживание в русских селениях представителей двух, трех и более конфессий характерно и сегодня в целом для региона, а особенно для южных районов Самарской губернии, граничных с Саратовской. Самарская губерния в XIX – начале XX вв. являлась одним из крупных мусульманских центров России; мусульманские общины составляли татары, башкиры, в меньшей степени – тептяри и «мещеряки». Протестантские конфессии появились в Самарском крае как следствие прибытия сюда немецко-колонистов.

Особенным многообразием отличался конфессиональный состав жителей городов: как показывают результаты переписи 1897 г., среди жителей Самары первое место по абсолютной численности принадлежало православным и единоверцам, за ними следовали старообрядцы, затем – в порядке убывания абсолютной численности – мусульмане, иудеи, католики, лютеране и «лица прочих вероисповеданий». Иудаистскую общину в г. Самаре формировали евреи, начавшие здесь селиться во второй половине XIX в.: купцы, ремесленники, отставные солдаты и их семьи. Появление католицизма в Самарском крае традиционно связывается с поляками, с прибытием сюда ссыльных участников польских восстаний 1830–1831, 1848, 1863–1864 гг.

Формирование смешанных в этническом и конфессиональном смысле селений способствовало ассимиляционным межэтническим процессам, а также диффузии культур различных групп населения. Этническая самоидентификация населения определялась как языковой, так и религиозной общностью с представителями своей этнической группы или конфессии. Тенденция развития религиозного сознания населения степного Заволжья свидетельствовала о таких сдвигах в этнической самоидентификации, при которых религиозный фактор становился определяющим.

Уникальное этническое и конфессиональное разнообразие населения Юго-Востока Европейской России позволило этому региону с середины XVI в. играть роль своеобразной «творческой лаборатории» или даже «опытного полигона» имперской политики. На протяжении XVI – начала XX вв. Поволжский и Приуральский регион видел множество сменяющихся стратегий имперской политики; именно здесь апробировались, внедрялись на практике принципы политики по отношению к кочевому и оседлому насе-

лению, мусульманам, язычникам, крещеным нерусским народам. Используя сравнение, предложенное Р. Джераси, можно сказать, что для России этот регион представлял собой «окно на Восток», служа главным посредником в сложных и парадоксальных отношениях империи с Азией, – в той же мере, в какой Санкт-Петербург и Прибалтика служили окном в Европу. И, в конечном итоге, эту политику нельзя было не признать успешной. Несмотря на этноконфессиональное разнообразие и бурное историческое прошлое, к середине XIX в. данный регион не был зоной развития сепаратистских движений и не требовал «успокоения».

Политика Российской империи в Поволжском и Приуральском регионах вплоть до конца XIX в. разрабатывалась и проводилась исходя из сословной и конфессиональной принадлежности подданных. При этом империя достаточно успешно налаживала отношения с традиционными землевладельческими или степными элитами местного населения, но – как и на западных окраинах – опасалась образования национальной интеллигенции, которая могла выступить в качестве идеолога и организатора разнообразных политических движений.

Религиозная политика империи в регионе прошла множество стадий: от попыток форсированной христианизации местного населения к политике прагматичного сотрудничества с неправославными элитами. В XIX в. монопольное право православной церкви на миссионерскую деятельность и суровые запреты на «сворачивание» из православия сочетались с проявлениями политики веротерпимости, основы которой были заложены Екатериной II.

Миссионерская деятельность православного духовенства заметно активизировалась в регионе в 1860–1870-е гг. в силу ряда причин. В XIX в. империя столкнулась с новыми «вызовами», один из которых исходил со стороны панисламских и пантюркистских движений. Активные миссионерские усилия татарского мусульманского духовенства по обращению в ислам чувашей, а также по возвращению в ислам крещеных татар (татар-кряшен) наглядно показывали российскому правительству, что ислам становится серьезным соперником православия в борьбе за культурное доминирование в регионе. В данном регионе империя опасалась не столько национальных движений – как на западе страны, – сколько иных возможных сценариев: исламизации местного населения; его ассимиляции татарами; реализации джадидистского проекта «тюр-

ко-мусульманской нации»; наконец, влияния Османской империи как альтернативного центра притяжений мусульман и тюркских народов.

Поэтому на закате империи при разработке региональной политики стала приниматься в расчет уже не сословная, а национальная идентичность местного населения (в представлениях того времени показателем национальной принадлежности служил родной язык). Именно сложная ситуация соперничества нескольких ассимилирующих проектов привела к тому, что в Поволжско-Приуральском регионе имперская администрация оказалась готовой – до известного предела – поощрять развитие местных языков и национальной интеллигенции. На решение этой задачи была направлена система начального народного образования и религиозного просвещения, разработанная специально для коренных народов Поволжья профессором Казанской духовной академии и Казанского университета Н.И. Ильминским. Основным пунктом «системы Ильминского» было преподавание в начальных народных училищах – в том числе и преподавание православного Закона Божьего, – на родных языках коренных народов Поволжья; это был проект аккультурации (приобщения к православию) коренного населения без его ассимиляции. Внедрение данной системы способствовало снижению привлекательности ислама для мордвы и чуваш и быстрой христианизации этих народов, и в то же время – порой вопреки намерениям ее создателей – объективно привело к формированию молодой национальной интеллигенции и сыграло важную роль в создании и развитии национальной идентичности у многих народов Поволжья. Миграционные движения, этнокультурные процессы, имперская политика способствовали возникновению на территории Среднего Поволжья и Заволжья к рубежу XIX – XX вв. особой историко-культурной области, где, наряду с этнической и конфессиональной, шло формирование региональной идентичности.

Как можно заключить, в течение изучаемого периода – с середины XVI до начала XX вв. – регион Среднего Поволжья и Заволжья постепенно становился неотъемлемой частью России, сохраняя определенные хозяйственные, этнические и культурные особенности. Массовой базой и основным механизмом такой интеграции стало широкое переселенческое движение оседлых жителей разных национальностей на новые земли, начавшееся в середине

XVII в. и продолжавшееся вплоть до начала XX в. Этот процесс массовой колонизации, замечательный по своей исторической протяженности, можно считать важнейшей особенностью региона. Интенсивные миграционные потоки, складывание системы устойчивого расселения, нового хозяйственного и культурного облика; взаимодействие и взаимовлияние различных народов «леса и степи» в ходе «обретения родины» и формирования нового социума являлись основными сущностными характеристиками развития Южного Средневолжья, превращения его из территории фронта во «внутреннюю окраину» Российской империи, в «общую родину» для его многоликого населения.

«Acquisition of Homeland»: Society and Power in the Middle Volga Region (from the Middle 16th to the Early 20th Century). Part 2: Colonization and Ethno-demographic Characteristics of the Regional Population / Ed. by P.Kabytov, E.Dubman, O.Leontieva. Samara: Samara State University Press, 2014. – 254 p.

The book is the second part of the monograph «“Acquisition of Homeland”: Society and Power in the Middle Volga region» which had been published in 2013. The authors attempt to define the essential characteristics of settling and colonization of the forest-steppe lands in the Middle Volga and Trans-Volga region as a special part of the South-East European Russia. The study is focused on the key features of the development of systems of settlements, on the main directions and intensity of migration processes at the different stages of colonization, on the ethno-demographic structure of regional population.

The book is meant for school teachers and college professors, students, local history specialists and everybody who is interested in Russian history.

Научное издание

Кабытов Петр Серафимович,
Дубман Эдуард Лейбович,
Леонтьева Ольга Борисовна,
Артамонова Людмила Михайловна,
Ведерникова Тамара Ивановна,
Гончаренко Лев Николаевич,
Кабытова Надежда Николаевна,
Кобозева Зоя Михайловна,
Смирнов Юрий Николаевич,
Смыков Юрий Ильич

**«ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ»:
общество и власть в Среднем Поволжье
(вторая половина XVI – начало XX в.)**

Часть 2

Заселение региона и этнодемографическая ситуация

Монография

*Публикуется в авторской редакции
Корректоры Т. И. Кузнецова, Л. А. Кузнецова
Художественный редактор Л. В. Крылова
Компьютерная верстка, макет Л. Н. Замамыкиной*

Подписано в печать 05.08.2014.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 15,75. Гарнитура «Newton».
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Самарский университет»
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334-54-23. E-mail: lizam@ssu.samara.ru

Отпечатано по технологии СТР
в типографии ООО «Медиа-Книга»
г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru

